

**ИЗВЕСТИЯ
ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ**

**Северо-Кавказский
регион**

**ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ
2024**

1

Журнал основан в 1972 г. Ю.А. Ждановым

Главная редакция:

М.А. Боровская (главный редактор),
Е.Н. Макаренко (заместитель главного редактора, председатель редколлегии),
Е.А. Шинкаренко (ответственный секретарь)

Редакционная коллегия:

М.А. Боровская – главный редактор, чл.-кор. РАО, доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Е.Н. Макаренко – председатель редколлегии, доктор экономических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Россия
И.М. Узнародов – заместитель председателя, доктор исторических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Россия
В.Х. Акаев – доктор философских наук, профессор, Академия наук Чеченской Республики, Россия
О.А. Алимуратов – доктор филологических наук, профессор, Пятигорский государственный университет, Россия
А.У. Альбеков – доктор экономических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Россия
С.Н. Астапов – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
В.Д. Бакулов – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
В.М. Белоусов – доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Б.Б. Булатов – доктор исторических наук, профессор, Дагестанский государственный университет, Россия
Ю.Г. Волков – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Г.В. Драч – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Н.Н. Евченко – доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
А.Г. Иванов – доктор исторических наук, профессор, Кубанский государственный университет, Россия
Н.В. Изотова – доктор филологических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Ю.С. Колесников – доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
С.И. Лукьяшко – доктор исторических наук, профессор, Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН, Россия
А.А. Магомедов – доктор исторических наук, профессор, Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова, Россия
А.В. Матецкая – доктор философских наук, доцент, Южный федеральный университет, Россия
Н.А. Мининков – доктор исторических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Е.М. Ниворожкин – доктор экономических наук, PhD (доктор экономики), UCL School of Slavonic and East European Studies, Лондон, Англия
Л.И. Ниворожкина – доктор экономических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Россия
В.Н. Овчинников – доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Е.А. Паламарчук – доктор исторических наук, профессор, Ростовский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции, Россия
И.А. Полякова – доктор экономических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Россия
В.И. Пржиленский – доктор философских наук, профессор, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина, Россия
М.Д. Розин – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Д.В. Сень – доктор исторических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Р.Д. Хунагов – доктор социологических наук, профессор, Адыгейский государственный университет, Россия
И.К. Шевченко – доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Э.А. Шеуджен – доктор исторических наук, профессор, Адыгейский государственный университет, Россия
Е.А. Шинкаренко – ответственный секретарь журнала, Южный федеральный университет, Россия
О.М. Штомпель – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия

Учредители:

Дагестанский государственный технический университет,
Дагестанский государственный университет,
Донской государственный технический университет,
Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова,
Кубанский государственный технологический университет,
Ростовский государственный университет путей сообщения,
Ростовский государственный экономический университет (РИНХ),
Южно-Российский государственный политехнический университет им. М.И. Платова,
Южный федеральный университет

Journal was founded in 1972 by Yu.A. Zhdanov

Main Edition:

M.A. Borovskaya (Editor-in-Chief),
E.N. Makarenko (Deputy Editor-in-Chief, Chairman of the Editorial Board),
E.A. Shinkarenko (Assistant Editor)

Editorial Committee:

M.A. Borovskaya - Editor-in-Chief, Corresponding Member, Russian Academy of Education, Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
E.N. Makarenko - Chairman of the Editorial Board, Doctor of Economics, Professor, Rostov State University of Economics, Russia
I.M. Uznarodov - Deputy Chairman, Doctor of History, Professor, Rostov State University of Economics, Russia
V.H. Akayev - Doctor of Philosophy, Professor, Academy of Sciences of the Chechen Republic, Russia
O.A. Alimuradov - Doctor of Philology, Professor, Pyatigorsk State University, Russia
A.U. Al'bekov - Doctor of Economics, Professor, Rostov State University of Economics, Russia
S.N. Astapov - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia
V.D. Bakulov - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia
V.M. Belousov - Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
B.B. Bulatov - Doctor of History, Professor, Dagestan State University, Russia
Yu.G. Volkov - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia
G.V. Drach - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia
N.N. Evchenko - Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
A.G. Ivanov - Doctor of History, Professor, Kuban State University, Russia
N.V. Izotova - Doctor of Philology, Professor, Southern Federal University, Russia
Yu.S. Kolesnikov - Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
S.I. Lukyashko - Doctor of History, Professor, Federal Research Centre The Southern Scientific Center, Russian Academy of Sciences, Russia
A.A. Magometov - Doctor of History, Professor, Khetagurov North Ossetian State University, Russia
A.V. Matetskaya - Doctor of Philosophy, Associate Professor, Southern Federal University, Russia
N.A. Mininkov - Doctor of History, Professor, Southern Federal University, Russia
E.M. Nivorozhkin - Doctor of Economics, PhD, UCL School of Slavonic and East European Studies, London, England
L.I. Nivorozhkina - Doctor of Economics, Professor, Rostov State University of Economics, Russia
V.N. Ovchinnikov - Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
E.A. Palamarchuk - Doctor of History, Professor, Rostov Institute (Branch), All-Russian State University of Justice, Russia
I.A. Polyakova - Doctor of Economics, Professor, Rostov State University of Economics, Russia
V.I. Przhilensky - Doctor of Philosophy, Professor, Kutafin Moscow State University of Law, Russia
M.D. Rosin - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia
D.V. Sen' - Doctor of History, Professor, Southern Federal University, Russia
R.D. Hunagov - Doctor of Social Sciences, Professor, Adyghe State University, Russia
I.K. Shevchenko - Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
E.A. Sheudzhen - Doctor of History, Professor, Adyghe State University, Russia
E.A. Shinkarenko - Executive Secretary of the Journal, Southern Federal University, Russia
O.M. Shtompel' - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia

The Founders:

Dagestan State Technical University,
Dagestan State University,
Don State Technical University,
Berkbekov Kabardino-Balkarian State University,
Kuban State Technological University,
Rostov State Transport University,
Rostov State University of Economics,
Platov South Russian State Polytechnic University,
Southern Federal University

ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ. СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ РЕГИОН

BULLETIN OF HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS. NORTH CAUCASUS REGION

Doi: 10.18522/2687-0770-2024-1

*Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77 – 76978 от 28.10.2019,
выдано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций
Научный журнал
Издается с 1973 г.
Периодичность серии 4 номера в год
№ 1 (221) 2024 г.*

*Registration certificate
PI No. FS 77 - 76978 dated 10/28/2019,
issued Federal Service for Supervision
of Communications, Information Technology,
and Mass Media
Science magazine
Published since 1973.
4 issues per a year
No. 1 (221) 2024*

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

SOCIAL SCIENCE

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

PHILOSOPHICAL SCIENCE

Авдеенко Е.В. Художественное кино как инструмент манипуляции поведением личности и общества 4
Локова М.Ю., Ханова М.Н., Захохова М.Р. Социально-философский анализ проблем номофобии и интернет-зависимости 16
Перекрестова А.В. Метафизика точки: путь в трансцендентное 23

Avdeenko E.V. Feature Cinema as a Tool for Manipulation of Individual and Society Behavior 4
Lokova M.Yu., Khanova M.N., Zakhokhova M.R. Social-Philosophical Analysis of the Problems of Nomophobia and Internet Addiction 16
Perekrestova A.V. Metaphysics of the Point: the Path to the Transcendental 23

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

HISTORICAL SCIENCE

Горбик К.А. Городские кредитные учреждения Области войска Донского в пореформенный период 30
Гречишкина С.А. США на пути к рестрикционизму в иммиграционной политике (вторая половина XIX – начало XX века) 35
Денильханов И.С. Культурные трансформации в жизни чеченского общества к началу XX века 42
Кравец В.С. О становлении авиации на Дону 48
Кувшинов А.Н. Горцы на стороне Российской империи в вооруженном противостоянии на Кавказе 53
Мутушев И.А. Особенности социальных конструкций Дагестана и их влияние на общественно-политические процессы в регионе 61
Платонов Р.Д. Причины стачечного движения на текстильных предприятиях Владимирской губернии в 1905–1907 годах 67

Gorbik K.A. City Credit Institutions of the Don Army Region in the Post-Reform Period 30
Grechishkina S.A. The United States of America on the Way to Restrictionism in Immigration Policy (The Second Half of the 19th – Early 20th Century) 35
Denilkhanov I.S. Cultural Transformations in the Life of Chechen Society by the Beginning of the 20th Century 42
Kravets V.S. About the Aviation Formation on the Don 48
Kuvshinov A.N. Highlanders on the Side of the Russian Empire in the Armed Confrontation in the Caucasus 53
Mutushev I.A. Features of Social Structures in Dagestan and Their Influence on Socio-Political Processes in the Region 61
Platonov R.D. Reasons of the Strike Movement in the Textile Enterprises of the Vladimir Province in 1905-1907 67

Слепцов А.С. География оскорблений членов императорской семьи в Области войска Донского в начале XX века 74

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Боровская М.А., Масыч М.А., Федосова Т.В. Инструменты финансового сопровождения научно-технологического трансфера 84

ЗАМЕТКИ О КНИГАХ

Кислицын С.А., Нектаревская Ю.Б. Историческая наука, партийная и научная элита в эпоху сталинизма (*Дубровский А.М. Власть и историческая мысль в СССР (1930–1950-е гг.)*). М.: Политическая энциклопедия, 2017. 622 с.) 98

Мининков Н.А. – *Авраменко А. М.* От куреней Запорожской Сечи к станицам и городам Кубани (проблемы происхождения названий, исторической географии, топографии и культурного наследия). М.: Директ-медиа, 2023. 424 с. 106

Узнародов И.М. Черноморско-Каспийский регион в мировой геополитике (*Рябцев В.Н., Смагин С.А.* Черноморско-Каспийский регион как особый сегмент мирового геополитического пространства (современный ракурс рассмотрения). Ростов н/Д.: Фонд науки и образования, 2022. 498 с.) 111

ПАМЯТИ КОЛЛЕГИ

Виктор Исидорович Литвиненко (1940–2024) 115

Sleptsov A.S. Geography of Insults of the Imperial Family Members in the Don Army Region at the Beginning of the 20th Century 74

ECONOMIC SCIENCE

Borovskaya M.A., Masych M.A., Fedosova T.V. Financial Support Tools for Scientific and Technological Transfer 84

BOOK REVIEWS

Kislitsyn S.A., Nektarevskaya Yu.B. Historical Science, Party and Scientific Elite in the Era of Stalinism (*Dubrovsky A.M. Power and historical thought in the USSR (1930-1950s)*). Moscow: Politicheskaya entsiklopediya Publ.; 2017. 622 p.) 98

Mininkov N.A. – *Avramenko A.M.* From the kurens of the Zaporozhye Sich to the villages and cities of the Kuban (problems of the origin of names, historical geography, topography, and cultural heritage). Moscow: Direct-Media Publ.; 2023. 424 p. 106

Uznarodov I.M. The Black Sea-Caspian Region in World Geopolitics (*Ryabtsev V.N., Smagin S.A.* The Black Sea-Caspian Region as a Special Segment of the Global Geopolitical Space (modern perspective of consideration). Rostov-on-Don: Foundation of Science and Education, 2022. 498 p.) 111

IN MEMORY OF A COLLEAGUE

Viktor Isidorovich Litvinenko (1940–2024) 115

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ PHILOSOPHICAL SCIENCE

Научная статья

УДК 101.3

doi: 10.18522/2687-0770-2024-1-4-15

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ КИНО КАК ИНСТРУМЕНТ МАНИПУЛЯЦИИ ПОВЕДЕНИЕМ ЛИЧНОСТИ И ОБЩЕСТВА

Евгения Викторовна Авдеенко

Воронежский государственный технический университет, Воронеж, Россия

jjaane@yandex.ru

Аннотация. Объект исследования – художественное кино в контексте массовой манипуляции. Предмет исследования – образы и нарративы, посредством которых транслируются определённые ценности с целью манипуляции поведенческими паттернами личности и общества. Проводится анализ определений и современных направлений исследований массовой манипуляции, синтезируются выводы классиков французской постмодернистской философии в контексте философского анализа кинематографического воздействия на личность и социум. Манипуляция понимается как форма властных отношений, при которой воля субъекта латентно, посредством психологического влияния, навязывается объекту. Кино понимается как средство образного воздействия на психику человека. Во-первых, кинообраз посредством эмоционального воздействия преодолевает интеллектуальные барьеры восприятия (образное восприятие не требует интеллектуальной подготовки реципиента); во-вторых, критические барьеры сознания (эмоциональное восприятие снижает активность критического мышления); в-третьих, кинообраз становится продуктом массового потребления и средством бесконечной репродукции в общественном сознании аксиологической структуры (эмоционально, некритично, бессознательно интериоризируемый, он создает в общественном сознании новую реальность, ценности и поведенческие паттерны, продуцируемые соответствующим контентом). Анализируются технологии идеологизации кинематографа на примере голливудского кинопроизводства. Проводится сравнение этических кинематографических ориентиров различных культурных общностей. Эксплицируется зависимость акторов манипуляции и их инициатив от конъюнктуры наличного процесса социального развития определенной общности.

Определяется экспликация новых функций кино в современном медиапространстве: социализация индивидов, обеспечение социальной интеграции, репродукция аксиологической системы, понимание современного мирового кинематографа как функции глобализации.

Ключевые слова: художественное кино, манипуляция, глобализация, социальное поведение, образы, симуляция, симулякры, барьеры восприятия, эмоциональное воздействие, идеологема «американская мечта», экзистенция

Для цитирования: Авдеенко Е.В. Художественное кино как инструмент манипуляции поведением личности и общества // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2024. № 1. С. 4–15.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

FEATURE CINEMA AS A TOOL FOR MANIPULATION OF INDIVIDUAL AND SOCIETY BEHAVIOR

Evgeniia V. Avdeenko

Voronezh State Technical University, Voronezh, Russia

jjaane@yandex.ru

Abstract. The object of the study is feature cinema in the context of mass manipulation. The subject of the study is images and narratives through which certain values are transmitted with the aim of manipulating the behavioral patterns of the individual and society. This article analyzes the definitions and modern directions of research on mass manipulation, synthesizes the conclusions of the classics of French postmodern philosophy in the context of a philosophical analysis of the cinematic impact on the individual and society. Manipulation is understood as a form of power relations in which the will of the subject is latently, through psychological influence, imposed on the object. Cinema is understood as a means of imaginative influence on the human psyche. Firstly, the film image, through its emotional impact, overcomes intellectual barriers of perception (imaginative perception does not require intellectual preparation of the recipient), secondly, critical barriers of consciousness (emotional perception reduces the activity of critical thinking), thirdly, the film image becomes a product of mass consumption and a means of endless reproduction in the public consciousness of an axiological structure (emotionally, uncritically, unconsciously interiorized, it creates in the public consciousness a new reality, values and behavioral patterns produced by the corresponding content). Technologies of cinema ideologization are analyzed using the example of Hollywood film production. A comparison is made of the ethical cinematic guidelines of various cultural communities. The dependence of the actors of manipulation and their initiatives on the conjuncture of the existing process of social development of a certain community is explicated.

The explication of new functions of cinema in the modern media space is determined: socialization of individuals, ensuring social integration, reproduction of the axiological system, understanding of modern world cinema as a function of globalization.

Keywords: feature cinema, manipulation, globalization, social behavior, images, simulation, simulacra, barriers of perception, affective impact, ideologeme “American Dream”, existence

For citation: Aydeenko E.V. Feature Cinema as a Tool for Manipulation of Individual and Society Behavior. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2024;(1):4-15. (In Russ.).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Введение

Цель статьи – на основе анализа понятия «манипуляция» и технологий идеологизации голливудского кинематографа показать те стереотипы, модели поведения, ценности, которые насаждаются в сознание не только граждан США, но и кинозрителей других стран.

Важно обратить внимание на недостаточную проработку значимости кинематографа в контексте социализации каждого конкретного индивида и в контексте аксиологической глобализации.

Современные исследователи, погруженные в проблему социальной манипуляции, не фиксируют свой взгляд на том, что в современном мире именно кино стало средством репродукции ценностей. Ранее этому служили сказки и народные эпосы. Теперь это делается профессионально, с опорой на технологии. Технологии и тот факт, что в кино транслируются определенные ценности, тоже обсуждаются. Но нет внимания к тому, что сегодня именно кино является с аксиологической точки зрения связующим звеном в межпоколенческом, межклассовом контексте, с одной стороны, и в глобальном кросс-культурном – с другой. Именно благодаря современному кино дети узнают «что такое хорошо, что такое плохо», элиты и плебс выравниваются в аксиологическом строю, а глобальный мир находит общие ориентиры для представителей разных культур.

В нашей статье обратим внимание на то, что манипуляция посредством кино не только влияет на аксиологическую социальную структуру, не только транслирует ее, но и обеспечивает процесс социализации каждого индивида, и выстраивает глобальную аксиологическую иерархию. Благодаря современному кросс-культурному кинематографу и происходит глобализация. Именно кинематографу она обязана своей интенсивностью в гораздо большей мере, чем экономическим связям. Тысячелетиями представители западной и восточной культур имели экономические отношения. Однако это не приводило к смешению культур до такой степени, которая наблюдается сегодня.

Понятие манипуляции. Области исследований массовой манипуляции Новейшего времени

Чтобы разобраться в проблеме, сначала необходимо определить понятие «манипуляция». Существенное внимание манипуляции в своих исследованиях уделяет Э. Фромм. Его труды

сосредоточены в основном в области психологии и в частности – влияния на бессознательное человека. В «Бегстве от свободы» он пишет, что манипуляция лишает индивидуума собственной воли и представлений об идеальном и желаемом [1].

Г. Франке считает, что «под манипулированием в большинстве случаев следует понимать психическое воздействие, которое производится тайно, а следовательно, и в ущерб тем лицам, на которых оно направлено» [2, с. 7].

Г. Шиллер обращает внимание на то, что «для достижения успеха манипуляция должна оставаться незаметной. Успех манипуляции гарантирован, когда манипулируемый верит, что все происходящее естественно и неизбежно, и сам факт манипуляции не отражен в памяти субъекта. Короче говоря, для манипуляции требуется фальшивая действительность, в которой ее присутствие не будет ощущаться» [3, с. 27].

Российский исследователь С.Г. Кара-Мурза выделяет следующие характеристики манипуляции: «Если выписать те определения, которые дают авторитетные зарубежные исследователи явлению манипуляции... то можно выделить главные, родовые признаки манипуляции. Во-первых, это вид духовного, психологического воздействия (а не физическое насилие или угроза насилия)... Во-вторых, манипуляция – это скрытое воздействие, факт которого не должен быть замечен объектом манипуляции... В-третьих, манипуляция – это воздействие, которое требует значительного мастерства и знаний. К людям, сознанием которых манипулируют, относятся не как к личностям, а как к объектам, особого рода вещам. Манипуляция – это часть технологии власти, а не воздействие на поведение друга или партнёра» [4, с. 16].

Среди отечественных исследователей манипуляции последних десятилетий значительными представляются работы Ю.В. Пую и в его соавторстве с И.С. Тихоновой [5, 6]. Ученые уделяют большое внимание «искусственности» манипуляции, ментальному и идеологическому разрыву между массами и элитами в результате широкого распространения политических манипуляций.

С.В. Володенков дает свое определение: «Манипулирование – это тип скрытого, неявного информирования и программирования намерений реципиента, построенный на игнорировании его воли и относящийся к нему как к средству, орудию исполнения чуждых ему интересов» [7, с. 90].

Г.В. Пушкарева пишет: «Манипулятор всегда прибегает к скрытому воздействию, лишая тем самым человека возможности критически воспринимать информацию, самостоятельно рассуждать и принимать решения» [8, с. 97].

Еще одно направление современных исследований массовой манипуляции – ее технологичность. Этой темы касаются Д.В. Биндас, В.Л. Римский, М.Р. Бибилова [9–11].

Современные отечественные и зарубежные исследователи изучают технологичность манипуляции и в рамках такого направления, как когнитивистика. Так, Д. Канеман, М.В. Черников, Р. Талер, Р. Чалдини, Н. Гольдштейн, С. Мартин, В. Макишвили, Е. Ilouz, Е. Cabanas, Ю. Хабермас рассматривают манипуляционные технологии управления поведением человека [12–18].

Как видим, исследования манипуляции последнего столетия фокусируются на различных ее аспектах: негативных последствиях для объекта манипуляции, латентности, технологичности, «ненасильственности», на том, что манипуляция есть форма отправления власти, с одной стороны, и форма «мягкой силы» – с другой. С гуманистических позиций манипуляция, конечно, осуждается, потому как лишает человека экзистенциальной свободы. Однако ценность такой свободы не столь велика в современном обществе потребления [19]. Манипуляция не только и не столько ограничивает, сколько она структурирует социальное пространство, уточняет и конкретизирует векторы общественного развития, направляет и иницирует деятельность. Этот процесс наглядно иллюстрирует идеологизация кинематографа.

То есть манипуляция – это форма власти, при которой влияние оказывается посредством латентного воздействия на психику. Лишая человека свободы выбора, она сохраняет ощущение полной автономности во всех его решениях. При этом носит исключительно не насильственный и скрытый характер. Крайне деликатно воздействуя лишь на психику, она меняет ценностную структуру личности, создает желания и потребности.

Изучив и синтезировав ключевые характеристики манипуляции, эксплицированные в современном социогуманитарном дискурсе, считаем, что «манипуляция – это форма властных отно-

шений посредством латентного, высокопрофессионального, технологического управления поведением через формирование в психических структурах человека определенных целей, установок, поведенческих паттернов и ценностей, где индивид учитывается как объект, а не как личность (в классическом определении личности отечественной психологии)» [20, с. 586].

Нельзя безоговорочно согласиться с тем, что многие исследователи подчеркивают радикально негативный характер манипуляции, а также злонамеренность и автономность инициатив актора манипуляции.

Во-первых, манипуляция, бесспорно, может быть злонамеренной, использоваться в целях нанесения ущерба объекту манипуляции, лишения его каких-либо ресурсов. Однако злонамеренность не является имманентной характеристикой манипуляции. Последняя может создавать лучшие условия для объекта.

Во-вторых, актер далеко не всегда преследует цели ущемления объекта манипуляции.

И, в-третьих, инициативы актора манипуляции зачастую не так автономны, как может показаться на первый взгляд. Источником идеи может являться некий всеобщий общественный процесс, а манипуляция, ее идеи, цели и конфигурации – лишь следствие глобального социального развития. И в этом случае нельзя сказать, что актер проявляет злонамеренную или даже благонамеренную инициативу в отношении объекта, скорее он создает манипуляционные технологии в рамках и под влиянием социальных процессов и векторов развития, разворачивающихся в данном культурно-историческом пространстве.

Обратим внимание на то, каким образом кинематограф структурирует социальное ментальное пространство и одновременно является следствием существующих тенденций процесса общественного развития.

Философские основы манипуляции в кинематографе

В современном информационном мире и обществе постмодерна художественный кинематограф – значительный фактор социального регулирования. М.И. Жабский, российский исследователь теории кино, характеризует его как «зеркало и молот преобразования общественной действительности» [21, с. 9], имея в виду функции отображения и изменения социальных реалий. То есть современное кино становится средством познания мира и создает зрителям новые смыслы, укрепляет существующие или аннигилирует их.

М.И. Жабский выделяет эвристическую, коммуникативную, познавательную, эстетическую, воспитательную, развлекательную функции кино [22, с. 27]. Данный перечень необходимо дополнить такими функциями, как социализация индивидов, обеспечение социальной интеграции, управление поведением индивидов и общества, манипуляция сознанием и поведением людей, а также создание условий для стабильного и устойчивого социального развития, поддержания и формирования ценностных ориентиров. С учетом вышеназванных социальных функций кинематограф следует признать важным социальным институтом современного общества. Кино становится посредником между социумом и властными структурами. Развивая идею «журналистика – четвертая власть», кинематограф можно назвать «пятой властью».

Среди современных отечественных исследователей этого вопроса следует отметить диссертационную работу М.В. Скрипарь, посвященную формированию ценностных ориентаций молодежи. Автор обращает внимание на то, что «процесс формирования ценностных ориентаций молодежи носит стихийный характер», при этом кино предоставляет возможности управления социумом, «позволяет контролировать и повышать эффективность данного процесса» [23, с. 11].

В контексте нашего исследования необходимо учесть идеи таких классиков французской философии постмодернизма и постструктурализма, как Ж. Бодрийяр, Ж. Делез и Ж.-Ф. Лиотар [24–26].

Бодрийяр уделяет значительное внимание понятию «симулякр» – образу, который, отрываясь от первоисточника, обретает самостоятельные смыслы и начинает оказывать собственное влияние на сознание и бессознательное реципиентов. Широкое распространение симулякров он фиксирует в реализации видеосюжетов: «Поле симуляции в кибернетическом смысле, то есть поле всесторонней манипуляции моделями (сценарии, инсценировки симулированных ситуаций), ничто не отличает этот процесс от управления самим процессом реального: фантастики больше не существует» [24, с. 165]. В качестве примера он рассматривает как кино «тестирует

интервенционное могущество кинематографа, тестирует влияние кинематографа, который стал раздутым излишне аппаратом спецэффектов» [24, с. 82]. Бодрийяр обращает внимание на то, что кинематографические образы современности являются не столько продуктом или отражением реальности, сколько средствами ее производства.

Кинематографу посвящает свой монументальный двухтомный труд «Кино» Ж. Делез. В этой работе подробно рассматриваются и идеи, и инструменты воздействия на сознательное и бессознательное посредством визуальных и звуковых видеоэффектов. Проводится анализ кинематографических приемов самых различных авторов-режиссеров и культурно-национальных художественных традиций и явлений.

Делез пишет о кино: «С одной стороны, это великий духовный автомат, знаменующий собой наивысшие проявления мысли, способ, каким мыслит материя (в том числе сама себя), прилагая фантастические усилия, чтобы достичь автономии... Но, с другой стороны, духовный автомат является также и автоматом психологическим, и он уже не зависит от экстерниорного не потому, что он автономен, но оттого, что он лишен собственной мысли и повинуетя внутреннему импринтингу, развертывающемуся лишь в видениях или рудиментарных действиях (от грезящего к сомнамбуле и наоборот, через посредство гипноза, внушения, галлюцинаций, навязчивых идей и т. д.)... Если кино – автоматизм, ставший духовным искусством, то это в первую очередь касается образа-движения, сопоставляемого с автоматами не случайным образом, а по сути. Французская школа не только вообще не утратила привязанности к маятникообразным автоматам и персонажам из часовых мастерских, но и занялась автоматами движущимися, по примеру американской и советской школ. Система «человек-машина» варьирует в зависимости от конкретных случаев, но ее неизменная цель – постановка вопроса о будущем. И может случиться, что машинизм придется человеку настолько по сердцу, что пробудит в нем какие-то древнейшие потенции, а движущаяся машина составит единое целое с простейшим психологическим автоматом на службе у нового устрашающего порядка» [25, с. 594].

Вопросам исследования кино посвящает свою работу другой французский постструктуралист Ж.-Ф. Лиотар, назвав ее неологизмом «Акино». Он обращает внимание на встроенность и одновременную выдвинутость кино из товарно-экономических отношений. С одной стороны, нарративное кино вовлекает зрителя в товарно-экономические отношения, с другой – имманентная эмоциональность кинопродукции заставляет действовать иррационально и «либидарно» (Лиотар), повинуюсь инстинктам удовольствия или даже «инстинкту смерти» (по Фрейдю). Эстетика образов кино трансформируется в этику. В кино происходит своего рода диффузия возвышенного и непристойного, осуществляется фальсификация традиционных ценностей. Обнаруживается общность в ценностном и образном измерении с теми, кто непреодолимо далек от массового зрителя в интеллектуальном, культурном, финансовом и политическом плане. И именно это становится основным средством управления массами [26].

Этой теме, анализу работ французских постструктуралистов и философии кино посвятил свои многочисленные работы современный российский философ, искусствовед О.В. Аронсон. Он рассматривает кино как поле для диалектики эстетического и массового. Кинопродукция есть культурный текст, однако его семиотика, эмоционально врываясь в массовое сознание, продуцирует уже иные ценности и смыслы в нем [27, 28].

Манипуляция в кинематографе: от классики к современности

Для создания технологии манипуляции крайне важен контекст и среда, в которой находится объект манипуляции. Психологические особенности людей различаются в зависимости от их принадлежности к разным культурам, социальным прослойкам, национальностям, вероисповеданиям, гендерным и возрастным группам. Для формирования высокоэффективных инструментов необходимо учитывать не только это, но и то, в какой политической и идеологической системе находится объект манипуляции. Поэтому мы можем наблюдать особенности сюжетов и кинематографических повествований в зависимости от культурных ценностей, присущих социуму, создающему кино и как продукт этих ценностей, и как средство их трансляции и формирования в новых поколениях.

Рассмотрим манипуляцию в художественном кино на примере американского кинематографа – одного из самых развитых сегодня. Манипуляция поведением через сознание и бессознательное в голливудском кино имела место с самого его зарождения. В начале 30-х гг. Ассоциацией производителей и прокатчиков принимается «Кодекс Хейса». В предисловии говорится: «Производители кинофильмов отдадут себе отчет в высочайшем уровне доверия к ним со стороны жителей всех стран мира, которое делает кинофильмы универсальной формой развлечения. Они осознают свою ответственность перед обществом, основанную на таком доверии, а также на том, что развлечение и искусство оказывают глубочайшее воздействие на жизнь нации... они признают, что в рамках данного развлекательного жанра они могут нести непосредственную ответственность за духовное и нравственное развитие общества, за улучшение принципов общественной жизни» [29].

Кодекс Хейса был нацелен на внедрение в общественное сознание традиционных ценностей, пропаганды правильного образа жизни и запретов социально нежелательного поведения. Он постулирует и общие принципы, и четкие указания по формированию сюжетов и образов кино: «1. Ни один кинофильм не должен снижать моральные устои аудитории. Таким образом, симпатии аудитории никогда не должны быть на стороне преступления, недостойного поведения, зла или греха. 2. Представлению подлежит только правильный образ жизни, с учётом требований законов драматического и развлекательного искусства. 3. Недопустимо ставить под сомнение естественные и человеческие законы, а также вызывать сочувствие к фактам нарушения таких законов» [29].

Среди частных требований главное место занимает ценность семьи: супружеская измена может быть элементом сюжета, но подлежит моральному осуждению [29]. Так в период действия кодекса Хейса и после его отмены в 1968 г. кинопроизводители стремились внедрить в общественное сознание идеальный образ Америки. Самым распространенным инструментом для внедрения такого образа была идеологема «американская мечта». В личностном аспекте она предстает как вера в то, что каждый американец сможет добиться поставленной перед собой цели. В социальном – как то, к чему должен стремиться каждый и вся нация в целом. Внедряя в сознание американцев идею о том, что Америка – лучшая страна в мире, создатели кино воспитывали национальный патриотизм и мотивацию достижений.

Работа «Классическое голливудское кино» Д. Боурдэлла, Дж. Штайгера и К. Томпсона представляет собой развернутое описание кинематографических приемов создания классического голливудского фильма. Авторы подробно объясняют, какими технологиями пользовались режиссеры того времени, каким жанром и стилем обладало кино и то, как оно должно действовать на зрителя.

По их словам, «выделение задач, которые фильм предназначает для зрителя, позволяет нам избавиться от собственных иллюзий. Нам больше не нужно подписываться на авторские теории кино, при условии, что определенный стиль просто дублирует реальный мир или обычные действия по восприятию; схема, связанная с исторически определенными целями, всегда замешана в нашем восприятии фильма... Классическая схема создала ментальную установку, которая все еще должна быть активирована и протестирована в отношении любого фильма. Безусловно, классический стиль делает определенные зрительские способности ярко-выраженными, и историческое доминирование того стиля настолько приобщило нас к этим способностям, что аудитория возможно сочтет другой жанр более обременительным» [30, p. 28].

Таким образом, у классических фильмов была выработана своя определенная схема, благодаря ей в кино воспринималась зрителем именно та информация, которую было необходимо до него донести. Сюжет, выстроенный в определенном ритме и стилистике, действовал на сознание людей, формируя у них определенные взгляды, установки и предпочтения.

В этом контексте невозможно не упомянуть «эффект Кулешова», описанный основателем советской школы кино [31], которая приобрела широкую мировую известность. «Эффект Кулешова» проявляется в том, что зритель склонен обобщать по смыслу кадры, которые даны в определенной последовательности.

Так, в эксперименте зрителям предъявлялся портрет мужчины, последовательно смонтированный с тремя изображениями: тарелка супа, ребенок в гробу, девочка с игрушкой. Зрители

интерпретировали выражение лица мужчины в зависимости от соседства с тем или иным из перечисленных кадров, хотя изображение его лица было неизменным во всех трех сериях.

Этот эффект и сегодня широко применяется при монтаже новостного ряда в пропагандистских целях. Новости, не имеющие никакой связи, могут быть поставлены в определенной последовательности для образования корреляции в восприятии зрителя.

По мнению российского исследователя американского этоса Ю.В. Пановой, «классическое голливудское кино, как законодатель мирового кинематографа и массовой культуры, распространяло помимо патриотического настроения и некие гуманистические принципы, олицетворявшие некий идеальный образ Америки. Создатели классического американского кино пытались донести до зрителя, что основой американского общества является признание достоинства, прав и ценностей человека, что Америка – это та страна, в которой созданы идеальные условия для существования и жизни личности. Все это подневозможно закладывалось в сознание каждого американца, заставляя соответствовать навязанному идеалу. Таким образом, фильмы классического Голливуда с идеальным образом Америки воспитывали всю нацию в целом» [32, с. 69].

Приведем два характерных примера из американского художественного кинематографа. Так, в фильме «Оклахома, как она есть» (1973 г.) через воздействие на сознание и бессознательное зрителя внедряется как идеал образ стойкого, сильного, борющегося за свои права и свободы человека. Главная героиня Лина продемонстрировала волевые качества, патриотический настрой, она борется за свою маленькую родину, которую у нее пытаются отобрать крупные нефтяные компании. Фильм демонстрирует проявление волевых качеств, которые необходимо культивировать в каждом человеке для достижения целей. Поведение героини формирует ценность патриотического настроения в отношении места своего проживания.

Ярким примером для подтверждения идей об «американской мечте» служит также фильм «Унесенные ветром» (1939 г.). В центре сюжетной линии жизненный путь и идеалы Скарлетт О'Хара. Внешне красивая и хрупкая девушка в различных ситуациях проявляет мужественный характер. Чтобы выжить, она не гнушается «нечистых» дел, не считаясь с другими людьми и их чувствами. Она обманным путем уводит жениха у своей родной сестры с целью улучшить свое материальное положение и стать хозяйкой лесопилки. Свое жизненное кредо она выразила в клятве, произнесенной в критический момент своего жизненного пути: «Бог мне свидетель. Я не дам вам, проклятые янки, сломить меня. Я пройду через все и все выдержу. И когда война закончится, я не буду голодать. Бог свидетель – я солгу, украду, убью, но больше никогда не буду голодать. Никогда». В этой клятве героини фильма выражается твердое желание быть успешным человеком. Мотивация достижений ставится даже выше традиционных моральных ценностей.

Продвижение «американской мечты» – максимизация индивидуального благополучия долгое время в голливудском кино подавалась как абсолютная ценность. Положительные герои экономически успешны, финансовый успех повышает не только властный, но и культурный статус героя. В противовес советскому кинематографу «состоятельные» герои не высмеиваются, а становятся нравственными, интеллектуальными и культурными ориентирами.

Рассмотрим культовый голливудский фильм «Молчание ягнят» 1990 г. Обратим внимание на то, как расставляются акценты «положительных и отрицательных» героев. Полицейский представлен не в лучших качествах, а Лектер – маньяк, преступник не просто помогает следствию, он, будучи интеллектуалом, стремится «усовершенствовать» интеллектуальные способности Кларисы – главной героини – юного агента ФБР. Таким образом формируется ценность интеллектуального превосходства, открывающего путь к благополучию, финансовой независимости и истинной свободе.

Эта тенденция прослеживается в голливудском кино более пяти последних десятилетий: положительные – «крутые» герои физически и интеллектуально развиты: Индиана Джонс не только красив, он физически и интеллектуально подготовлен. Даже «крепкий орешек» не просто владеет навыками боя отрядов специального назначения – он наглядно демонстрирует сдерживающим его «чиновникам» владение интеллектуальной стратегической мыслью и знаниями законов физики.

Даже в комедиях последних десятилетий: есть «глупые» герои, которые попадают в комедийные положения, и есть «умные» герои, которые весело шутят, но не становятся посмешищем, а выбираются победителями из нелепых ситуаций благодаря интеллектуальному развитию. В очередном культовом фильме Гая Ричи «Джентльмены» все главные герои одерживают верх именно благодаря высокому интеллекту. Да, их деятельность находится за гранью законности, но с точки зрения современной западной морали и этики они поступают правильно, а успех обретают благодаря высокому интеллектуальному, экономическому и социальному знанию. Наркоманы, самонадеянные охотники за удачей и глупцы наглядно проигрывают, а интеллектуалы и стратеги торжествуют победу.

Серия кино про «друзей Оушена», «Волк с Уолл-стрит», «Великий Гэтсби», «Поймай меня, если сможешь» – это фильмы об аферистах, снискавших славу, уважение и финансовое благополучие, но главные герои в них, несмотря на противозаконную деятельность, являют собой положительные образы, при этом их объединяет общий критерий – интеллектуальное превосходство, положенное в угоду личному обогащению – эта диалектика актуальна для голливудского кино 2010-х гг. В итоге – ориентация на индивидуальное благополучие формирует в американском обществе примат национального первенства в экономической эффективности.

Интересно, что сугубо европейское кино многие десятилетия воспроизводит экзистенциальные идеи – в центре сюжета нет идеи превосходства, фигурой является переживание героя, его рефлексия, его становление, но не достижение успеха, а определение собственного экзистенциального бытия (Антониони, Бертолуччи). Даже «Укрощение строптивого», знакомый всем советским зрителям – это путь героя к своему естеству, с одной стороны, и путь к социализации и адаптации в диадных отношениях – с другой. В нем нет романтического противопоставления «я и толпа». Герой не побеждает «глупые массы», он побеждает себя, становится лучшей версией себя в социальном и экзистенциальном смысле.

Тем более нам это демонстрирует фильм «Игрушка», фильм-экзистенция. Нет хороших и плохих, нет победителей и побежденных. Есть экспликация жизни героев в моменте. Да, это кинематографический масс-маркет, да, это «Джойс для рабочих и крестьян», но это не про победу, не про превосходство. «Экзистенция», «Голый завтрак» по Берроузу – принципиально отличаются от кино Голливуда, выпущенного в то же время. Ценность развития интеллектуального и физического и в европейском кино не отрицается, но не оно является фигурой в отличие от голливудского.

В этом контексте интересно сравнение европейского и американского сюрреалистического кино о Создателе – «Брюс Всемогущий» и «Новейший завет». В первом, голливудском кино, Создатель предстает как абсолют, а главный герой обретает миссию заботы о человечестве, научиться которой он должен сначала на близких. В европейском кино вопрос абсолютности власти и превосходства вообще не стоит – на первом плане переживания героев и социума.

Интересно, что и голливудская трилогия «Матрица» демонстрирует нам те же ценности и опасения: американское общество обеспокоено симулятивностью реальности, но крайне озабочено тотальным превосходством в этой реальности.

В последние годы большую популярность приобретает кино азиатских авторов, и оно также сохраняет экзистенциальные традиции, поднимая сложные ситуации и проблемы на поверхность общественного обсуждения. И признанный критиками кино Карвай, и современные «бестселлеры» «Игра в кальмара», «Паразиты» – это тоже экзистенция – в центре сюжета не успех, не первенство, а переживание бытия.

В европейском и азиатском кино герои возвращают новые личностные конструкты, в голливудском – побеждают за счет высокого развития.

Невозможно не сказать про отечественное кино. С одной стороны, современные продюсеры склонны снимать «кавер-версии». Но даже в этом случае они сохраняют идентичность отечественных реалий и ценностей. В скопированных американских сюжетах расставляются иные этические акценты.

На первый взгляд может показаться, что современное американское кино не столь идеологизированно. Это связано с тем, что постмодернизм проник и в эту сферу, ценности, истины сегодня не так абсолютны, как в середине прошлого века. Но несмотря на то, что современные сю-

жеты позволяют сомнения в идеалах американских достижений, а иногда даже пародируют их, голливудское кино продолжает политику американского превосходства. Не случайно сегодня существует множество шуток и мемов о том, как США в очередном фильме спасают весь «недоразвитый» мир.

С другой стороны, мы можем наблюдать, как изменяется рейтинг компонентов «американской мечты» в кинематографе Голливуда. Если в 1930–1970-е гг. существенным было обретение превосходства, в 1980–2000-е – романтическое противопоставление «я и толпа», то в современном голливудском кинематографе на первый план выходит ценность сохранения свободы. Американское общество озабочено уже не столько достижением превосходства и свободы, сколько сохранением этих привилегий.

Существует большое количество сюжетных линий, где опасность представляют не внешние силы, а собственные власти, осуществляющие слежку и контроль за частной жизнью американского обывателя. Примером тому являются фильмы-байопики «Сноуден» и «Пятая власть», а также «Начало» и «Петля времени» – кино 2010-х гг. Еще больший интерес представляет картина «Не смотрите наверх» 2021 г. – она иллюстрирует новый тренд: обеспокоенность увлеченностью «созданием реальности» (описанным еще в «Хвост виляет собакой» и «Шоу Трумана» 1997 г.). В этом кино наглядно показано, как уверенность и увлеченность управлением реальностью может привести к тому, что она (реальность) выйдет из-под контроля и начнет действовать по своим «космическим», вразрез с «постмодернистскими», законам. И тогда привилегии свободы и превосходства американского обывателя будут разрушены бесконтрольной реальностью.

Заключение

В результате анализа работ современных авторов и классиков философии в теории кинематографа, массовой коммуникации, массовой манипуляции, семиотики мы пришли к ряду заключений.

«Манипуляция – это форма властных отношений посредством латентного, высокопрофессионального, технологического управления поведением через формирование в психических структурах человека определенных целей, установок, поведенческих паттернов и ценностей, где индивид учитывается как объект, а не как личность (в классическом определении личности отечественной психологии)» [20, с. 586].

Такая манипуляция может успешно осуществляться за счет кинематографических средств. Образно-символические конструкции современного кинематографа позволяют эффективно внедрять новые ценности и поведенческие паттерны в массовое сознание и бессознательное. Эмоциональное воздействие образа позволяет ему легко преодолевать барьеры восприятия и рефлексивную критику сознания. С другой стороны, именно массовое потребление этих образов формирует их бесконечную репродукцию в общественном сознании, тем самым делая их незыблемыми, т. е. неподвластными критическому отрицанию. Общество синхронизируется в восприятии, переживании чувственных образов, интериоризирует новые ценности и продуцирует соответствующие им поведенческие паттерны.

Наиболее ярко эта тенденция прослеживается в голливудском кинематографе и американском обществе, особенно в сравнении с другими кинематографическими традициями. Мы проанализировали манипулятивные технологии кинопроизводства и пришли к выводу, что одна из главных идеологических задач, стоящих перед создателями художественных фильмов в Голливуде, – создание такого визуального контента, который, воздействуя на психические структуры человека, будет развивать и укреплять «американскую мечту». Последняя, стимулируя социальную активность индивида с целью самоутверждения и персональных достижений, ведет к развитию потенциала США в целом.

Кинематографическая манипуляция, как и всякая другая, не является в полной мере самостоятельной и независимой, продуктом абсолютно свободной инициативы ее акторов. Она разворачивается в контексте социального развития. В рамках глобализации можно наблюдать общемировые тенденции массовой манипуляции, пропаганды и векторы моральных ориентиров,

однако культурные особенности определенных социальных общностей не ослабляют своего влияния на репродуцируемые соответствующим кинематографом ценности.

Важно обратить внимание, что далеко не всегда манипуляция ведет к потере предпочтений или свобод объектом манипуляции. Вопреки многим определениям манипуляции и гуманистическому осуждению этой технологии развития и структурирования социальных процессов голливудский кинематограф являет собой пример массовой социальной манипуляции, которая способствовала развитию общества в целом и отдельных индивидов, в среде которых разрабатывалась.

Современный кинематограф есть не только средство социализации каждого конкретного индивида в своей культуре, но в первую очередь – средство глобализации. За многие тысячи лет эпосы, дипломатия и экономические связи не смогли объединить глобальный мир аксиологически настолько, насколько это сделал мировой кинематограф за последние сто лет.

Список источников

1. *Fromm E.* Escape from freedom. N.Y.: Farr & Rinehart, 1941. 257 p.
2. *Франке Г.В.* Манипулируемый человек. М.: Политиздат, 1964. 362 с.
3. *Шиллер Г.* Манипуляторы сознанием / пер. с англ.; науч. ред. Я.Н. Засурский. М.: Мысль, 1980. 326 с.
4. *Кара-Мурза С.Г.* Манипуляция сознанием. М.: Эксмо, 2005. 832 с.
5. *Пую Ю.В.* Социально-философские основания антропологии манипулирования : дис. ... д-ра филос. наук. СПб., 2010. 372 с.
6. *Тихонова И.С., Пую Ю.В.* Мистерия праздника как средство манипулирования общественным сознанием // Идеи и идеалы. 2017. № 4, ч. 2. С. 28–33.
7. *Володенков С.В.* Современная политическая коммуникация как инструмент манипулирования общественным сознанием // Вестн. Московского ун-та. Серия 12 : Политические науки. 2012. № 5. С. 89–103.
8. *Пушкарева Г.В.* Политический менеджмент : учеб. пособие. М.: Дело, 2002. 400 с.
9. *Биндас Д.В.* Философская парадигма информационной войны и обеспечения медиабезопасности : дис. ... канд. филос. наук. М., 2023. 195 с.
10. *Римский В.Л.* Мемы в информационной войне // Актуальные проблемы современной России: психология, педагогика, экономика, управление и право : сб. ст. и тез. М.: Московский психол.-соц. ун-т, 2022. Т. 8. С. 439–443.
11. *Бибикова М.Р.* Интернет-мемы как инструмент soft-power-технологии миромоделирования современной молодежи // Политическая лингвистика. 2021. № 5. С. 116–121.
12. *Kahneman D.* Thinking, Fast and Slow. N. Y.: Farrar, Straus and Giroux, 2011. 542 p.
13. *Черников М.В., Перевозчикова Л.С., Авдеенко Е.В.* Понимание человека: социально-философский анализ. Воронеж: Изд-во ВГТУ, 2023. 154 с.
14. *Thaler R.* Misbehaving: The Making of Behavioral Economics. N. Y.: W.W. Norton & Company, 2015. 432 p.
15. *Cialdini R., Goldstein N., Martin S.* Yes! 60 Secrets From the Science of Persuasion. Profile Books, 2017. 304 p.
16. *Макишвили В.* Большая книга манипуляций. Изучаем секреты управления сознанием. М.: АСТ, 2017. 129 с.
17. *Illouz E., Cabanas E.* Manufacturing Happy Citizens: How the Science and Industry of Happiness Control our Lives. UK: Polity, 2019. 260 p.
18. *Habermas J.* Ein neuer Strukturwandel der Öffentlichkeit und die deliberative Politik. Berlin: Suhrkamp Verlag, 2022. 108 S.
19. *Радугин А.А., Авдеенко Е.В.* Неопределённость – доминантное качество современного общества // Вестн. Воронежского гос. ун-та. Серия: Философия. 2022. № 2. С. 3–11.
20. *Авдеенко Е.В.* Манипуляция как социальный феномен // НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право. 2023. Т. 48, № 3. С. 580–590.
21. Социология и кинематограф / под общ. ред. М.И. Жабского. М.: Канон+, 2012. 600 с.
22. *Жабский М.И.* Вестернизация кинематографа: опыт и уроки истории // Социологические исследования. 1996. № 2. С. 25–35.

23. Скрипаль М.В. Воздействие манипулятивных технологий кинематографа на процесс социализации и формирование ориентаций молодежи : автореф. дис. ... канд. социол. наук. Чита, 2009. 23 с.
24. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции. М.: ПОСТУМ, 2015. 240 с.
25. Делез Ж. Кино 1 Образ-движение. Кино 2 Образ-время. М.: Ад Маргинем, 2004. 624 с.
26. Lyotard J.-F. L'acinema. Des dispositifs pulsionnels. Paris, 1973. 59 p.
27. Аронсон О.В. Кино и философия: от текста к образу. М.: ИФ РАН, 2018. 109 с.
28. Аронсон О.В. Обыденное Возвышенное (кино по Жан-Франсуа Лиотару) // Филос. журн. 2009. № 1(2). С. 117–126.
29. Кодекс производства кинофильмов 1930 года. URL: https://seance.ru/articles/hays_code/ (дата обращения: 01.10.2023).
30. Bordwell D., Staiger J., Thompson K. The classical Hollywood cinema. London: Routledge, 1988. 652 p.
31. Кулешов Л.В. Искусство кино (мой опыт). Л.: Теа-кино-печать, 1929. 153 с.
32. Панова Ю.В. Концепт свободы в этосе американского общества : дис. ... канд. филос. наук. Саранск, 2021. 166 с.

References

1. Fromm E. *Escape from freedom*. New York: Farr & Rinehart Publ.; 1941. 257 p.
2. Franke G.W. *Human manipulation*. Moscow: Political Publishing House; 1964. 362 p. (In Russ.).
3. Schiller H. *Mind manipulators*. Transl., scien. ed. Ya.N. Zasursky. Moscow: Mysl' Publ.; 1980. 326 p. (In Russ.).
4. Kara-Murza S.G. *Mind manipulation*. Moscow: Eksmo Publ.; 2005. 832 p. (In Russ.).
5. Puyu Yu.V. *Socio-philosophical foundations of the anthropology of manipulation*. Dissertation Thesis. Saint Petersburg, 2010. 372 p. (In Russ.).
6. Tikhonova I.S., Puyu Yu.V. The mystery of the holiday as a means of manipulating public consciousness. *Idei i idealy = Ideas and Ideals*. 2017;(4-2):28-33. (In Russ.).
7. Volodenkov S.V. Modern political communication as a tool for manipulating public consciousness. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12: Politicheskie nauki = Bulletin of Moscow University. Series 12. Political Sciences*. 2012;(5):89-103. (In Russ.).
8. Pushkareva G.V. *Political management: textbook*. Moscow: Delo Publ.; 2002. 400 p. (In Russ.).
9. Bindas D.V. *Philosophical paradigm of information warfare and media security*. Dissertation Thesis. Moscow, 2023. 195 p. (In Russ.).
10. Rimsky V.L. Memes in the information war. *Current problems of modern Russia: psychology, pedagogy, economics, management, and law*. Collection of articles and theses. Moscow: Moscow University of Psychology and Social Sciences Press; 2022;8:439-443. (In Russ.).
11. Bibikova M.R. Internet memes as a tool of soft power technology for world modeling of modern youth. *Politicheskaya lingvistika = Political Linguistics*. 2021;(5):116-121. (In Russ.).
12. Kahneman D. *Thinking, Fast and Slow*. New York: Farrar, Straus and Giroux Publ.; 2011. 542 p.
13. Chernikov M.V., Perevozchikova L.S., Avdeenko E.V. *Understanding man: socio-philosophical analysis*. Voronezh: Voronezh State Technical University Press; 2023. 154 p. (In Russ.).
14. Thaler R. *Misbehaving: The Making of Behavioral Economics*. New York: W.W. Norton & Company Publ.; 2015. 432 p.
15. Cialdini R., Goldstein N., Martin S. *Yes! 60 Secrets from the Science of Persuasion*. Profile Books Publ.; 2017. 304 p.
16. Makishvili V. *The big book of manipulations. Learning the secrets of mind control*. Moscow: AST Publ.; 2017. 129 p. (In Russ.).
17. Illouz E., Cabanas E. *Manufacturing Happy Citizens: How the Science and Industry of Happiness Control our Lives*. UK: Polity Publ.; 2019. 260 p.
18. Habermas J. *A new structural change of the public sphere and deliberative politics*. Berlin: Suhrkamp Verlag Publ.; 2022. 108 p. (In German).
19. Radugin A.A., Avdeenko E.V. Uncertainty as the dominant characteristic of modern society. *Vestn. Voronezhskogo gos. un-ta. Seriya: Filosofiya = Proceedings of Voronezh State University. Series: Philosophy*. 2022;(2):3-11. (In Russ.).

20. Avdeenko E.V. Manipulation as a Social Phenomenon. *NOMOTHETIKA: Filosofiya. Sociologiya. Pravo = NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law.* 2023;48(3):580-590. (In Russ.).
21. Zhabsky M.I., ed. *Sociology and cinema.* Moscow: Kanon+ Publ.; 2012. 600 p. (In Russ.).
22. Zhabsky M.I. Westernization of cinema: experience and lessons from history. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Research.* 1996;(2):25-35. (In Russ.).
23. Skripa' M.V. *The impact of manipulative cinema technologies on the process of socialization and the formation of youth orientations.* Dissertation Thesis. Chita, 2009. 23 p. (In Russ.).
24. Baudrillard J. *Simulacra and simulations.* Moscow: POSTUM Publ.; 2015. 240 p. (In Russ.).
25. Delez G. *Cinema 1 Motion picture. Cinema 2 Time picture.* Moscow: Ad Marginem Publ.; 2004. 624 p. (In Russ.).
26. Lyotard J.F. *The cinema. Pulse devices.* Paris, 1973. 59 p. (In French).
27. Aronson O.V. *Cinema and philosophy: from text to image.* Moscow: RAS Institute of Philosophy Press; 2018. 109 p. (In Russ.).
28. Aronson O.V. The Ordinary Sublime (film based on Jean-François Lyotard). *Filosofskii zhurnal = Philosophy Journal.* 2009;(1):117-126. (In Russ.).
29. *Motion Picture Production Code of 1930.* Available from: https://seance.ru/articles/hays_code/ [Accessed 1st October 2023]. (In Russ.).
30. Bordwell D., Staiger J., Thompson K. *The classical Hollywood cinema.* London: Routledge Publ.; 1988. 652 p.
31. Kuleshov L.V. *The art of cinema (my experience).* Leningrad: Tea-kino-pechat' Publ.; 1929. 153 p. (In Russ.).
32. Panova Yu.V. *The concept of freedom in the ethos of American society.* Dissertation Thesis. Saransk, 2021. 166 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Е.В. Авдеевко – кандидат философских наук, доцент кафедры философии, социологии и истории.

Information about the author

E.V. Avdeenko – Candidate of Science (Philosophy), Associate Professor of Philosophy, Sociology and History Department.

Статья поступила в редакцию 10.01.2024; одобрена после рецензирования 25.02.2024; принята к публикации 12.03.2024.
The article was submitted 10.01.2024; approved after reviewing 25.02.2024; accepted for publication 12.03.2024.

Научная статья
УДК 316.33
doi: 10.18522/2687-0770-2024-1-16-22

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМ НОМОФОБИИ И ИНТЕРНЕТ-ЗАВИСИМОСТИ

Мариана Юрьевна Локова^{1✉}, Марина Нурадтиновна Ханова², Мадина Руслановна Захохова³

^{1, 2, 3} Кабардино-Балкарский государственный университет, Нальчик, Россия

¹ lokova@mail.ru✉

² khanova.marina07@mail.ru

³ madia_rz@mail.ru

Аннотация. Исследуются социальные последствия проблем номофобии и интернет-зависимости молодежи. Рассматриваются особенности развития сетевых технологий. Анализируются структурные изменения в мировоззрении российской молодежи, ее адаптации к новым реалиям жизненного пространства. Номофобия определяется как способность человека зависеть от технологий, отмечаются конструктивные и деструктивные последствия данного явления. Затрагивается вопрос о свободе человека в цифровом пространстве. Изучается роль информационных технологий в формировании идентичности молодого человека. Подчеркивается, что номофобия и интернет-зависимость – это внешнее проявление внутренних проблем ребенка, в связи с чем необходимо в первую очередь обратить внимание на взаимоотношения внутри семьи.

Ключевые слова: номофобия, молодежь, идентичность, семья, информационное общество, Интернет, интернет-зависимость, ценности, коммуникация, свобода, социальный протест, профилактика

Для цитирования: Локова М.Ю., Ханова М.Н., Захохова М.Р. Социально-философский анализ проблем номофобии и интернет-зависимости // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2024. № 1. С. 16–22.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

SOCIAL-PHILOSOPHICAL ANALYSIS OF THE PROBLEMS OF NOMOPHOBIA AND INTERNET ADDICTION

Mariana Yu. Lokova^{1✉}, Marina N. Khanova², Madina R. Zakhokhova³

^{1, 2, 3} Kabardino-Balkarian State University, Nalchik, Russia

¹ lokova@mail.ru✉

² khanova.marina07@mail.ru

³ madia_rz@mail.ru

Abstract. The social consequences of the problems of nomophobia and Internet addiction among young people are explored. The features of the development of network technologies are considered. Structural changes in the worldview of Russian youth and their adaptation to the new realities of living space are analyzed. Nomophobia is defined as a person's ability to depend on technology, and the constructive and destructive consequences of this phenomenon are noted. The issue of human freedom in the digital space is raised. The role of information technology in the formation of a young person's identity is studied. It is emphasized that nomophobia and Internet addiction are an external manifestation of a child's internal problems, and therefore it is necessary first of all to pay attention to relationships within the family.

Keywords: nomophobia, youth, identity, family, information society, Internet, Internet addiction, values, communication, freedom, social protest, prevention

For citation: Lokova M.Yu., Khanova M.N., Zakhokhova M.R. Social-Philosophical Analysis of the Problems of Nomophobia and Internet Addiction. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science*. 2024;(1):16-22. (In Russ.).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Процессы глобальной информатизации общества, стремительное развитие цифровых технологий предлагают молодому человеку разнообразные возможности для новых видов деятельности. Всемирная сеть Интернет меняет способы взаимодействия «человека с природой и техникой, приобретая особую амбивалентность» [1, с. 131].

Активно развивающиеся в настоящее время сетевые технологии характеризуются рядом особенностей, которые актуализировали социально-философский анализ структурных изменений в мировоззрении российской молодежи, ее адаптации к новым формам коммуникации, образования и жизненного пространства в целом.

Целью исследования является социально-философский анализ проблем номофобии и интернет-зависимости, который, на наш взгляд, может обеспечить глубокое понимание причин, лежащих в основе использования молодыми людьми смартфонов и Интернета, и предложить фундаментальные принципы для создания более конструктивной цифровой среды. Такое исследование – важнейшее условие для построения прогнозов будущего всего российского социума. Ставка на молодежь – это императив современной российской истории, что всегда увязывалось с поиском ключа к пониманию будущего. Именно молодежь глубже всех других возрастных групп улавливает дух времени [2]. Исторические, социальные и научно-технические реалии современности существенно повлияли на ее мировоззренческие установки.

Проблеме интернет-зависимости посвящено достаточно большое число зарубежных научных трудов, где авторы исследуют диагностические критерии, характерные физические и психологические симптомы, рассматривают возможности формирования интернет-зависимости на базе других форм зависимого поведения, предлагают методы лечения [3–6].

Однако первостепенное значение в изучении интернет-зависимости современной российской молодежи имеет отечественный опыт. За последние десятилетия разработаны собственные критерии, исследованы особенности личности интернет-зависимых пользователей и культуральные особенности пользователей русскоязычного Интернета. Так, А.Е. Войскунский с соавторами рассматривает данную проблему в контексте поведенческих и технологических зависимостей, исследует вопросы идентичности в связи с развитием компьютерных сетевых структур [7, 8].

Отечественными учеными выделена концепция «растворенности» и «нерастворенности» в Сети на основе количества времени, проведенного в Интернете, выявлено влияние интернет-зависимости на такие аспекты, как личностная идентичность, развитие личности, формирование представлений о себе и других, эмоциональное состояние, а также самосознание зависимого индивида [9].

Несмотря на значительное число работ, посвященных исследованию социальных процессов, связанных с использованием Интернета молодыми людьми, остается недостаточно изученной относительно недавно появившаяся проблема номофобии – страха остаться без мобильного телефона. Он становится для человека главным средством связи с внешним миром. Появляется страх расстаться с телефоном, который, на его взгляд, является единственным способом компенсировать одиночество или неумение вступать в непосредственный контакт с другими людьми [10]. Это новый элемент культуры потребления, который демонстрирует способность человека зависеть от технологий и заставляет его жить в мире фрагментированного времени и пространства.

Актуальность проблемы в мировом масштабе подтверждается и различными глобальными исследованиями. Так, например, данные опроса, проведенного в 2017 г. международной исследовательской компанией GfK в 17 странах, включая Россию, показывают растущую зависимость от использования технологий (своего мобильного, компьютера, ТВ и т.д.). Сложнее всего отказаться от гаджетов подросткам в возрасте 15–19 лет – 44 %. В старших возрастных группах зависимость от технологий уже меньше: 38 % – у пользователей старше 30 лет и 29 % – в группе 40–49 лет.

Такие цифры вызывают особую тревогу, так как именно эта категория пользователей имеет зависимых детей-подростков [11].

Текущая статистика показывает растущую из года в год зависимость от телефонов. В США отмечают рост случаев номофобии среди молодых людей в возрасте 18–24 лет [12]. В 2012 г. номофобами среди них можно было назвать 77 %, в 2020 г. – 89 %. В России номофобами можно назвать 60 %. Они признаются, что берут с собой телефон везде, причем 52 % – даже в ванную и туалет [13].

Необходимо отметить, что не только социальные связи подвержены изменениям. Номофобия способствует нарушению законов времени, пространства и сознания. Современный человек не может представить свою жизнь без мобильного устройства. Он постоянно входит в социальную сеть и получает информацию в режиме реального времени. Такая зависимость от технологий неизбежно ведет к изоляции, эмоциональному отчуждению и потере коммуникативной способности.

С фокусом на цифровой связности возникают новые нормы в области социальных отношений. Виртуальная связь и онлайн-общение могут изменять традиционное представление о коммуникации и личных взаимоотношениях. Если в прошлом люди общались лично и использовали различные формы коммуникации, то в современном обществе этот процесс происходит все чаще с помощью социальных сетей и мессенджеров. В результате изменения структуры коммуникаций происходит трансформация ценностей и ценностной иерархии [14]. Это не просто культурный или социальный тренд, это последствие технологической революции. «Когда мир людей оказывается проникнут технической целесообразностью, то при этом и сама техника обязательно оказывается проникнута целесообразностью человеческой – на благо и во зло» [15, с. 54].

В центре внимания философского рассмотрения проблемы номофобии находится также вопрос о свободе человека. Интернет как информационная среда открывает огромные возможности для свободы слова и самовыражения. Ранее доступ к публикации информации ограничивался финансовыми и организационными преградами, но с появлением Интернета каждый может легко опубликовать свои мысли и идеи для широкой аудитории, не имея специальных ресурсов или связей. Это приводит к возрастанию свободы индивида в выражении своих взглядов и идей.

В то же время под влиянием номофобии люди становятся привязанными к смартфонам и Интернету, что может привести к потере контроля над своим временем и вниманием. Такие пользователи, отвлекаясь от реальных проектов и целей, в конечном итоге забывают о собственном развитии и самореализации. Зависимость от постоянного онлайн-присутствия снижает их способность к самостоятельному принятию решений и контролю над своей жизнью. Интернет становится средством удержания человека вне процессов деятельности, замещая целеполагание и самоопределение. Это вызывает вопрос о том, насколько тот свободен в интернет-пространстве, когда его действия могут быть под влиянием алгоритмов, созданных для максимизации вовлеченности в Сеть, а не для личного блага.

Свобода информации и выражения может вызвать конфликты с традиционными нормами, когда пользователь забывает об ответственности за распространение той или иной информации. И это уже вопрос нравственности и этики. Но как обеспечить баланс между свободой выражения и защитой авторских прав, как предотвратить злоупотребление свободой в Интернете в ущерб обществу?

С другой стороны, технические устройства и Интернет – не только среда личностного и делового общения, но и среда для образования. Они создают необходимые условия для эффективного и динамичного развития молодых людей. Мы все помним, как в марте 2020 г. в связи с пандемией не только учебный процесс, но и все сферы жизнедеятельности были переведены в онлайн-пространство. Тогда именно Интернет и цифровые технологии пришли на помощь [16, с. 11].

Важно отметить, что современный человек ежедневно пропускает через себя больше информации, чем способен усвоить его мозг, который никогда раньше с подобным не сталкивался. В результате возникает целый набор негативных последствий: усталость, эмоциональное выгорание, перманентная зависть и неудовлетворенность своей жизнью. А это значит, что информационно-технологическая среда как таковая содержит и потенциальную опасность деформаций в структуре личности молодого человека, ее социальной адаптации. Чрезмерное использование смартфонов приносит неизвестные прежде психические расстройства и болезни [17, с. 59].

Номофобия и непреодолимое влечение к Интернету препятствуют культурному и духовному развитию молодых людей, ведут к ограничению интересов, лишают их здоровых социальных потребностей. Постепенно нарушается процесс функционирования сознания и, как следствие, проявляется снижение когнитивных функций. Другими словами, зависимость от гаджетов и Интернета может создать иллюзию свободы, превращая человека в пленника собственных технологических привязанностей.

Кроме того, Интернет может усиливать социально опасные явления современной жизни, увеличивая, например, коммуникацию тоталитарных сект, спецслужб, преступных объединений. Так, в Кабардино-Балкарской Республике, по данным регионального управления Следственного комитета, в 2020 г. были возбуждены уголовные дела по преступлениям с использованием Интернета, которые совершены в отношении детей [18].

Глубокая связь между человеком и его технологическим «я» поднимает вопросы о том, как мы определяем свою личность в цифровой эпохе. Поэтому еще одним важным аспектом философского анализа номофобии и интернет-зависимости, на наш взгляд, является их роль в формировании идентичности молодого человека, потребность в которой – источник всех человеческих устремлений, чтобы осознать себя как уникальное существо и иметь стабильное представление о себе.

Э. Фромм отмечает, что жажда самоидентичности настолько фундаментальна и сильна, что для человека становится сложно считать себя здоровым без удовлетворения этой потребности [19, с. 314]. Данная потребность в сравнении себя с общностью коренится в глубинах человеческой природы, вытекает из основных условий нашего существования и является движущей силой всех устремлений.

Чрезмерное использование смартфонов и Интернета приводит к тому, что люди могут терять чувство собственной индивидуальности и становиться слишком зависимыми от внешних воздействий и социальных сетей, что в конечном итоге искажает их представление о себе. Это также может привести к отдалению от реальных социальных взаимодействий и утрате настоящих связей, вызывая ощущение потери или изменения в общественной идентичности. Новые технологии играют роль и в ценностном аспекте формирования личности. Страдающим от номофобии и интернет-зависимости требуются одобрение и внимание в социальных сетях. Отсутствие таковых может привести к низкой самооценке, беспокойству и неуверенности в собственной личности и идентичности, что влияет на ощущение своей ценности в обществе.

В целях предотвращения этих проблем в декабре 2023 г. президент России В.В. Путин подписал закон «О внесении изменений в ФЗ “Об образовании”», где зафиксирован запрет на использование смартфонов во время учебных занятий [20]. Как показал опыт предшествующих десятилетий, запреты не могут ничего изменить. Молодежь всегда критически относится к разного рода запретам, со временем это отношение трансформируется первоначально в скрытый, а потом в открытый социальный протест [21]. Кроме того, современная молодежь – это поколение, для которого цифровые технологии – естественная среда, общение в виртуальном пространстве – их способ коммуникации с миром. Сужение пространства свободы в молодежной среде воспринимается и будет всегда восприниматься крайне негативно, с возрождением всех (в том числе деструктивных) форм молодежного протеста [2, с. 154]. «Важно, – заметил К. Лэш, – чтобы была свобода выбора, наличествовала, тогда как на практике, в том или ином конкретном случае, она вполне может сводиться к воздержанию от выбора» [22, р. 38].

Для того чтобы лечение номофобии и интернет-зависимости было эффективным, необходимо в первую очередь искоренение причин их появления, так как они, как и любая другая форма зависимости, – это внешнее проявление каких-то внутренних проблем. Формирование личности, становление характера происходит в детском и подростковом возрасте. В связи с этим необходимо обратить внимание на взаимоотношения внутри семьи.

Там, где отношения детей и родителей характеризуются равнодушием, неискренностью, подростки с трудом овладевают положительным социальным опытом и рано теряют потребность в общении с родителями. Разрушительные отношения между старшим поколением и младшим часто имеют свои корни в широком спектре общественных проблем, таких как социальные нормы, культурные ожидания, экономические факторы и многое другое. Под их влиянием возникают вредные для дальнейшего развития ценностные установки.

Есть и другая крайность – гиперопека, которая также может принести множество страданий и горя и родителям, и детям, и обществу в целом. Гиперопека в детстве способствует появлению инфантильных, неуверенных в себе, неспособных принимать решения и нести ответственность за свои поступки людей. В итоге формируется личность, которую характеризуют сниженное чувство самооценности, нарушенная идентичность. В таких случаях необходима психологическая поддержка молодых людей, и в первую очередь со стороны родителей [13].

В связи с этим Кабардино-Балкарской региональной общественной организацией «Молодежный интеллектуальный клуб “АйКлуб”» при поддержке Министерства по делам национальностей и общественным проектам КБР в 2022 г. была реализована образовательно-тренинговая программа «Профилактика интернет-аддикции и номофобии в семьях с детьми-подростками», включающая интерактивные просветительские лекции и практические занятия. Цель программы – освоение родителями психологических знаний и навыков, необходимых для профилактики номофобии и интернет-зависимости у детей по следующим тематическим направлениям: «Новое поколение и их миры. Жизнь в Сети или где живут ваши дети», «Ограничивать или нет? Как отличить проблемную зависимость от искреннего интереса?», «Формирование навыков определения зависимости у детей». Были разработаны и изданы методические рекомендации по профилактике интернет-аддикции и номофобии для родителей и детей.

Проблема интернет-зависимости и номофобии будет только нарастать, если не предпринять различные меры профилактики этих явлений. Можно ожидать появления все большего числа молодых людей, имеющих изменения в состоянии сознания и функционировании головного мозга, с ограниченными способностями к обучению и аналитическому мышлению, импульсивных и асоциальных, не имеющих навыков реального общения и испытывающих стресс в общении с новыми людьми.

Когда-нибудь человек сможет справляться со своими эмоциями и не зависеть от технологий. Однако сегодня мы еще не готовы к этому. Мы постоянно ищем любые пути, чтобы оставаться на связи с другими людьми. Интернет не заменит живого общения. Философская мысль гласит, что только в соотношении с миром возможно быть человеком. Именно таким образом давал определение «бытию здесь» Хайдеггер. Понятие Person он заменил на слово Dasein, чтобы показать, что «я» не могу быть, если «я» не связан с «ты» или с «это» [16, с. 11].

Быть в мире – значит быть в связи с чем-то или кем-то другим. Человек познает себя, развивается, благодаря встрече с другим. И если он живет в этой согласованности, тогда он действительно существует, и тогда он уже не одинок.

Таким образом, социально-философский анализ личности молодого человека в цифровой эпохе поднимает широкий спектр вопросов, связанных с взаимодействием с информационными технологиями. Номофобия и интернет-зависимость – это не просто технические явления, но и философская проблема, требующая внимания в первую очередь к вопросам взаимоотношений внутри семьи, к вопросам свободы, идентичности и самоопределения молодого человека в контексте цифровой революции. Философский взгляд на этот синдром позволяет глубже понять его корни и последствия для человеческого бытия. Номофобия и интернет-зависимость свидетельствуют о том, что информационные технологии уже сильно влияют на нашу жизнь, и нам нужно научиться жить в этом новом мире.

Список источников

1. Касавина Н.А. Человек и техника: амбивалентность электронной культуры // Эпистемология и философия науки. 2018. Т. 55, № 4. С. 129–142.
2. Локова М.Ю. Структурная трансформация ценностных ориентаций молодежи в модернизирующемся российском социуме: дис. ... канд. филос. наук. М., 2007. 167 с.
3. Иванюшкин И.А. Интернет-зависимость: социокультурный контекст. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/internet-zavisimost-sotsiokulturnyy-kontekst-pediatricheskie-aspekty/viewer> (дата обращения: 26.02.2024).
4. Янг К. Диагноз «интернет-зависимость». URL: <https://cyberpsy.ru/articles/young-internet-addiction/> (дата обращения: 27.02.2024).
5. Фриндте В., Келер Т. Публичное конструирование Я в опосредованном компьютером общении. URL: <https://cyberpsy.ru/articles/frindte-self-construction-in-cmc/> (дата обращения: 27.02.2024).

6. Сулер Дж. Компьютерная и интернет-зависимость. URL: <https://cyberpsy.ru/articles/suler-cyberaddiction/> (дата обращения: 27.02.2024).
7. Войскунский А.Е. Концепции зависимости и присутствия применительно к поведению в интернете. URL: http://www.medpsy.ru/mpj/archiv_global/2015_4_33/nomer07.php (дата обращения: 27.02.2024)
8. Войскунский А.Е., Евдокименко А.С., Федунина Н.Ю. Сетевая и реальная идентичность: сравнительное исследование // Психология. 2013. Т. 10, № 2. С. 98–121.
9. Кузнецова Ю.М., Чудова Н.В. Интернет-зависимость: психологическая природа и динамика развития. М.: Акрополь, 2009. 224 с.
10. Андреев И.Л., Назарова Л.Н. Патологические психические зависимости как междисциплинарная проблема. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/patologicheskie-psihicheskie-zavisimosti-kak-mezhdistsiplinarnaya-problema> (дата обращения: 16.01.2024).
11. Исследование GfK: Зависимость от технологий. URL: <https://www.gfk.com/ru/press/issledovanie-gfk-zavisimost-ot-tehnologii> (дата обращения: 16.01.2024).
12. Сон, сонливость и гигиена сна, связанные с номофобией (фобией мобильных телефонов). URL: https://academic.oup.com/sleep/article/43/Supplement_1/A71/5847381?login=false (дата обращения: 17.01.2024).
13. Исследование: сколько в России номофобов. URL: <https://knife.media/phone-survey/> (дата обращения: 15.01.2024).
14. Засурский И. Система троечников будет снесена. URL: <https://aurora.network/articles/39-nauka-i-obrazovanie/56823-sistema-troechnikov-budet-snesena> (дата обращения: 17.01.2024).
15. Бодрийяр Ж. Система вещей. М.: Рудомино, 2001. С. 54–58.
16. Локова М.Ю., Ханова М.Н., Захохова М.Р. Феномен одиночества в молодежной среде // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2021. № 1. С. 8–13.
17. Назарова Л.Н. Социология психиатрии: школьная дезадаптация как предпосылка компьютерной и игровой зависимости // Наркология. 2015. № 8. С. 59–65.
18. Опасность интернета и соцсетей для подростков. URL: <https://vestikbr.ru/news/opasnost-interneta-i-socsetej-dlja-podrostkov/> (дата обращения: 16.01.2024).
19. Фромм Э. «Иметь» или «быть». М.: АСТ, 2008. 314 с.
20. Новые законы в России, декабрь 2023. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/658174019a794779fd301cad?from=copy> (дата обращения: 17.01.2024).
21. Lokova M.Yu., Khanova M.N., Azamatova G.K., Vindizheva A.O., Reshetnikova N.N. Social Consequences of the Impact of Information Technologies on the Values of Modern Youth in the Conditions of the Global Financial and Economic Crisis // The Future of the Global Financial System: Downfall of Harmony. Lecture Notes in Networks and Systems. Springer Nature Switzerland AG, 2018. Vol. 57. P. 176–182.
22. Lasch C. The minimal self: psychic survival in troubled times. New York: W.W. Norton, 1984. 301 p.

References

1. Kasavina N.A. Human and technique: ambivalence of electronic culture. *Epistemologiya i filosofiya nauki = Epistemology and Philosophy of Science*. 2018;55(4):129-142. (In Russ.).
2. Lokova M.Yu. *Structural transformation of value orientations of young people in the modernizing Russian society*. Dissertation Thesis. Moscow, 2007. 167 p. (In Russ.).
3. Ivanyushkin I.A. *Internet addiction: socio-cultural context*. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/internet-zavisimost-sotsiokulturnyy-kontekst-pediatricheskie-aspekty/viewer> [Accessed 26th February 2024]. (In Russ.).
4. Yang K. *Diagnosis of Internet addiction*. Available from: <https://cyberpsy.ru/articles/young-internet-addiction/> [Accessed 27th February 2024]. (In Russ.).
5. Frindte V., Keler T. *Public construction of the self in computer-mediated communication*. Available from: <https://cyberpsy.ru/articles/frindte-self-construction-in-cmc/> [Accessed 27th February 2024]. (In Russ.).
6. Suler G. *Computer and Internet addiction*. Available from: <https://cyberpsy.ru/articles/suler-cyberaddiction/> [Accessed 27th February 2024]. (In Russ.).
7. Voiskunsky A.E. *The concepts of dependency and presence as they apply to online behavior*. Available from: http://www.medpsy.ru/mpj/archiv_global/2015_4_33/nomer07.php [Accessed 27th February 2024]. (In Russ.).

8. Voiskunsky A.E., Evdokimenko A.S., Fedunina N.Yu. Network and real identity: comparative study. *Psikhologiya = Psychology*. 2013;10(2):98-121. (In Russ.).
9. Kuznetsova Yu.M., Chudova N.V. *Internet addiction: psychological nature and dynamics of development*. Moscow: Akropol' Publ.; 2009. 224 p. (In Russ.).
10. Andreev I.L., Nazarova L.N. *Pathological mental dependencies as an interdisciplinary problem*. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/patologicheskie-psihicheskie-zavisimosti-kak-mezhdistsiplinarnaya-problema> [Accessed 16th January 2024]. (In Russ.).
11. *GfK Study: Technology addiction*. Available from: <https://www.gfk.com/ru/press/issledovanie-gfk-zavisimost-ot-tehnologii> [Accessed 16th January 2024]. (In Russ.).
12. *Sleep, sleepiness, and sleep hygiene related to nomophobia (no mobile phone phobia)*. Available from: https://academic.oup.com/sleep/article/43/Supplement_1/A71/5847381?login=false [Accessed 17th January 2024]. (In Russ.).
13. *Research: how many nomophobes are there in Russia*. Available from: <https://knife.media/phone-survey/> [Accessed 15th January 2024]. (In Russ.).
14. Zasursky I. *The C grade system will be demolished*. Available from: <https://aurora.network/articles/39-nauka-i-obrazovanie/56823-sistema-troechnikov-budet-snesena> [Accessed 17th January 2024]. (In Russ.).
15. Baudrillard J. *System of things*. Moscow: Rudomino Publ.; 2001:54-58. (In Russ.).
16. Lokova M.Yu., Khanova M.N., Zakhokhova M.R. The phenomenon of loneliness among young people. *Izv. vuzov. Sev.-Kavk. region. Obshchestv. nauki = Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science*. 2021;(1):8-13. (In Russ.).
17. Nazarova L.N. Sociology of psychiatry: school maladaptation as a prerequisite for computer and gaming addiction. *Narkologiya = Narcology*. 2015;(8):59-65. (In Russ.).
18. *The dangers of the Internet and social networks for teenagers*. Available from: <https://vestikbr.ru/news/opasnost-interneta-i-socsetej-dlja-podrostkov/> [Accessed 16th January 2024]. (In Russ.).
19. Fromm E. *"To have" or "to be"*. Moscow: AST Publ.; 2008. 314 p. (In Russ.).
20. *New laws in Russia, December 2023*. Available from: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/658174019a794779fd301cad?from=copy> [Accessed 17th January 2024]. (In Russ.).
21. Lokova M.Yu., Khanova M.N., Azamatova G.K., Vindizheva A.O., Reshetnikova N.N. Social Consequences of the Impact of Information Technologies on the Values of Modern Youth in the Conditions of the Global Financial and Economic Crisis. *The Future of the Global Financial System: Downfall of Harmony. Lecture Notes in Networks and Systems*. Springer Nature Switzerland AG, 2018;57:176-182.
22. Lasch C. *The minimal self: psychic survival in troubled times*. New York: W.W. Norton Publ.; 1984. 301 p.

Информация об авторах

М.Ю. Локова – кандидат философских наук, доцент кафедры организации работы с молодежью.

М.Н. Ханова – кандидат философских наук, доцент кафедры организации работы с молодежью.

М.Р. Захохова – кандидат экономических наук, доцент кафедры организации работы с молодежью.

Information about the authors

M.Yu. Lokova – Candidate of Science (Philosophy), Associate Professor of the Department of Organization of Work with Youth.

M.N. Khanova – Candidate of Science (Philosophy), Associate Professor of the Department of Organization of Work with Youth.

M.R. Zakhokhova – Candidate of Science (Economics), Associate Professor of the Department of Organization of Work with Youth

Статья поступила в редакцию 21.01.2024; одобрена после рецензирования 22.02.2024; принята к публикации 12.03.2024.
The article was submitted 21.01.2024; approved after reviewing 22.02.2024; accepted for publication 12.03.2024.

Научная статья
УДК 11
doi: 10.18522/2687-0770-2024-1-23-29

МЕТАФИЗИКА ТОЧКИ: ПУТЬ В ТРАНСЦЕНДЕНТНОЕ

Анастасия Валерьевна Перекрестова

Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия
pereckrestova@mail.ru

Аннотация. Рассматривается философско-религиозное и мистическое содержание понятия «точка», апеллирующее к трансцендентному, что находит выражение и обоснование в онтологических взглядах мыслителей различных направлений и эпох. Метафизическое значение точки раскрывается через образы начала, центра и предела, соотносимых с истоком и первопринципом мироздания в разных концепциях. Показано, что данный элемент как наименьший фрагмент сущего, минимально сопричастный универсуму, предстает оптимальным символом, который способен в материальном мире намекать на сверхчувственную реальность – Бога. Отмечается, что в метафизическом подходе точка часто коррелирует и с категорией несущего, – будучи нульмерным объектом, она выступает в качестве отрицания пространственно-временных форм, отождествляясь с нулем и ничто, и это закономерным образом подводит к идее Абсолюта. Теологические и эзотерические трактовки точки, делающие акцент на антиномичности и парадоксальности ее природы, представляют данный элемент в качестве знака божественных атрибутов, объединяющего фундаментальные противоположности и противоречия. Автор демонстрирует, на основании каких параметров и характеристик символ точки становится не только универсальным онтологическим понятием, но и воспринимается в мистическом ключе, отсылая к сфере трансцендентного.

Ключевые слова: точка, метафизика, Бог, Абсолют, ничто, предел, единство, символ, противоположности, трансцендентность

Для цитирования: Перекрестова А. В. Метафизика точки: путь в трансцендентное // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2024. № 1. С. 23–29.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

METAPHYSICS OF THE POINT: THE PATH TO THE TRANSCENDENTAL

Anastasia V. Pereckrestova

Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia
pereckrestova@mail.ru

Abstract. The philosophical, religious and mystical content of the concept “point” is considered, appealing to the transcendental, which finds expression and justification in the ontological views of thinkers of various directions and eras. The metaphysical meaning of the point is revealed through the images of the beginning, center, and limit, correlated with the source and first principle of the universe in different concepts. It is shown that this element, as the smallest fragment of existence, minimally involved in the universe, appears to be the optimal symbol that is capable of hinting in the material world at the supersensible reality - God. It is noted that the point often correlates with the category of the non-existent in the metaphysical approach - being a zero-dimensional object, it acts as a negation of space-time forms, identified with zero and nothingness, which naturally leads to the idea of the Absolute. Theological and esoteric interpretations of the point, emphasizing the antinomy and paradoxical of its nature, present such element as a sign of divine attributes, uniting fundamental opposites and contradictions. The author demonstrates on the basis of what parameters and characteristics the point symbol becomes not only a universal ontological concept, but is also perceived in a mystical way, referring to the sphere of the transcendent.

© Перекрестова А. В., 2024

Keywords: point, metaphysics, God, Absolute, nothing, limit, unity, symbol, opposites, transcendence

For citation: Perekrestova A.V. Metaphysics of the Point: the Path to the Transcendental. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2024;(1):23-29. (In Russ.).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

В мировой культуре существует уникальное понятие, которое является фундаментальным элементом многих сфер знания, и в европейских языках для него предусмотрены сходные номинации, свидетельствующие о единой этимологии, – point, punkt, punto, punctum и т.д. Представляя собой универсальный и многозначный термин, точка не могла не оказаться в орбите философских и религиозных интерпретаций, позволивших раскрыть невероятную глубину и концептуальность этого образа. Важное место среди подобных толкований занимают мистические и эзотерические трактовки, выявляющие, пожалуй, самую поразительную и необычную особенность данного понятия – первозданную, нерасторжимую связь со сферой трансцендентного.

Все значительные религии свидетельствуют о том, что запредельное немислимо и неизъяснимо, оно превосходит самые искусные попытки разума его описать, поскольку является неизреченной тайной. Любые понятия, слова и образы превращаются в пыль в свете идеи о существовании недоступной Высшей реальности. Всё, на что способно ограниченное человеческое мировосприятие, – лишь намекнуть на неземное, дать отсылку к запредельному через какие-то символы, знаки и аллегории. И в этом ракурсе точка оказывается одним из наиболее релевантных образов, корреспондирующих к метафизическим первоначалам и перекидывающих мост от явленного к сокрытому и недостижимому.

Точка обладает парадоксальным онтологическим статусом: она есть и её нет. Некоторые мыслители уже в этой особенности видели причастность точки к метафизической сфере, рассматривая ее в качестве основополагающего фактора творения. В данном первоэлементе заключен исток и конец, в нем всё начинается и впоследствии завершает свое существование. Более того, именно данное понятие, выступающее высшим лимитом, знаменует собой переход от сущего к несущему: «Точка, мыслимая как предел бытия, находится не в пространстве, а в ничто, которого нет» [1, с. 740].

В западной культуре основоположником проблематики точки был легендарный Пифагор, олицетворявший собой синкретичную традицию, в которой наука органично сочеталась с духовными, эзотерическими практиками. Именно поэтому можно говорить о том, что фундамент мистической трактовки точки заложила пифагорейская школа. Пифагор оказался первым, кто разработал нумерологическую концепцию мира и увидел в монаде символ божественного единства. Первоначалом Вселенной и квинтэссенцией всего сущего для него являлась единица как символ самодостаточности и целостности, некое средоточие, потенциально содержащее весь феноменальный мир.

Любая вещь может быть сконструирована из единиц-точек, что наглядно запечатлено в священном символе пифагорейцев – тетраксисе, двумерной пирамиде из десяти точек. Каждый уровень пирамиды представляет собой ряд точек – от одной на вершине до четырех в основании, воплощающих модель музыкально-числовой гармонии Вселенной. Монада, или единица, не случайно венчает собой пик пирамиды, поскольку призвана служить указателем на божественный источник. А декада в пифагореизме постулировалась в качестве совершенного числа, поэтому фигура тетраксиса, состоящая из десяти точек, воспринималась как эмблема божественной реальности и сакральный код мироздания. Впоследствии разные эзотерические и оккультные течения использовали этот таинственный знак, полагая, что в нем скрыт ключ к универсальному знанию о Вселенной.

Именно монада-точка становится у Пифагора носителем космического совершенства, и то, что она отождествляется с единицей, делает ее символизм еще более всеобъемлющим. И точка, и единица предстают в пифагореизме некими идеальными сущностями, они апеллируют к надмирным сферам и воплощают первый, самый главный этап творения мира.

Однако точка коррелирует не только с единицей, но и с нулем, на что обращал особое внимание П.А. Флоренский, ссылаясь на изыскания исследователей науки: «Этот древний 0, по

указанию историков математики, есть сведение в один знак графического символа точки и буквенной инициальной омикрон» [2, с. 580]. Точка, соотносимая с нулем, раскрывает предельную абстрактность и тотальность такого символизма: условный ноль, или пустота, приобретает универсальный характер, поскольку потенциально концентрирует в себе информацию обо всем одновременно. Если развить эту аналогию, точка, будучи нульмерным объектом, обнаруживает непосредственную связь с категорией ничто, а в силу логической первичности данного понятия по отношению к бытию, оба элемента этой параллели могут квалифицироваться в качестве абсолютного начала всего сущего, подводящего к идее Бога.

В самом деле в креационистской модели творения *ex nihilo*, популяризированной христианством, мир со всем многообразием небесных тел, предметов и явлений возник благодаря Создателю из Ничто. При этом, как отмечают отдельные мыслители, именно к исходному состоянию сущее с высокой долей вероятности направляется снова: «Жизнь Вселенной, как и жизнь каждого из нас, может быть лишь перерывом между двумя ничто» [3, с. 41].

То, что существует во времени и пространстве, всегда подразумевает бытийную ограниченность – не только начало, но и конец, при этом исходной и финальной формой возникновения и разрушения материи всегда оказывается точка, в которой всё аннулируется и аннигилируется. Сложно не увидеть в этой онтологической схеме прямую апелляцию к Абсолюту, имеющему статус первой и последней инстанции сущего в эзотерическом и религиозном дискурсе. В этом аспекте является закономерным то, что точка и как единица бытия, и как субститут ничто указывает путь за пределы мыслимого и познаваемого – в трансцендентное, и отсылает к концепции Бога.

Осмысление антиномичности точки, выявление того, что данное амбивалентное понятие может воплощать бытие и ничто, указывать на единицу и ноль, объективировать начало и конец, а также выражать множество других противоположностей, подтверждает колоссальную метафизическую и онтологическую значимость элемента. Среди категорий, которыми оперирует мышление, подобной универсальностью и всеобъемлемостью содержания, способностью совмещать противоречия и соединять полюса обладает только идея Бога. Самое выразительное и глубокое подтверждение тотальности Творца, замыкающего в себе полярные, предельные феномены, мы находим в тексте Библии: «Я есмь Альфа и Омега, начало и конец, говорит Господь, Который есть и был и грядет, Вседержитель» (Откр. 1:8).

Однако всевозможные вариации этой мысли можно найти в огромном количестве нерелигиозных источников, затрагивающих тему Абсолюта. Например, в четвертой части диалога Платона «Законы, или О законодательстве» главный герой декларирует: «Бог, согласно древнему сказанию, держит начало, конец и середину всего сущего» [4, с. 318].

В свете вышесказанного вполне закономерно, что в истории духовных поисков можно обнаружить мыслителей, видевших в образе точки самый адекватный символ всего спектра разноплановых смыслов, которые человек приписывает божественному.

Яркой искрой идея точки как символа метафизической реальности вспыхивает на излете XIII в. в рассуждениях самобытного рейнского философа и теолога Мейстера Экхарта. Тексты проповедей Экхарта изобилуют антиномиями и парадоксами, отличаются нечеткостью формулировок и многозначностью содержания, характерными для мистической традиции, поэтому неслучайно, что мыслитель обращается к образу точки, отсылающей к атрибутам божественной природы.

Одним из наиболее идейно насыщенных, концептуально емких текстов Экхарта является проповедь «О гневе души», именно в ней раскрывается мистическая трактовка понятия «точка». Данная речь посвящена ключевой для рейнского Мастера теме богопознания, которое должно показать, что божественное и индивидуальное представляют собой разные грани единого. Противопоставленность твари и Творца – это иллюзия земного дуального мира, в котором восприятие действительности возможно лишь через бинарные оппозиции, ограничивающие человеческое мышление. Рассуждая о всеобъемлющем характере Троицы, запечатлевающей божественный Лик, Экхарт обращается к образу точки: «Ибо Троица есть вместе с тем и весь мир, так как в ней заложены все создания. И правда, все Трое – одна и единственная творческая сила. Это – неподвижная точка, это – единство в Троице» [5, с. 118].

Точка здесь предстает одновременно и как безграничное животворящее начало, и как знак, воплощающий невыразимость Абсолюта. Фактически перед нами выстраивается ряд тождественных понятий, различающихся лишь образно-метафорическими коннотациями: точка – единство – божественный лик – мир. В этой цепи взаимозаменяемых концептов точка оказывается наиболее легко визуализируемым элементом, но это не делает ее более понятной, напротив, в ней обнаруживается не просто отсылка к запредельному, она сама становится частью тайны.

В точке элиминируются всякие различия между тварным миром и Творцом, она позволяет выразить высшее единство во всей тотальности и полноте. Экхарт декларирует: «Взятые в Божестве изнутри, творящее и творение равно неизменны. В этой точке Бог проходит через изменение без всякой перемены и в ней сливается с единством сущности» [5, с. 118].

Экхарт последовательно дифференцировал два фундаментальных для его мировидения понятия – Божество (Gottheit) и Бога (Gott), первое из которых является исходным, представляя собой Абсолют, непознаваемый и неизъяснимый. Божество в теологии Мастера воплощает истинную первооснову бытия (Urgrund), которая соотносится с безначальной, онтологической «бездной» (Ungrund). В бесплодной попытке хоть как-то передать сущность Gottheit мистик часто рассуждает о божественном Ничто, которое в качестве самобытного апофатического кода является метафизической квинтэссенцией всего. Бог (Gott) у Экхарта выступает вторичной реальностью, производной от Божества, но именно Он обладает невероятной креативной мощью, манифестируя себя как Создателя, и репрезентируется в виде трехипостасной сущности – Троицы.

Весьма наглядно специфику теогенеза, постулируемого рейнским мистиком, передает С. Булгаков: «Онтологически единосущны и мир, и бог, насколько оба они суть модусы Ничто, в котором возникает все» [6, с. 253]. Бог, по утверждению Экхарта, эквивалентен бытию, а Божество условно соотносится с Ничто, – в свете этого обстоятельства более ярко проступает смысл точки, знаменующей собой границу между несущим и сущим. Душа является божьим подобием, бытийствующей субстанцией, именно поэтому точка в качестве взаимоперехода ничто в нечто уравнивает Творца с тварью, что Экхарт и постулирует во фразе «взятые в Божестве изнутри, творящее и творение равно неизменны» [5, с. 118], далее указывая слияние Бога с первозданной основой, Gottheit. Но затем у теолога следует ещё более интересная мысль: «Если же и душа, отдавшись, станет одно с этой неподвижной точкой, тогда вместит она возможность миротворения!» [5, с. 118].

Мистик неоднократно делает акцент на безграничности творческого могущества Троицы, что вписывается в рамки догматики христианского вероучения, но неканоническими оказываются намеки на поистине невообразимые перспективы, открывающиеся человеческому духу, если он попытается приобщиться к божественному «средоточию». Душа уподобляется Богу, когда проходит сквозь незримую точку, знаменующую метафизический рубеж, за которым исчезает всё тленное и сотворенное: «Это есть единая сила, изливающаяся из той точки: она отделяет душу от всего созданного и от всех преходящих вещей» [5, с. 119].

В концепции Экхарта точка демонстрирует множество модальностей – это и символ, и особое духовное состояние, и условный способ бытия божественного, и образ проявления унитарности Троицы, и, наконец, знак, запечатлевающий трансгрессию от феноменального к трансцендентному. Точка является пределом, в котором элиминируется всё материальное и мыслимое, ведь как минимальный элемент сущего она становится преамбулой всеобъемлющего исчезновения, задает вектор к божественному Ничто.

Установление связей между точкой и понятиями «всё» и «ничто» также приводит к идее Бога и его атрибутам, что наглядно демонстрирует философия Николая Кузанского, показавшего, как тотальность точки разворачивает ее до уровня Абсолюта и сворачивает в бесконечно малое сущее, вплоть до полной аннигиляции. Кузанский, в чьих сочинениях метафизика гармонично сочетается с научным подходом, писал: «Точка только одна, и она есть не что иное, как всё то же бесконечное единство» [7, с. 64].

Единственность точки, сколь бы бесчисленны ни были ее проявления, непосредственно апеллирует к сущности высшего первоначала, которое еще в античное время отождествлялось с категорией Единого. Об этом рассуждали величайшие умы древности – Парменид, Платон,

Плотин и др., а впоследствии этот постулат нашел отражение и в трудах христианских мыслителей.

Дионисий Ареопагит посвятил рассмотрению данного вопроса главу в своем сочинении «О божественных именах», где акцент сделан на том, что эта всеобъемлющая целостность позволяет органично совмещать противоположности. Теолог пытался эксплицировать, каким образом одно может заключать в себе всё: «Единое, являющееся Причиной всего, предшествующее всяким единице и множеству, части и целому, границе и безграничности, пределу и беспредельности, всё сущее и само бытие ограничивающее» [8, с. 306].

Он обращается к таким понятиям, которые оказываются релевантны описанию точки и ее онтологическим характеристикам – Абсолют инволюирует все противоположности, а точка соотносится с наиболее фундаментальными для этого мира оппозициями, формирующими структуру модели универсума. Однако всегда необходимо помнить, что между Богом и точкой, как и всеми остальными феноменами, пролегает метафизическая бездна, ведь данный элемент является достоянием пространственно-временного континуума и вне его теряет смысл, а Он – «в недоступной запредельности» [8, с. 307].

Весьма затейливые и интересные обоснования онтологической фундаментальности точки можно обнаружить в сочинениях, связанных с герметической и алхимической традициями. В частности, об этом элементе упоминает легендарный Джон Ди в своем причудливом сочинении «Иероглифическая монада», увидевшем свет в 1564 г. Как отмечает Е.В. Головин, «это книга о символике точки, линии, полукруга, круга и креста» [9, с. 111]. Необходимо учитывать, что трактовка монады Джоном Ди кардинально отличается от пифагорейского понимания, – его монада связана со значением целостности и представляет собой усложненный знак Меркурия с дополнительными полукругами. Но для нас важно то, что уже во второй из двадцати четырех теорем английский натурфилософ декларирует: «Таким образом, лишь благодаря точке и Монаде все вещи начинают проявлять себя как таковые» [10, с. 278]. В двадцатой теореме, рассуждая о центре креста, Ди ссылается на «многочисленные откровения упомянутой уникальной точки» [10, с. 310]. Хотя фокус внимания британского мыслителя направлен не на точку и он не ставит перед собой задачи глубокого и подробного обоснования ее духовного смысла, текст этого небольшого трактата указывает на мистическую природу данного элемента вполне недвусмысленно.

Однако то, что не получило должного развития у Джона Ди, весьма выразительно раскрылось во взглядах другого самобытного философа Рене Генона, который «точку уводит в метафизический горизонт» [11, с. 114]. Этот французский эзотерик вошел в историю культуры как яркий идеолог интегрального традиционализма, считающего, что истинное знание рассредоточено в разных сакральных источниках. Многоцветная палитра его религиозных и мистических идей, составляющих так называемую примордиальную традицию, концентрируется на метафизических вопросах, получающих особое преломление в феноменальном мире. Концептуальное ядро воззрений Генона представлено учением о Высшем принципе, или Первопринципе, чьи манифестации проявляются в символах и образах. По мнению Генона, одним из таких знаков духовного измерения является точка, обладающая мощнейшим символическим потенциалом и имеющая особую связь с Абсолютом. Этот простой элемент оказывается окном в трансцендентное: «Это “неизменное средоточие”, “ось космического колеса”, а также “земной рай” или место, в котором непосредственно отражается “Действие неба”» [11, с. 30].

В одной из своих фундаментальных работ «Символика креста» (1931) мыслитель демонстрирует, что истинный смысл точки наиболее полно раскрывается именно в этой многозначной фигуре. Генон подчеркивает, что крест – это древнейший знак, который встречается в самых разных духовных системах задолго до того, как христианская традиция избрала его в качестве своего священного символа. При этом философ рассматривает в первую очередь исконную версию образа – трехмерный крест, образованный шестью перпендикулярными друг другу лучами с единым центром. В таком виде крест выступает моделью Вселенной, и самым главным его элементом оказывается сердцевина – «точка, где примиряются и разрешаются все противоположности» [11, с. 72].

Генон делает акцент на том, что точка обладает уникальным свойством синтеза, реализуемым в объединении любых антиномий и оппозиций. Крест выражает развертывание бытия во всех направлениях, благодаря чему возникает континуум (плоский двумерный вариант тоже показывает расширение сущего), а точка аттестуется как исток мироздания, независимый от пространства. Дефиниция точки, предлагаемая мыслителем, максимально туманна и замысловата, призвана указать на метафизическую природу элемента: «Это центр, который, собственно говоря, не находится нигде, поскольку, как мы сказали, он по преимуществу “нелокализован”»; он не может быть найден ни в одном месте проявления, будучи абсолютно трансцендентным по отношению к последнему» [11, с. 143].

Он же подчеркивает, что этот «центр» коррелирует с первопринципом Вселенной, пребывает вне измерений пространства-времени, за пределами реального и чувственного. В подобной трактовке точка становится воплощением запредельного, через нее осуществляется манифестация Логоса, определяющего мироустройство и поддерживающего его существование. Описывая точку, философ употребляет емкие эпитеты, свидетельствующие о ее онтологической фундаментальности – высшая, изначальная, сущностная, – именно поэтому, принадлежа метафизической сфере, она остается недостижимой и непостижимой. Из нее «произошло божественное Слово» [11, с. 60], что устанавливает ее онтологическую основу, – в этом ракурсе точка постулируется как исток всех возможных, непроявленных миров, а не только знакомой эмпирической действительности.

Будучи непознаваемой, «высшая точка» все-таки позволяет намекнуть на себя через символы и сакральные формы, в коих она представлена неявно, что аллегорически обозначает ее сокрытость. На это указывают различные визуальные образы и символы из каббалистической, даосской, буддийской, исламской и других традиций, которые, по мнению Генона, отсылают к изначальной точке. Однако он делает особый акцент на том, что первозданное Единое, выражаемое точкой, это лишь вершина айсберга, «но, если мы хотели, выйдя за пределы самого Бытия, рассмотреть Абсолютное Совершенство, мы должны перейти в то же время за пределы этого Единства, к метафизическому Нулю; но его нельзя ни выразить символом, ни назвать каким-либо именем» [11, с. 144]. В подобной трактовке точка выступает в качестве указателя неведомой тропы в трансцендентное, но ее отсылка к высшим, фундаментальным началам, Абсолюту или ничто, не дает никакого, даже самого ограниченного и условного представления о подлинно запредельном. Точка просто свидетельствует, что существует некий путь за границы всего.

В заключение следует упомянуть еще об одном любопытном артефакте, указывающем на глубочайшую философию, заключенную в идее точки. Эзотерическая линия трактовки этого образа нашла весьма специфическое воплощение в работах неисследованного на данный момент немецкого мистика XVII – XVIII вв. Дионисия Андреаса Фрейера, о чьей жизни и творчестве почти ничего неизвестно. Он является автором чрезвычайно своеобразного труда «Парадоксальные эмблемы», представляющего собой «сочетание изображения, подобного мандале, с краткой надписью, весьма близкой тому, что называется коан в восточной традиции» [10, с. 9].

Сочинение состоит из 153 эмблем, абсолютное большинство которых посвящено графической и вербальной манифестации сущности Единого, точки и центра. Эта работа еще ждет отдельного большого исследования, но в контексте нашей темы нельзя не отметить, сколь высока степень метафизических интенций и смысловой неисчерпаемости в отдельных предложениях, посвященных точке. Многие максимы предельно загадочны и требуют не интеллектуального постижения, а внерационального улавливания: «Первый, Средний и Последний есть Единый, Сущий, Центр, Точка и Целое» [10, с. 42], «Для Мудрого Точка, которая меньше Точки, более велика, чем Мир» [10, с. 74], «Единый, который внутри, движет всем при помощи не более чем Точки» [10, с. 118] и т.д.

Можно сказать, что данное произведение подводит к самой границе познания, выразимости и концептуализации, пересечь которую невозможно. Отдельные положения «Парадоксальных эмблем» подтверждают всё то, о чем шла речь выше: символизм точки непосредственно связан с Абсолютом, этот элемент является референтным всему, что относится к сфере запредельного, и воплощает всё и ничто.

Безусловно, трансцендентное абсолютно непознаваемо, но существуют удивительные понятия, способные на кратчайший миг дать по крайней мере отблеск Божественного в этом мире. Вероятно, точку можно считать самым значительным и емким среди подобных понятий, – в силу неопределенности и антиномичности своего онтологического статуса она отсылает к тому, что невыразимо, сама являясь непроницаемой тайной. Ухватить сущность точки невозможно, ведь она соотносится с несущим больше, чем с бытием, и это делает ее недостижимой и непостижимой: в своей устремленности к трансцендентному точка исчезает в ничто.

Список источников

1. Ахутин А.В. Античные начала философии. СПб.: Наука, 2003. 784 с.
2. Флоренский П.А. Symbolarium (Словарь символов) // Флоренский П.А. Соч. : в 4 т. М.: Мысль, 1996. Т. 2. 877 с.
3. Холт Дж. Почему существует наш мир? М.: АСТ, 2016. 384 с.
4. Платон. Законы. М.: АСТ, 2020. 704 с.
5. Экхарт М. Духовные проповеди и рассуждения. М.: Рипол классик, Пальмира, 2019. 256 с.
6. Булгаков С. Свет не вечерний: созерцания и умозрения. СПб.: Азбука, 2017. 672 с.
7. Кузанский Н. Соч. : в 2 т. М.: Мысль, 1979. Т. 1. 488 с.
8. Дионисий Ареопагит. Корпус сочинений. С толкованиями преп. Максима Исповедника. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2017. 464 с.
9. Головин Е.В. Приближение к Снежной Королеве. М.: Арктогея-Центр, 2003. 480 с.
10. Герметическая космогония / пер. с англ. Г.А. Бутузова. СПб.: Азбука, Петербургское востоковедение, 2001. 352 с.
11. Генон Р. Символика креста. М.: Прогресс-Традиция, 2008. 704 с.

References

1. Akhutin A.V. *Ancient principles of philosophy*. St. Petersburg: Nauka Publ.; 2003. 784 p. (In Russ.).
2. Florensky P.A. *Symbolarium (Dictionary of symbols)*. Works: in 4 vols. Moscow: Mysl' Publ.; 1996. Vol. 2. 877 p. (In Russ.).
3. Holt J. *Why does the world exist?* Moscow: AST Publ.; 2016. 384 p. (In Russ.).
4. Platon. *Laws*. Moscow: AST Publ.; 2020. 704 p. (In Russ.).
5. Eckhart M. *Spiritual sermons and reasoning*. Moscow: Ripol klassic, Pal'mira Publ.; 2019. 256 p. (In Russ.).
6. Bulgakov S. *Non-evening light: contemplation and contemplation*. St. Petersburg: Azbuka Publ.; 2017. 672 p. (In Russ.).
7. Kuzansky N. *Works*: in 2 vols. Moscow: Mysl' Publ.; 1979. Vol. 1. 488 p. (In Russ.).
8. Dionysius the Areopagite. *Corpus of essays*. With interpretations of Rev. Maximus the Confessor. St. Petersburg: Publishing House of Oleg Abyshko; 2017. 464 p. (In Russ.).
9. Golovin E.V. *Approaching the Snow Queen*. Moscow: Arktogeya-Tsentr Publ.; 2003. 480 p. (In Russ.).
10. Butuzov G.A., transl. *Hermetic cosmogony*. St. Petersburg: Azbuka, Peterburgskoe vostokovedenie Publ.; 2001. 352 p. (In Russ.).
11. Guenon R. *Symbolism of the cross*. Moscow: Progress-Traditsiya Publ.; 2008. 704 p. (In Russ.).

Информация об авторе

А.В. Перекрестова – аспирант кафедры философии и мировых религий.

Information about the author

A.V. Perekrestova – Postgraduate Student of the Department of Philosophy and World Religions.

Статья поступила в редакцию 29.12.2023; одобрена после рецензирования 22.01.2024; принята к публикации 12.03.2024.
The article was submitted 29.12.2023; approved after reviewing 22.01.2024; accepted for publication 12.03.2024.

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ HISTORICAL SCIENCE

Научная статья

УДК 94

doi: 10.18522/2687-0770-2024-1-30-34

ГОРОДСКИЕ КРЕДИТНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ ОБЛАСТИ ВОЙСКА ДОНСКОГО В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД

Константин Александрович Горбик

Ростовский государственный университет путей сообщения, Ростов-на-Дону, Россия
gorbik.konstantin@mail.ru

Аннотация. Неудачи в Крымской войне, застойные явления в экономической системе, технологический кризис ставили под большой вопрос возможность России оставаться в ранге одной из ведущих держав Европы. Правительство Российской империи считало, что преодолению хозяйственного отставания от европейских держав может способствовать развитие капиталистических отношений в стране. Модернизация коснулась всех сфер жизнедеятельности общества, в том числе и банковской. В пореформенной Российской империи осуществляли свои функции государственные и негосударственные банки, общества взаимного кредита, учреждения мелкого кредита. Важную роль в кредитовании местного населения играли и городские общественные банки. Широтой своей деятельности отличался Ростовский-на-Дону городской общественный банк. Исследуется участие городских банков в торгово-промышленном развитии Области войска Донского. Отдельно рассматриваются покупка и продажа процентных бумаг донским городским банком в пореформенный период. Анализируется активность Ростовского-на-Дону городского общественного банка по учёту векселей, выдаче ссуд, приёму и хранению вкладов, ссуды под залог городского недвижимого имущества. Исследуется влияние городского общественного банка на формирование городского бюджета в Ростове-на-Дону.

Ключевые слова: Российская империя, Область войска Донского, отечественная банковская система, городские банки, Ростовский-на-Дону городской общественный банк, покупка и продажа ценных бумаг, кредитование местного населения, учёт векселей, приём вкладов

Для цитирования: Горбик К.А. Городские кредитные учреждения Области войска Донского в пореформенный период // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2024. № 1. С. 30–34.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

CITY CREDIT INSTITUTIONS OF THE DON ARMY REGION IN THE POST-REFORM PERIOD

Konstantin A. Gorbik

Rostov State Transport University, Rostov-on-Don, Russia
gorbik.konstantin@mail.ru

Abstract. Failures in the Crimean War, stagnation in the economic system, the technological crisis called into question Russia ability to remain one of the leading powers in Europe. The government of the Russian Empire believed that the development of capitalist relations in the country could help overcome the economic lag from the European powers. Modernization has affected all spheres of society, including banking. In the post-reform Russian Empire, state and non-state banks, mutual credit societies, and small credit institutions carried out their functions. Urban public banks played an important role in lending to the local population. The Rostov-on-Don city public bank was distinguished by the breadth of its activities. The author examines

© Горбик К.А., 2024

the participation of city banks in commercial and industrial development in the Don Army Region. The purchase and sale of interest-bearing securities by the Don City Bank in the post-reform period are considered separately. The activity of the Rostov-on-Don city public bank in accounting for bills, issuing loans, accepting, and storing deposits, and loans secured by city real estate is analyzed. Loans secured by urban real estate are being considered. The influence of the city public bank on the formation of the city budget in Rostov-on-Don is investigated.

Keywords: Russian Empire, Don Army Region, domestic banking system, city banks, Rostov-on-Don City Public Bank, purchase and sale of securities, lending to the local population, accounting of bills, acceptance of deposits

For citation: Gorbik K.A. City Credit Institutions of the Don Army Region in the Post-Reform Period. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2024;(1):30-34. (In Russ.).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Хозяйственный коллапс, кризис феодальной системы и рост социальной напряжённости в середине XIX в. ставили под сомнение существование России как империи. Ситуация усугублялась отечественным военно-техническим и технологическим отставанием от ведущих держав Европы, ярко проявившимся в ходе Крымской войны.

Выход из сложившейся ситуации российская политическая элита видела в перестройке экономической системы, основой которой должны были стать свободные товарно-денежные отношения, нестеснённые феодальными пережитками. Ведущую роль в этом процессе играли государственные и негосударственные банки, общества взаимного кредита, учреждения мелкого кредита и другие банковские заведения.

Деятельность новых кредитно-финансовых учреждений была направлена на стимулирование и расширение предпринимательской деятельности внутри российского общества во второй половине XIX в. [1, с. 197].

Основная задача новой банковской системы Российской империи в пореформенный период заключалась в росте отечественной экономики через увеличение и мобилизацию денежной массы населения.

Решения по открытию кредитов и привлечению денежной массы у ремесленного и купеческого населения принимали городские общественные банки.

Впервые отечественные городские кредитно-финансовые учреждения появились в конце XVIII в. Они не имели чётко разработанного устава и программы своей деятельности и функционировали за счёт пожертвований городского населения. Данные недостатки часто приводили к банкротству городских кредитно-финансовых структур.

Дальнейшие мероприятия правительства Российской империи по стабилизации социально-экономической ситуации принципиально изменили систему функционирования городских банковских учреждений. Так, 8 февраля 1862 г. царское правительство опубликовало новые основные правовые документы, регулировавшие деятельность городских банков. Важное отличие данных банковских институтов заключалось в том, что их главным собственником являлось всё городское общество. Именно горожане избирали директора и правление банка [2, с. 63].

В Области войска Донского Ростовский-на-Дону городской общественный банк достиг высоких показателей в производстве кредитно-финансовых операций. Инициаторами создания донского банка выступали представители купеческого населения ещё в 1840-е гг. Но в силу незаинтересованности Николая I и его министров в функционировании банковских институтов проекты городских кредитно-финансовых учреждений оставались только на бумаге.

Однако после внешнеполитических неудач в Крымской войне возникла острая потребность в системе кредитно-финансовых учреждений во многих городских центрах. С начала 1860-х гг. из собственных средств городские органы власти в среднем выделяли 150 тыс. руб. на образование основного капитала банка. В сентябре 1863 г. Ростовский-на-Дону городской общественный банк после разрешения на осуществление своей деятельности начал выполнять кредитно-финансовые функции.

Первоначально в перечень обязанностей городского банка входило производство таких операций, как учёт векселей, приём и хранение денежных средств городских обывателей, выдача ссуд под различные ценные бумаги.

В большинстве случаев основной капитал городского кредитно-финансового учреждения насчитывал 10 000 руб. Данную сумму легко мог собрать любой городской центр. Поэтому уже к концу 1860-х гг. число городских банков возросло до 160. Но численный рост таких кредитно-финансовых структур не являлся свидетельством положительных результатов в выполнении ими своих задач. В отчётах правительственных учреждений подчёркивается работа городских банковских учреждений в местах неприспособленных для производства активных кредитных операций. Иногда городские банки предоставляли свои услуги клиентам для решения финансовых потребностей городской верхушки, что в конечном итоге приводило к закрытию кредитно-финансовых структур. Поэтому требовалась переработка действовавших положений городских общественных банков. Так, 26 апреля 1883 г. для открытия городского банка помимо финансовых вопросов требовалось одобрение министерства финансов и министерства внутренних дел. При этом канцелярия министра финансов постоянно осуществляла ревизию отмеченных кредитно-финансовых учреждений [3, с. 200].

Отметим, что с течением времени контроль со стороны правительственных органов возрастал. Городские общественные банки могли открывать определённые кредиты только с разрешения упомянутых выше министерств. Но, вопреки усилению административного давления со стороны правительства, кредитно-финансовая деятельность городских общественных банков расширялась. Например, банки получили возможность учитывать больше векселей за счёт увеличения числа членов учётных комитетов.

К началу XX в. количество функционировавших городских банков перешло рубеж в 300 заведений [4, с. 36]. В то время задачи городских кредитно-финансовых учреждений сводились к учёту векселей и выдаче ссуд лицам, занимавшимся предпринимательской деятельностью.

В целом основной капитал городских банков составил 38,6 млн руб., а чистая прибыль превысила 4 млн руб. в 1912 г. [2, с. 82]. Но, несмотря на их доходность, министерство финансов выступило с инициативой по наращиванию темпов развития сети кредитно-финансовых учреждений в России. Перед Первой мировой войной городские банки получили право выдавать долгосрочные ссуды. Так, предметом залога в Ростове-на-Дону выступали деревянные постройки, каменные строения, земельные участки. Соответственно, клиентами банка стали выступать прежде всего богатые городские слои, так как они являлись владельцами крупного недвижимого имущества. При этом максимальный размер кредита одному заёмщику не мог превышать десятую часть основного капитала банка.

Подобные меры существенным образом отразились на деятельности городских банков. В 1914 г. их основные капиталы увеличились почти в 1,5 раза по сравнению с аналогичными показателями в 1912 г. Среди операций городские банки достигли основных результатов при производстве учёта векселей (126 млн руб.), хранении вкладов (198 млн руб.) и выдаче ссуд под различные товары (4 млн руб.) [5, с. 414–415].

В первые годы своего функционирования Ростовский-на-Дону городской общественный банк занимался выдачей ссуд под городское недвижимое имущество. По производству этой операции банк опережал другие городские банки в Области войска Донского. Но в связи с развитием сети ипотечных земельных банков городской общественный банк в Ростове-на-Дону переориентировал свой капитал на учёт векселей. В общей сложности за 1863–1913 гг. банк учёл векселей на сумму 4,1 млн руб. Наибольших результатов в производстве этой операции Ростовский-на-Дону городской общественный банк достиг в 1904–1913 гг. (1,1 млн руб.) [6, л. 132 об. – 133].

Кроме этого, банк активно вёл спекулятивную игру с государственными и негосударственными ценными бумагами. Так, в 1879–1884 гг. донским кредитно-финансовым учреждением было приобретено процентных бумаг на сумму 1,1 млн руб. За тот же период продажа ценных бумаг превысила 1,2 млн руб. Соответственно, результаты данной кредитно-финансовой операции успешно пополняли городской бюджет [6, л. 86 об. – 87 об.].

В 1890-е гг. промышленное развитие в Российской империи диктовало массовое городское строительство. Поэтому денежные средства владельцам под залог их недвижимого имущества начал вновь предоставлять Ростовский-на-Дону городской общественный банк. За 10 лет банковское учреждение на производство операций с недвижимостью потратило около 1,4 млн руб. [7, с. 144].

Деятельность городского банка являлась одним из источников доходов Ростова-на-Дону. Так, прибыль банка возросла почти в 2 раза в период 1891–1894 гг. и составила 55 403 руб. Постоянная прибыль дала возможность увеличить основной капитал банка до 325 тыс. руб. в 1892 г. [8, с. 1].

Составным элементом деятельности Ростовского-на-Дону городского банка являлся приём и хранение вкладов населения. Сумма хранившихся вкладов в 1899–1904 гг. превысила 800 тыс. руб. Подобными показателями не отличались другие городские банки торгово-промышленных центров Области войска Донского. Так, в начале XX в. в Таганрогском городском общественном банке хранилось только несколько десятков тысяч рублей в качестве вкладов [9, л. 2].

В целом за 1894–1913 гг. денежные обороты Ростовского-на-Дону городского общественного банка увеличились в 1,5 раза и составили 60 млн руб. [7, с. 153]. Данный показатель подтверждает активные мероприятия донского банка в производстве кредитно-финансовых операций с жителями Ростова-на-Дону.

В общей сложности за свою почти 50-летнюю историю чистая прибыль Ростовского-на-Дону городского общественного банка составила 1 656 887 руб. 02 коп. Из них 607 442 руб. 01 коп. было направлено на пополнение основного капитала банка, 1 049 445,01 руб. – непосредственно городским органам власти [10, с. 14–15]. Итоги кредитно-финансовой деятельности донского банка подтверждают его большое значение для социально-экономического развития Ростова-на-Дону.

Таким образом, городские общественные банки на примере Ростовского-на-Дону занимались производством кредитно-финансовых операций, характерных и для других банковских учреждений. Например, в 1863–1913 гг. Ростовским-на-Дону городским общественным банком было учтено векселей на сумму более 4 млн руб. Банк активно занимался скупкой и продажей государственных и негосударственных ценных бумаг. Производство данных операций было обусловлено потребностями местных торгово-промышленных кругов в расширении своих торговых капиталов и увеличении денежной массы для ведения предпринимательской деятельности.

Кроме этого, учитывая динамичное расширение городской черты Ростова-на-Дону, отмеченное банковское учреждение выдавало ссуды на строительство, покупку и под залог жилых зданий. Известно, что банк направил на решение жилищного вопроса около 1,4 млн руб.

Также донское кредитное заведение имело ряд важных отличительных особенностей. Так, в первую очередь банк обслуживал горожан и находился под их контролем в лице городских органов управления. Не получила должного развития у городских банков такая кредитно-финансовая операция, как выдача ссуд под товары. В большей степени это объяснялось функционированием донских коммерческих кредитно-финансовых учреждений, в основном кредитовавших местных торговцев и производителей хлеба.

В период 1863–1913 гг. городская казна Ростова-на-Дону за счёт прибыли банка пополнилась на 1,05 млн руб. Соответственно, это обстоятельство положительно влияло на отношение горожан и руководства города к его деятельности.

Список источников

1. Финансовая энциклопедия / под ред. И.А. Блинова, А.И. Буковецкого. М.: Гос. изд-во, 1924. 973 с.
2. Бимман А.Б. История банков: историческое развитие банков России и за границей с древнейших времён и до наших дней. СПб.: Круг самообразования, 1914. 116 с.
3. Гурьев А.Н. Очерк развития кредитных учреждений в России. СПб.: Якорь, 1904. 250 с.
4. Вся Область войска Донского на 1899 г.: адрес-календарная, торгово-промышленная, справочная книга. Ростов н/Д.: Электронпечатня Тер-Абрамиана, 1899. 789 с.
5. Гиндин И.Ф. Русские коммерческие банки: из истории финансового капитала в России. М.: Госфиниздат, 1948. 454 с.

6. Российский государственный исторический архив. Ф. 583. Оп. 2. Д. 719.
7. Статистический сборник по г. Ростов-на-Дону: ч. 1, № 1–6, январь – июнь 1914 г. Ростов н/Д.: Печатня С.А. Яковлева, 1915. 179 с.
8. Приазовский край. 1893. № 53. 1 марта.
9. Государственный архив Ростовской области. Ф. 662. Оп. 1. Д. 2.
10. Памятная записка к пятидесятилетию Ростовского-на-Дону городского общественного банка 1863–1913 гг. Ростов н/Д.: Электротипография Ф.А. Полубатко, 1913. 37 с.

References

1. Blinov I.A., Bukovetsky A.I., eds. *Financial encyclopedia*. Moscow: State Publishing House; 1924. 973 p. (In Russ.).
2. Bimman A.B. *The history of banks: the historical development of banks in Russia and abroad from ancient times to the present*. St. Petersburg: Krug samoobrazovaniya Publ.; 1914. 116 p. (In Russ.).
3. Gur'ev A.N. *An essay on the development of credit institutions in Russia*. St. Petersburg: Yakor' Publ.; 1904. 250 p. (In Russ.).
4. *The entire of the Don Army Region for 1899: address-calendar, trade and industrial, reference book*. Rostov-on-Don: Ter-Abramian Electric Printing; 1899. 789 p. (In Russ.).
5. Gindin I.F. *Russian commercial banks: from the history of financial capital in Russia*. Moscow: State Publishing House of Financial Literature; 1948. 454 p. (In Russ.).
6. *Russian State Historical Archive*. Fund 583. In. 2. File 719. (In Russ.).
7. *Statistical collection on Rostov-on-Don. Part 1, No. 1-6, January-June, 1914*. Rostov-on-Don: S.A. Yakovlev Printing; 1915. 179 p. (In Russ.).
8. *Priazovskii krai = Azov region*. 1892;(53). (In Russ.).
9. *The State Archive of the Rostov region*. Fund 662. In. 1. File 2. (In Russ.).
10. *Commemorative note to the fiftieth anniversary of the Rostov-on-Don City Public Bank 1863-1913*. Rostov-on-Don: F.A. Polubatko Electric Printing House; 1913. 37 p. (In Russ.).

Информация об авторе

К.А. Горбик – кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и истории Отечества.

Information about the author

K.A. Gorbik – Candidate of Science (History), Associate Professor of the Department of Philosophy and National History.

Статья поступила в редакцию 26.01.2024; одобрена после рецензирования 13.02.2024; принята к публикации 12.03.2024.
The article was submitted 26.01.2024; approved after reviewing 13.02.2024; accepted for publication 12.03.2024.

Научная статья
УДК 94(73)
doi: 10.18522/2687-0770-2024-1-35-41

США НА ПУТИ К РЕСТРИКЦИОНИЗМУ В ИММИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКЕ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX ВЕКА)

София Андреевна Гречишкина

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия
sgr@sfedu.ru

Аннотация. Рассматриваются причины и аргументы, которые повлияли и обосновали принятие рестрикционистской политики США в XX в. Опора на отчеты Конгресса США, данные переписи населения, публикации современников, политических и научных лидеров страны, а также периодическую печать позволила рассмотреть динамику развития миграционной политики США XIX – XX вв. Ключевым фактором в распространении требований об ограничении миграционных потоков стал мысленный конструкт, основанный на стереотипах, частном опыте и позиции, освещаемой в СМИ. Ощущение угрозы со стороны американского общества было обосновано различием в культуре, языке и обычаях мигрантов, которое препятствовало качественной интеграции в принимающее общество. Особенности экономического положения Соединенных Штатов с учетом циклических кризисов давали рациональное объяснение введения ограничительной миграционной политики.

Ключевые слова: миграция, рестрикционизм, нативизм, расизм, иммиграционное законодательство

Для цитирования: Гречишкина С.А. США на пути к рестрикционизму в иммиграционной политике (вторая половина XIX – начало XX века) // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2024. № 1. С. 35–41.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

THE UNITED STATES OF AMERICA ON THE WAY TO RESTRICTIONISM IN IMMIGRATION POLICY (THE SECOND HALF OF THE 19th – EARLY 20th CENTURY)

Sophia A. Grechishkina

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia
sgr@sfedu.ru

Abstract. The article examines the reasons and arguments that influenced and justified the adoption of the restrictive policy of the USA in the 20th century. Reliance on the reports of the USA Congress, census data, publications of contemporaries, political and scientific leaders of the country, as well as periodicals allowed us to consider the dynamics of the development of USA migration policy in the 19th – 20th centuries. A key factor in the dissemination of demands to limit migration flows has become a mental construct based on stereotypes, private experiences and position covered in the media. The feeling of threat from the American society was justified by the differences in the culture, language, and customs of migrants, which prevented high-quality integration into the host society. The peculiarities of the economic situation of the United States, taking into account cyclical crises, provided a rational explanation for the introduction of a restrictive migration policy.

Keywords: migration, restrictionism, nativism, racism, immigration legislation

For citation: Grechishkina S.A. The United States of America on the Way to Restrictionism in Immigration Policy (The Second Half of the 19th – Early 20th Century). *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2024;(1):35-41. (In Russ.).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Миграционные процессы оказывают влияние на динамику развития государства и являются неотъемлемой частью существования любого общества. При этом миграции, изменяясь в масштабах, практически не меняются по своим фундаментальным причинам [1, р. 4]. Важным в этой связи будет рассмотрение причин формирования рестрикционистского подхода, применительно к миграционным процессам. Изменения миграционных потоков, численное перераспределение представителей той или иной культуры вместо другой оказывают влияние на внутреннюю целостность принимающего общества. При этом миграционные процессы обладают не только негативным влиянием, напротив, это те явления, которые в широком понимании могут моделировать существующую общественную систему. То, как принимающее общество реагирует на изменения, вызванные миграционными процессами, зависит в равной степени от устойчивости и состояния общества, а также от характера миграции.

На примере миграционной ситуации в США XIX – XX вв. отчетливо видно, какие факторы миграции не влияли на состояние принимающего общества, а какие становились разрушительными и приводили к одобрению жесткого ограничительного подхода в регулировании внешнего потока миграции. На современном этапе развития общества мигранты остаются объектом беспокойства. Обвинения вновь прибывших иностранцев в росте преступности, ухудшении окружающей среды и напряженного экономического состояния в стране все так же звучат в речах политиков, общественных лидеров и СМИ. Невостребованные профессии, высокий уровень нелегальной миграции создают прецедент для негативной оценки и неодобрения мигрантов.

США со времен основания и вплоть до первой половины XIX в. испытывали позитивный опыт от миграции. Природные ресурсы страны были недостаточно освоены, и, чтобы интенсифицировать этот процесс, политики и представители деловых кругов делали все возможное для привлечения человеческих сил. Лейтмотивом подхода США к миграциям можно считать слова, сказанные в 1791 г. А. Гамильтоном Конгрессу, что в случае стремления Соединенных Штатов к обретению статуса промышленной державы необходимо поощрение иммиграции с целью компенсации «нехватки рабочих рук» и «дороговизны рабочей силы» [2, р. 63]. В дальнейшем политика продолжилась таким образом, что первая половина XIX в. стала олицетворением усилий правительства США по наполнению страны мигрантами. Высокое значение придавалось прибывающим иностранцам, иммиграция стала «золотым потоком, который ежегодно вливается в страну» [3, р. 85].

Тенденция преувеличивать экономические выгоды от стабильно высокого миграционного потока была характерна для XIX в. Политики прилагали усилия по оказанию помощи в приеме иностранцев путем конструирования образа открытой и заинтересованной в иммиграции страны, а также регламентируя условия иммиграции. Поощряющее направление иммиграционной политики было поддержано в период Гражданской войны президентом А. Линкольном, который в ежегодном послании Конгрессу в 1862 г. заявлял о необходимости содействия притоку иностранных граждан для решения вопроса острой нехватки рабочих рук в промышленности и сельском хозяйстве.

Сказанные президентом слова побудили правительство к составлению законопроекта и принятию его в 1864 г. Этот Акт об иммиграции был направлен на выработку мер и методов стимулирования притока иностранных граждан с целью обеспечения американской промышленности достаточным количеством рабочей силы для удовлетворения производственных потребностей, а также стал поводом для создания иммиграционного бюро [4]. Хотя он просуществовал только до 1868 г., все же послужил причиной появления множества частных компаний по найму иностранной рабочей силы, которые еще долгое время играли ведущую роль в продвижении образа США в странах Европы.

Со второй половины XIX в. иммиграционная политика США стала меняться. Несколько факторов повлияли на переоценку иммиграционного вопроса. С одной стороны, были опасения по поводу перераспределения рабочей силы в пользу мигрантов, в результате чего образовывалась нехватка рабочих мест для граждан США. С другой стороны, период «золотой лихорадки» в Калифорнии, ставшей причиной притока большого количества жителей Китая в США, спо-

собствовал формированию негативного представления о мигрантах и распространению расистских настроений.

Низкий темп ассимиляции азиатских мигрантов также повлиял на отрицательные оценки. «Раса, которая одинаково неспособна и недостойна к ассимиляции с нашей..., не имеет общего прошлого и не надеется на будущее с нашей цивилизацией, и члены которой по собственной воле являются постоянными чужаками на этой земле», – говорил в 1870 г. в Палате представителей республиканец от Невады Т. Фитч о китайской иммиграции [5].

Кроме того, США опасались, что мигрантов могли направлять в страну на принудительную работу. Это привело к принятию актов, ограничивающих въезд в страну тех лиц, кто был осужден в своей стране, запрещавших миграцию женщин из Восточной Азии, заподозренных в занятии проституцией [6], тех, у кого есть предварительные трудовые контракты, больных и политически нежелательных [7]. Таким образом, Соединенные Штаты впервые приняли политику, которая была направлена на исключение мигрантов не только определенного рода занятий и наклонностей, но и определенной расы. Аргументом для принятия ограничительного курса в том числе стала защита морали и ценностей, жизни и будущего белого населения.

Закон об исключении китайцев, душевнобольных и преступников отразил первый, ещё незначительный кризис общества-реципиента. Одним из поводов для распространения антикитайских настроений стала забастовка в Норт-Адамсе в 1870 г., вызванная заменой бастующих рабочих фабрики 75 китайцами. Ситуация вызвала массовую реакцию протеста со стороны рабочего класса страны, повлияла на дебаты в Конгрессе и способствовала формированию у широкой общественности представления о китайской миграции как о национальной проблеме, поскольку произошедшие события позволили увидеть в мигрантах угрозу для занятых в промышленности американцев.

Подобная ситуация давала повод расценивать низкооплачиваемый труд китайских рабочих как инструмент для манипуляций со стороны работодателей, превращая последних в «диктаторов труда в Америке» [8]. К моменту введения в 1882 г. Акта об исключении китайцев на 10-летний период насчитывалось 39 579 мигрантов из Китая [9, р. 59]. По данным переписи 1880 г., общее число китайцев в США составляло 105 465 при общем количестве населения в 50 150 783 чел., из которых 6 679 943 чел. были рождены за границей [10, р. 3].

Китайские мигранты в этот период – самая многочисленная инокультурная группа в США. Кроме того, подавляющим большинством иностранцев были представители Британских островов – 2 772 160 чел., Германской империи – 1 966 742, Швеции – 194 337, Норвегии – 181 729 чел. [10, р. 494].

Исключения в вышеназванном Акте были сделаны в пользу дипломатов, учителей, студентов, путешественников и торговцев, которых допускали в страну, поскольку их труд расценивался как квалифицированный, а их пребывание в стране было временным. Растущие антикитайские настроения усиливались в связи с экономической нестабильностью, актами насилия, отсутствием явной ассимиляции. Однако наиболее острой причиной неприятия являлась многочисленность представителей Китая в США, что видно по статистическим данным, а разительное отличие двух культур друг от друга, прямое осуждение моральных качеств азиатских мигрантов гражданами США и распространение расовых представлений об опасностях смешения крови [8].

Противник Акта сенатор-республиканец Дж. Ф. Хоар из Массачусетса считал принцип недопущения человека в страну по причине его принадлежности к определенной расе ошибочным проявлением «реальности исключительности» [11, р. 125]. По сути Акт об исключении китайцев действительно стал первым государственным законом, запрещающим миграцию определенной этнической группы по расовым соображениям. Ограничения по въезду в США лиц других рас к тому моменту еще не были законодательно регламентированы.

С другой стороны, большая часть населения США, а также рабочие и члены профсоюзов поддержали введенную меру по недопущению в страну китайских мигрантов. Американская федерация труда и профсоюз «Рыцари труда», придерживаясь мнения, что работодатели используют труд китайцев с целью удержания низкого уровня заработной платы на производстве, также одобряли введение миграционного ограничения. На практике, однако, такие меры затра-

гивали всего около 1 % от общего числа мигрантов [12], так как рестрикционистский подход в миграционной политике разрабатывался с учетом интересов США к росту и развитию экономики, которому способствовали иммиграционные потоки [13, p. 5764].

Реализация ограничительных мер была построена таким образом, чтобы не прерывать «золотой поток». Как объяснял один иммиграционный инспектор того периода, «лучше подвергнуться риску случайного допуска иностранца, недопустимого по закону, чем замедлять процесс (прогресса. – С.Г.)» [14, p. 70]. Итак, учитывая потребность США в человеческих ресурсах, введенный закон затрагивал незначительный поток приезжающих иностранцев.

После принятия Закона 1882 г. Конгресс взял на себя обязательство соблюдать принцип федерального регулирования и ответственности за иммиграцию. В последующие десятилетия основные миграционные проблемы заключались в решении вопросов миграции из Китая, ограничении прав иностранцев-резидентов и регулировании иммиграции в целом, усугубляясь при этом растущим числом иностранцев, ежегодно прибывающих в США.

Принятые Конгрессом меры в отношении китайцев сработали. Однако с середины 1880-х гг. страна ощутила большой приток мигрантов из Восточной Европы, жители которой также отличались от принимающего общества языком, культурой и обычаями. Непрерывающиеся миграционные потоки испытывали прочность США с экономической, культурной и социальной точек зрения. В обществе и политических кругах отчетливо выделялись антииммигрантские и проиммигрантские стороны. Одни ощущали угрозу в изменившейся демографической структуре общества, другие, напротив, продолжали видеть в мигрантах возможности для личного экономического роста и политического развития.

Развернулась широкая дискуссия на страницах периодических изданий, а также заседаниях Конгресса. Члены политических партий были задействованы в процессах обсуждения влияния миграции на США и непрерывно выдвигали новые теории, методы использования и регулирования миграционных потоков [15–18].

Наиболее яркая тема дискуссий в последней четверти XIX в. касалась «новой» миграции и базировалась на расовых теориях. Ее активным идеологом был поначалу небольшой политический и академический круг лиц из штата Массачусетс, члены которого смогли создать Лигу по ограничению иммиграции, выступающую против неконтролируемой миграции с целью защиты прав граждан США и сохранения в неизменном виде социокультурных особенностей населения [19].

Впоследствии идеи Лиги нашли сторонников и в других штатах. Растущая популярность антииммиграционных теорий, чаще отличавшихся от действительных экономических и общественных процессов, породили устойчивый образ угрозы, который усиливался в обществе благодаря воображаемым конструкциям. Восприятие гражданами США опасности, исходящей от мигрантов, было проявлением обобщенных стереотипов, личного негативного опыта, а также результатом репрезентаций в средствах массовой информации. Возможно, представление о причинах даже важнее для понимания рассматриваемого вопроса, чем статистические данные, которые могут одновременно отражать и усиливать определенные принципы дифференциации. По мнению ряда исследователей, статистические данные, в том числе перепись населения, помогли оформиться и прижиться в официальных источниках расовым представлениям, так как измеряли и делили население в соответствии с расовой принадлежностью, отмечая активность этнических групп в различных экономических сферах деятельности.

Однако даже измеримый экономический вклад мигрантов обесценивали антииммигрантские силы. В периоды неопределенности, экономической и социальной нестабильности чувства опасения, основанные на различных сочетаниях расизма и нативизма у представителей антииммигранционного лагеря, обострялись. Несмотря на то, что в первую очередь под возможное сокращение заработной платы и рабочих мест попадали мигранты, так как занимали наименее квалифицированные рабочие места с низкой ставкой оплаты труда, со стороны рестрикционистов они не получали понимания.

Следствием шаткого финансового и правового положения мигрантов стало их участие в организованных протестных группах. Разделяя несогласие мигрантов с проводимой государством трудовой политикой, организация Индустриальных рабочих мира (IWW), а также ряд неболь-

ших независимых профсоюзов выступали с мигрантами единым фронтом в стремлении вызвать перемены в стране. Одна из крупнейших забастовок текстильщиков произошла в Лоуренсе, штат Массачусетс, с 11 января по 14 марта 1912 г. Забастовка быстро распространилась по городу, охватив более 23 тыс. рабочих и затронув почти все фабрики Лоуренса [17, р. 9]. Непосредственной причиной забастовки стало сокращение заработка, вытекающее из закона штата, который вступил в силу 1 января 1912 г. Закон предусматривал сокращение продолжительности рабочего дня для женщин и детей в возрасте до 18 лет с 56 до 54 часов в неделю, что приводило к сокращению заработной платы, поскольку на фабриках была утверждена повременная система оплаты труда. Подавляющее большинство бастующих были неанглоговорящими иммигрантами, в том числе из Южной и Восточной Европы [20–22].

США проделали долгий путь, прежде чем рестрикционистский подход стал доминировать в миграционной политике. После ассимиляции американское общество принимало те группы мигрантов, которые первоначально воспринимало негативно. Подобная ситуация повторялась до тех пор, пока миграционный поток не стал значительно превышать привычные цифры. Развитие транспортного сообщения, влияние кампаний по найму иностранцев и письма мигрантов сказались на увеличении объемов миграции.

Однако решающим фактором, повлиявшим на негативные оценки мигрантов, стало их культурное отличие от принимающего общества. Популярность расовых теорий в XIX в. позволила сторонникам ограничений объяснить урон, который наносят миграционные потоки, с позиции науки.

С экономической стороны США в рассматриваемый период уже добились основных результатов промышленного роста, более того, к началу XX в. экономика пережила свой первый серьезный спад с 1890-х гг. Экономическая ситуация в стране послужила катализатором переосмысления традиционной политики миграционной открытости. Следствием изменений стало широкое распространение рестрикционистских настроений и принятие ограничительной миграционной политики. При этом потребовалось около 20 лет, чтобы политические лидеры решились на изменение курса, заданного отцами-основателями по отношению к мигрантам. Эпоха законодательно утвержденного рестрикционизма продолжилась до 1965 г., когда иммиграционная политика была вновь пересмотрена.

Список источников

1. *Baker B., Tsuda T.* Migration and disruptions: Toward a unifying theory of ancient and contemporary migrations. Florida: University Press of Florida, 2015. 336 p.
2. *Hamilton A.* Report on Manufactures. Communication to the House of Representatives December 5, 1791. Washington: GPO, 1913. 63 p.
3. *Cornelius W.A., Martin P.L., Hollifield J. F.* Controlling immigration : a global perspective. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1995. 442 p.
4. Pub. L. 38–246, H.R. 411, 13 Stat. 385, An Act to Encourage Immigration. July 4, 1864. URL: <https://govtrackus.s3.amazonaws.com/legislink/pdf/stat/13/STATUTE-13-Pg385a.pdf> (дата обращения: 20.12.2023).
5. Chinese Immigration and Chinese Suffrage. Congressional Globe, House of Representatives, 41st Congress, 2nd Session. Appx. Washington, 1870. P. 410.
6. Pub. L. 43–141. An Act supplementary to the acts in relation to immigration. March 3, 1875. URL: <https://govtrackus.s3.amazonaws.com/legislink/pdf/stat/18/STATUTE-18-Pg41a.pdf> (дата обращения: 20.12.2023).
7. Pub. L. 47–126. Chinese Exclusion Act. May 6, 1882. URL: <https://govtrackus.s3.amazonaws.com/legislink/pdf/stat/22/STATUTE-22-Pg58c.pdf> (дата обращения: 20.12.2023).
8. *Swinton J.* The New Issue: The Chinese-American Question // New York Tribune. June 30, 1870. URL: <https://chroniclingamerica.loc.gov/lccn/sn83030214/1870-06-30/ed-1/seq-1/> (дата обращения: 20.12.2023).
9. U.S. Bureau of the Census. Historical Statistics of the United States, Colonial Times to 1957. Washington, 1960.
10. U.S. Bureau of the Census. Statistics of the population of the United States at the tenth census (June 1, 1880). Vol. 1. Washington: GPO, 1880.
11. *Hoar G. F.* Autobiography of seventy years. New York : C. Scribner's Sons, 1903. Vol. 2. 500 p.
12. *Jenks W. J., Lauck W. J.* The immigration problem. New York ; London : Funk & Wagnalls Co., 1912. 496 p.
13. Congress. 35 Cong. Rec. (Bound). Vol. 35, part 6 (May 10, 1902 to June 5, 1902). U.S. Government Publishing Office, 1902.

14. Calavita K. U.S. immigration law and the control of labor, 1820-1924. London: Academic Press Inc., 1984. 190 p.
15. Lodge H.C. Historical and Political Essays. Boston; New York: Houghton Mifflin, 1892. P. 138–168.
16. Walker F.A. Restriction of Immigration // *The Atlantic*. June 1896. URL: [https:// www.theatlantic.com/magazine/archive/1896/06/restriction-of-immigration/306011/](https://www.theatlantic.com/magazine/archive/1896/06/restriction-of-immigration/306011/) (дата обращения: 20.12.2023).
17. Bemis E.W. Restriction of Immigration // *Andover Review* 9. March 1888.
18. Riis J. A. How the other half lives: studies among the tenements of New York. New York: Charles Scribner's Sons, 1890. 325 p.
19. Solomon B. M. Ancestors and immigrants: a changing New England tradition. Cambridge: Harvard University Press, 1956. 276 p.
20. Immigration Restriction League (U.S.); Records, 1893-1921; Series II, Record books of the IRL; Minutes of meetings of the executive committee of the IRL (Vol. 1), 1894-1902 (1894 May-1902 Dec.). June 20-26 MS Am 2245 (1050). Cambridge: Houghton Library, Harvard University.
21. Wadlin H.G. Illiteracy in Massachusetts. Boston: Wright & Potter Printing, 1888. 11 p.
22. Report on strike of textile workers in Lawrence, Mass., in 1912. United States. Washington: Bureau of Labor, 1912. P. 9.

References

1. Baker B., Tsuda T. *Migration and disruptions: Toward a unifying theory of ancient and contemporary migrations*. Florida: University Press of Florida; 2015. 336 p.
2. Hamilton A. *Report on Manufactures*. Communication to the House of Representatives December 5, 1791. Washington: GPO Publ.; 1913. 63 p.
3. Cornelius W.A., Martin P.L., Hollifield J. F. *Controlling immigration: a global perspective*. Stanford, Calif.: Stanford University Press; 1995. 442 p.
4. *Pub. L. 38–246, H.R. 411, 13 Stat. 385, An Act to Encourage Immigration. July 4, 1864*. Available from: <https://govtrackus.s3.amazonaws.com/legislink/pdf/stat/13/STATUTE-13-Pg385a.pdf> [Accessed 20th December 2023].
5. *Chinese Immigration and Chinese Suffrage*. Congressional Globe, House of Representatives, 41st Congress, 2nd Session. Appx. Washington, 1870:410.
6. *Pub. L. 43–141. An Act supplementary to the acts in relation to immigration. March 3, 1875*. Available from: <https://govtrackus.s3.amazonaws.com/legislink/pdf/stat/18/STATUTE-18-Pg41a.pdf> [Accessed 20th December 2023].
7. *Pub. L. 47–126. Chinese Exclusion Act. May 6, 1882*. Available from: <https://govtrackus.s3.amazonaws.com/legislink/pdf/stat/22/STATUTE-22-Pg58c.pdf> [Accessed 20th December 2023].
8. Swinton J. The New Issue: The Chinese-American Question. *New York Tribune*. June 30, 1870. Available from: <https://chroniclingamerica.loc.gov/lccn/sn83030214/1870-06-30/ed-1/seq-1/> [Accessed 20th December 2023].
9. *U.S. Bureau of the Census. Historical Statistics of the United States, Colonial Times to 1957*. Washington, 1960.
10. *U.S. Bureau of the Census. Statistics of the population of the United States at the tenth census*. June 1, 1880. Vol. 1. Washington: GPO Publ.; 1880.
11. Hoar G. F. *Autobiography of seventy years*. New York: C. Scribner's Sons Publ.; 1903. Vol. 2. 500 p.
12. Jenks W. J., Lauck W. J. *The immigration problem*. New York; London: Funk & Wagnalls Co. Publ.; 1912. 496 p.
13. *Congress. 35 Cong. Rec. (Bound). Vol. 35, part 6 (May 10, 1902 to June 5, 1902)*. U.S. Government Publishing Office, 1902.
14. Calavita K. *U.S. immigration law and the control of labor, 1820-1924*. London: Academic Press; 1984. 190 p.
15. Lodge H.C. *Historical and Political Essays*. Boston; New York: Houghton Mifflin Publ.; 1892:138-168.
16. Walker F.A. Restriction of Immigration. *The Atlantic*. June 1896. Available from: <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/1896/06/restriction-of-immigration/306011/> [Accessed 20th December 2023].
17. Bemis E.W. Restriction of Immigration. *Andover Review* 9. March 1888.
18. Riis J. A. *How the other half lives: studies among the tenements of New York*. New York: Charles Scribner's Sons Publ.; 1890. 325 p.
19. Solomon B. M. *Ancestors and immigrants: a changing New England tradition*. Cambridge: Harvard University Press; 1956. 276 p.

20. *Immigration Restriction League (U.S.). Records, 1893-1921*. Series II, Record books of the IRL. Minutes of meetings of the executive committee of the IRL (Vol. 1), 1894-1902 (1894 May-1902 Dec.). June 20-26 MS Am 2245 (1050). Cambridge: Houghton Library, Harvard University.

21. Wadlin H.G. *Illiteracy in Massachusetts*. Boston: Wright & Potter Printing Publ.; 1888. 11 p.

22. *Report on strike of textile workers in Lawrence, Mass., in 1912*. United States. Washington: Bureau of Labor Press; 1912:9.

Информация об авторе

С.А. Гречишкина – аспирант кафедры зарубежной истории и международных отношений, Институт истории и международных отношений.

Information about the author

S.A. Grechishkina – Postgraduate Student of the Department of Foreign History and International Relations, Institute of History and International Relations.

Статья поступила в редакцию 12.12.2023; одобрена после рецензирования 05.02.2024; принята к публикации 12.03.2024.
The article was submitted 12.12.2023; approved after reviewing 05.02.2024; accepted for publication 12.03.2024.

Научная статья
УДК 94 (470.6)"18"
doi: 10.18522/2687-0770-2024-1-42-47

КУЛЬТУРНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В ЖИЗНИ ЧЕЧЕНСКОГО ОБЩЕСТВА К НАЧАЛУ XX ВЕКА

Исмаил Султанович Денильханов

Пятигорский государственный университет, Пятигорск, Россия
Denilkhanov@gmail.com

Аннотация. Освещаются процессы обновления некоторых сторон традиционной материальной культуры чеченского общества в начале XX в. Большое влияние на происходившие перемены оказывали российские власти, стремившиеся превратить Северный Кавказ в неотъемлемую часть своей империи и преобразовать патриархальный быт новых подданных. Под воздействием России процессы обновления традиционных устоев охватывали прежде всего хозяйственно-бытовую сферу жизни чеченцев, вынужденных приспосабливаться к новым обстоятельствам существования. Перемены наиболее заметными были в равнинной части Чечни, открытой и доступной для внешних влияний.

Постепенно происходил отказ от традиционной внутренней планировки жилых помещений с жесткой изолированностью женской и мужской частей жилища, их оснащенностью и обстановкой. Изменялись внешний облик домовладений, пространственное устройство поселений, расширялась их функциональная роль, что было связано непосредственно с новыми социально-культурными ценностями, социальными статусами и повседневным бытом. Перемены также коснулись одежды и обуви, которые сделались не только данью моде, но выступали маркерами общественного статуса и материального преуспеяния. Нагорная часть Чечни по большей части оставалась в стороне от происходивших перемен из-за трудной доступности для внешних влияний.

Ключевые слова: чеченское общество, изменения, традиция, нововведение, идентичность, внешнее воздействие, материальная культура, социальный статус

Для цитирования: Денильханов И.С. Культурные трансформации в жизни чеченского общества к началу XX века // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2024. № 1. С. 42–47.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

CULTURAL TRANSFORMATIONS IN THE LIFE OF CHECHEN SOCIETY AT THE BEGINNING OF THE 20th CENTURY

Ismail S. Denilkhanov

Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia
Denilkhanov@gmail.com

Abstract. The article highlights the processes of renewal of some aspects of the traditional material culture of Chechen society at the beginning of the 20th century. The Russian authorities had a great influence on the changes that took place, striving to turn the North Caucasus into an integral part of their empire and transform the patriarchal life of their new subjects. Under the influence of Russia, the processes of updating traditional foundations primarily covered the economic and household sphere of life of the Chechens, who were forced to adapt to new circumstances of existence. The changes were most noticeable in the flat part of Chechnya, which was more open and accessible to external influences.

Gradually, there was a rejection of the traditional internal layout of living spaces with strict isolation of the female and male parts of the home, their equipment and furnishings. The appearance of households and the spatial structure of settlements changed, their functional role expanded, which were directly related to new socio-cultural values, social statuses, and everyday life. Changes also included clothing and shoes, which be-

came not only a tribute to fashion, but also acted as markers of social status and material success. The mountainous part of Chechnya for the most part remained aloof from the changes taking place due to difficult accessibility to external influences.

Keywords: Chechen society, changes, tradition, innovation, identity, external influence, material culture, social status

For citation: Denilkhanov I.S. Cultural Transformations in the Life of Chechen Society by the Beginning of the 20th Century. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2024;(1):42-47. (In Russ.).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Любые социально-культурные явления, обычаи, традиции, этнический менталитет могут изменяться под воздействием самых разных обстоятельств и требований времени. Даже быденное сознание, будучи весьма консервативным, постепенно подвергается корректировке [1, с. 30–31]. Такие процессы могут протекать медленно, почти незаметно и относительно безболезненно, количественно накапливаясь прежде всего в материальной культуре и подготавливая там качественные обновления. Но бывают исторические периоды, когда трансформация общественных устоев совершается в течение жизни одного поколения, помнящего, как жили его предки и как начинали жить они сами, а теперь ощутившего веяние инновационных преобразований и опасющегося, что это может угрожать им потерей этнической идентичности. Особенно тревожные настроения характерны для обществ в том случае, если изменения в традиционном существовании вызывались внешним воздействием, как, например, в Чечне в течение второй половины XIX – начала XX в.

Происходившие процессы затрагивали самые разнообразные сферы материальной культуры народной жизни, в том числе нашли своё отражение в перемене внешнего облика жилых построек и особенностях внутреннего устройства поселений. Во вновь возникающих на равнине чеченских селениях стали больше уделять внимания организации пространства существования, планировке улиц, которые делались прямыми, а в центральной части поселения выделялось место для общественных контактов. Политика царских властей, направленная на укрупнение горских поселений, привела к тому, что в некоторых оказались собраны представители разных фамилий, что одновременно способствовало этнической консолидации, позволяло преодолевать тейповую локальную замкнутость и разобщенность.

В новых условиях, как и прежде, сохранялось пространственное деление на верхний и нижний кварталы, но в отличие от предшествующего времени речь уже не шла об исключительно родственном характере подобного расселения. Особенностью новых веяний стали торговые кварталы, в которых проживали представители семейств, занимавшихся реализацией продукции различного назначения. Они держали стационарные лавки, которые располагались непосредственно в доме или рядом с ним. Во дворе могли построить амбар, в котором находились товары, предназначенные для продажи.

Дома здесь были построены «на городской лад», что должно было подчеркнуть новый статус владельца, показать его имущественную состоятельность [2, с. 504]. Как правило, такие дома находились уже не в глубине двора, а выходили фасадом непосредственно на улицу. Прежний многовековой опыт и военные испытания времен Кавказской войны вынуждали чеченцев строить быстровозводимые жилища из турлука, которые в случае необходимости можно было оставить и соорудить аналогичные на новом месте. В данный период такой потребности уже не было. Условия мирного существования и новые социокультурные обстоятельства способствовали тому, что характер и внешний вид жилища приобретали функционально и социально расширенное назначение, а потому начинали обустраиваться более капитально, из саманного кирпича или камня, с расчетом на то, что они достанутся по наследству следующему поколению.

Важной новацией в жилищных постройках было нарушение изолированности помещений, делившихся на мужскую и женскую части. В домах появляются проходные и смежные комнаты. Наибольшей популярностью пользовались дома, состоявшие из нескольких жилых помещений. Они могли иметь прямоугольную или квадратную форму. Новыми элементами были ка-

менный фундамент, деревянные полы и потолки. В домах начинали обустраивать кирпичные печи, которые вытесняли срединный очаг [3, с. 65]. Крыши таких домов перекрывались черепицей либо железом. Всё зависело от финансовых возможностей и тщеславия владельцев.

Своеобразным маркером, отражавшим материальную и социальную состоятельность хозяина жилища, была его этажность. В селениях стали появляться дома с двумя, а иногда тремя этажами. В этом случае первый этаж считался хозяйственным, а второй и третий были жилыми. Окна застеклялись, а средством обогрева была печь с фабричными заслонками из чугуна. К началу XX в. только самые бедные слои населения жили в домах, возведенных по-старому, т. е. в рамках традиционной планировки и при помощи традиционных материалов. Все остальные мало-мальски материально обеспеченные члены сельского общества старались поселиться в жилищах, соответствовавших их представлениям о «городском» типе постройки.

Российский этнограф А. Миллер отмечал такие же перемены, происходившие в черкесских поселениях. Он указывал, что близкое соседство черкесских аулов с русскими привело к тому, что даже «при первом взгляде на современный аул видно, какие значительные изменения происходят, особенно в последнее время, в смысле замены старых форм новыми и специально в области построек, которые очень быстро теряют большинство старых особенностей и признаков и делаются по образцу современных построек казачьих и даже городских, и в редких, сравнительно случаях можно наблюдать, как пережиток, более или менее сохранившийся тип старого жилища» [4, с. 57].

Не менее впечатляющую картину нарисовал А.Г. Ардасенов: «В любом ауле вы уже найдёте много довольно приличных домов, крытых черепицею, имеющих вместо крошечных отверстий большие светлые окна (в 6–8 стёкол), закрывающиеся филёнчатыми ставнями. Если вы войдёте в один из этих домов, вас введут в просторную и светлую комнату с хорошим деревянным полом, с потолком, обшитым шилевками; вместо камина чаще вы увидите печку, снабжённую всеми принадлежностями; вместо простых мазаных стен зачастую найдёте оштукатуренные или обклеенные обоями; двери, створчатые рамы, ставни – все снабжены медными ручками, петлями, крючками. Не менее обратит на себя ваше внимание мебель и вообще обстановка» [5, с. 26].

За подобными изменениями стояло кардинальное преобразование самого образа жизни, которое произошло на Кавказе, вступившем в относительно мирный период своей истории. Это не могло не отразиться на такой важной стороне повседневного быта, как обустройство жилья в соответствии с новыми возможностями и повысившимися требованиями к комфорту и функциональности.

Постепенно исчезала мода на деревянное декорирование фасада, но зато получила распространение практика обустройства навесных деревянных балконов, которые нередко застеклялись и утеплялись. Столь же популярными сделались веранды, нередко обрамленные крупными листами из стекла.

В богатых домах пол и потолок делались деревянными, а двери филёнчатыми. Это было не только удобно, но также несло имиджевую нагрузку. Такие процессы вели к тому, что народная архитектура постепенно «начала утрачивать традиционные черты, отличавшиеся этническим своеобразием» [2, с. 504]. Культурный имперский универсализм теснил национальное своеобразие, по крайней мере, когда речь шла о материальной культуре.

При этом горские жители не выходили за пределы духовно-этических особенностей своего жизненного уклада. В их жилищах сохранялась парадная часть, предназначенная для восприятия посторонними людьми и наполненная элементами кавказской парадной культуры и традиционного института гостеприимства. Речь идёт о кунацкой, в которой следовало размещать гостей. В ней мог жить старший женатый сын, пока для него не возводили собственный дом либо он не вступал во владение всей недвижимостью. В кунацкую обычно ставили самую лучшую мебель, а полы и стены застилались и увешивались паласами и коврами. Сохранялась традиция размещения на ковре оружия, принадлежавшего главе семьи. Как правило, это были шашки и кинжалы, украшенные золотом и серебром. Здесь же помещали и кремнёвые ружья и пистолеты. Они не имели уже прежнего значения, но являлись поводом для гордости за своих предков и символом мужественности его обитателей.

Состоятельные чеченцы приобретали городскую фабричную мебель, металлическую и фарфоровую посуду, зеркала и самовары [3, с. 65]. Последние считались признаком достатка, а чай сделался непременным атрибутом застолий. Принято было расставлять посуду, изготовленную из меди и фарфора, на высокой полке. Она играла не только утилитарную роль и использовалась для употребления во время приёма пищи, но и являлась элементом эстетики нового быта и украшением комнаты.

Естественно, что столь богато убранные и оформленные жилища были доступны далеко не всем чеченцам. Многие довольствовались полуземлянками и домашней утварью, изготовленной из дерева и глины местными кустарями. Чаще всего низкий уровень благосостояния встречался в высокогорных селениях, где сохранялось господство натурального хозяйства, а новый уклад и присущие ему черты в материальной культуре почти не проявлялись.

Одновременно А.Г. Ардасенов отмечал, что стремление не уронить достоинство в глазах соседей заставляло горцев направлять свои усилия и вкладывать средства в постройки, которые были ему не нужны с точки зрения бытовой целесообразности, и могли быть задействованы более разумно. Нередко за внешним благополучием скрывалась нужда и необходимость строгого самоограничения: «Если богатый Иван выстроил дом, то почему того же не сможет сделать гордый Асламбек? Да, он непременно построит, хотя бы тут же пришлось ему лечь костями! Горцы в горячке подражания, действительно, не рассчитали своих средств. Аулы с новыми постройками производят приятное впечатление только издали, когда не знаешь, что осталось внутри этих домов и чем живёт там человек. Присмотревшись же ближе, получаешь совершенно обратное впечатление. Прежде существовала гармония между всеми постройками во дворе горца... Новые дома нарушили эту целостность и соответствие в расположении отдельных хозяйственных частей усадьбы... выстроенные на самых видных местах, на показ для всего мира, они выросли как бы из пепла и разрушения» [5, с. 27]. Это была цена за новую модель хозяйственного уклада и присущего ему образа жизни, к которому только предстояло привыкнуть населению Кавказа, чтобы со временем отринуть его крайности, оставив лишь разумное начало.

Произошли изменения и в одежде горцев. Если раньше приходилось рассчитывать только на материю местного или домашнего кустарного производства, то теперь можно было получить качественный фабричный ситец, бязь, сатин и т.п. Даже традиционная одежда отныне производилась из фабричного сукна, тем более что благодаря качественным химическим красителям ему можно было придать необходимый оттенок цвета.

Ранее ремесленник работал с клиентом в индивидуальном порядке, а потому его труд не мог удовлетворить потребности массового спроса. Теперь же можно было приобрести уже готовую одежду, разные размеры которой подбирались в стационарных магазинах. Фабричные головные уборы, обувь пользовались устойчивым спросом у горожан, местной интеллигенции, демонстрировавших таким образом своё приобщение к европейской моде и свою социальную избранность.

Можно даже утверждать, что это был определенный показатель статусного положения человека, отражавшего его социокультурные предпочтения и ориентиры. Примечательно, что в сельской местности, которая в меньшей степени была подвержена вестернизации и крепче связана с традиционностью, с осуждением смотрели на «русский» костюм, считая его противоречащим горскому этикету [6, с. 1,16].

Такие настроения не были случайностью или проявлением социальной зависти. Они определялись недавними военными событиями, оставившими заметный след в памяти и во взглядах местных жителей. Для них даже одежда гимназиста, напоминающая офицерский мундир, выглядела как угроза и вызов их этническому миропорядку. Отсюда и неприязнь к тем из своих земляков, которые надевали такую одежду [7, с. 100]. В то же время в своих воспоминаниях Г.-М. Амиров не переставал подчёркивать, что подобные настроения были характерны далеко не для всех горцев, а преимущественно проживавших «в глубине гор, вдали от русских» [6, с. 12].

Ещё одной особенностью эпохи можно было бы назвать эклектику, проявлявшуюся в смешении элементов одежды и её форм в развитии местной моды. Так, национальный костюм до-

полнялся элементами, явно привнесёнными со стороны. На мужчинах нередко можно было увидеть шинели, брюки-галифе, френчи вместе с местными нательными одеждами.

Пользовались популярностью сапоги, ассоциирующиеся с проходившими процессами культурной модернизации и этим вызывавшие недовольство ревнителей старины. Если вновь обратиться к наблюдениям и воспоминаниям Г.-М. Амирова, то он сообщал, что ему даже приходилось снимать их в родном ауле, «чтобы не дать предлога ругать себя» [6, с. 16]. Тем не менее даже горские консерваторы постепенно переходили к высоким сапогам, представлявшим собой соединение ноговиц и мягкой обуви, т.е. родившимся под влиянием русской моды и местных традиций. Это тоже стало особенностью наступившего времени, так как ранее здесь высокая обувь не встречалась.

Не имели ранее аналогов в горской обуви и калоши, которые пришлось по душе своей практичностью, хотя и были долгое время доступны лишь состоятельным людям [8, с. 179]. У адыгов, судя по фольклору, они даже считались княжеской обувью [9, с. 56]. У чеченцев принято было покупать галоши-лаклош для молодых людей, которые входили в брачный возраст и считались женихами и невестами. Местные образцы такой обуви отличались острыми носами и высоким подъёмом.

Чеченцам полюбили тупли на твёрдой подошве, которые имели приподнятые носки. Такая форма встречалась как в мужских, так и женских моделях. К ним обычно требовались кожаные или связанные из шерстяной нити носки или фабричные чулки. По мнению Е.Н. Студенецкой, такая обувь «служила как бы переходной формой к покупной обуви городского типа» [10, с. 106].

Большой популярностью пользовались изделия мастерской по изготовлению обуви, расположенной в селении Урус-Мартан. Её владельцем был чеченец, но в качестве мастеров он приглашал лакцев. Примечательно, что типы обуви были различны и могли удовлетворить запросы не только вайнахов, но и представителей других национальностей. Судя по тому, что мастера изготавливали сапоги, здесь закупались и русские потребители. При этом вырабатывался новый, общий вид, и «если сопоставить обувь подобного типа (речь идёт о горских туплях. – *И.Д.*), принадлежавшую чеченцам и карачаевцам..., то она поражает своим сходством (общий вид, покрой, техника исполнения)» [10, с. 107].

Е.Н. Студенецкая считает, что это стало возможным благодаря тому, что наставники-лакцы передали своим ученикам чеченцам и карачаевцам собственные технологии и модели. Не отвергая такое мнение, мы считаем возможным предположить, что данное явление следует трактовать шире. Мастера-сапожники демонстрировали свою гибкость в освоении местного рынка. Если они стали производить похожую продукцию, то это объясняется не только их приверженностью к полученным во время обучения образцам, но и запросами покупателей. Вырабатывался новый, общий взгляд на моду, и нельзя исключать, что речь шла о постепенном появлении здесь общекавказских подходов, включающих некоторые элементы имперского социокультурного нарратива.

Примечательно, что упомянутый владелец из селения Урус-Мартан стремился торговать в соответствии с новыми понятиями о культуре обслуживания. Он завёл постоянный магазин, в котором выставлялись не только изделия его мастеров, но и фабричная обувь, закупленная за пределами Кавказа.

Произошедшие изменения в культурной жизни чеченского общества имели неоднозначные последствия. С одной стороны, можно говорить о безусловных позитивных моментах, связанных с переходом к мирной жизни. Трансформировались материальные и духовные потребности населения, чьё понимание комфорта и уровня благосостояния существенно отличались от тех канонов, которые имели место ещё в середине XIX в. Не опасаясь военного разорения, люди охотно вкладывали средства в строительство жилья, закупали качественные и дорогие вещи, используемые в быту, и т.п. Повысился уровень образования и грамотности, формировалась национальная интеллигенция. Но эти процессы коснулись преимущественно проживавших в городах или плоскостных селениях чеченцев, быстрее своих горных земляков втянувшихся в рыночные отношения. Ускоренные процессы культурной трансформации болезненно воспринимались ревнителями традиционных ценностей, опасавшихся утраты этнокультурной иден-

тичности и потери тех качеств, которые обеспечивали выживаемость народа в самых неблагоприятных обстоятельствах.

Список источников

1. Хачиров А.К., Орлова В.П., Кесаев В.А. Новые традиции и борьба с пережитками в сознании людей. Орджоникидзе: Ир, 1973. 108 с.
2. История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.) / отв. ред. А.Л. Нарочницкий. М.: Наука, 1988. 659 с.
3. Дмитриев В.А. Типология русско-северокавказских заимствований в материальной культуре // Россия и Кавказ – сквозь два столетия: исторические чтения. СПб.: Журн. «Звезда», 2001. С. 58–68.
4. Миллер А. Черкесские постройки // Материалы по этнографии России / под ред. Ф.К. Волкова. СПб., 1914. Т. II. С. 57–78.
5. В.-Н.-Л. (Ардасенов А.Г.) Переходное состояние горцев Северного Кавказа (Перепечатано из газеты «Новое обозрение»). Тифлис, 1896. 41 с.
6. Амиров Г.-М. Среди горцев Северного Дагестана (из дневника гимназиста) // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1873. Вып. VII. Разд. III. С. 1–57.
7. Дударев С.Л. «Чужой среди своих»: страницы из дневника гимназиста 1870-х гг. глазами современного историка // К истории Северного Кавказа XVIII – начала XXI века: сб. науч. ст. и рецензий. Армавир: АГПУ; Ставрополь: Дизайн-студия Б, 2022. С. 97–104.
8. Калоев Б.А. Осетины (историко-этнографическое исследование). М.: Наука, 1971. 358 с.
9. Тамбиев Н. Адыгские загадки // Сборник материалов для описания местностей и племён Кавказа. Тифлис, 1899. Вып. 26. Отд. III. С. 53–65.
10. Студенецкая Е.Н. Одежда народов Северного Кавказа. XVIII – XX вв. М.: Наука, 1989. 288 с.

References

1. Khachirov A.K., Orlova V.P., Kesaev V.A. *New traditions, and the fight against remnants in people's minds*. Ordzhonikidze: Ir Publ.; 1973. 108 p. (In Russ.).
2. Narochnitsky A.L., ed. *History of the peoples of the North Caucasus (end of the 18th century - 1917)*. Moscow: Nauka Publ.; 1988. 659 p. (In Russ.).
3. Dmitriev V.A. Typology of Russian-North Caucasian borrowings in material culture. *Russia and the Caucasus – through two centuries: Historical Readings*. St. Petersburg: Journal “Zvezda” Publ.; 2001:58-68. (In Russ.).
4. Miller A. Circassian buildings. *Materials on the ethnography of Russia*. Ed. F.K. Volkov. St. Petersburg, 1914;II:57-78. (In Russ.).
5. V.-N.-L. (Ardasenov A.G.) *The transitional state of the highlanders of the North Caucasus*. Reprinted from the newspaper “New Review”. Tiflis, 1896. 41 p. (In Russ.).
6. Amirov G.-M. Among the highlanders of Northern Dagestan (from the diary of a high school student). *Collection of information about the Caucasian highlanders*. Tiflis, 1873;VII(III):1-57. (In Russ.).
7. Dudarev S.L. “A stranger among one’s own”: pages from the diary of a high school student in the 1870s through the eyes of a modern historian. *On the history of the North Caucasus of the 18th – early 21st century*. Collection of scientific articles and reviews. Armavir: Armavir State Pedagogical University Press; Stavropol: Dizain-studiya B Publ.; 2022:97-104. (In Russ.).
8. Kaloev B.A. *Ossetians (historical and ethnographic research)*. Moscow: Nauka Publ.; 1971. 358 p. (In Russ.).
9. Tambiev N. Adyghe riddles. *Collection of materials for describing the localities and tribes of the Caucasus*. Tiflis, 1899;26(III):53-65. (In Russ.).
10. Studenetskaya E.N. Clothing of the peoples of the North Caucasus. 18th-20th centuries. Moscow: Nauka Publ.; 1989. 288 p. (In Russ.).

Информация об авторе

И.С. Денильханов – аспирант кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии.

Information about the author

I.S. Denilkhonov – Postgraduate Student of the Department of Historical and Social-Philosophical Disciplines, Oriental Studies and Theology.

Статья поступила в редакцию 07.11.2023; одобрена после рецензирования 26.12.2023; принята к публикации 12.03.2024.

The article was submitted 07.11.2023; approved after reviewing 26.12.2023; accepted for publication 12.03.2024.

Научная статья
УДК 305.0(09)
doi: 10.18522/2687-0770-2024-1-48-52

О СТАНОВЛЕНИИ АВИАЦИИ НА ДОНУ

Виктория Сергеевна Кравец

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия
vkkravec@sfedu.ru

Аннотация. Рассматривается первый этап зарождения донской авиации, роль первых летчиков, заложивших основу авиации в донском крае. Начало формирования авиационной школы в России традиционно связывают с появлением авиашкол в Гатчине и Севастополе. Показано, что региональная авиация в начале XX в. начинала свое существование наравне со столичной. Раскрывается, что организация авиационного дела проходила в сложных условиях, продиктованных Гражданской войной, кадровым голодом в регионе, экономической нестабильностью. Дело осложнялось отсутствием безопасных поставок технической обеспеченности авиационных сил в регионе. Тем не менее, благодаря энтузиазму местных авиаторов, стало возможным складывание первых донских авиаотрядов, сыгравших видную роль в деле воздухоплавания в регионе, проходившего в несколько этапов.

Ключевые слова: авиация, летательные аппараты, аэродром, воздухоплавание, восстание казаков, полковник Баранов, Гражданская война на Дону, Первая мировая война, Российская империя

Для цитирования: Кравец В.С. О становлении авиации на Дону // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2024. № 1. С. 48–52.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

ABOUT THE AVIATION FORMATION ON THE DON

Victoria S. Kravets

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia
vkkravec@sfedu.ru

Abstract. The article considers the first stage of the origin of the Don aviation, the role of the first pilots who laid the foundation of aviation in the Don region. The beginning of the formation of an aviation school in Russia is traditionally associated with the appearance of aviation schools in Gatchina and Sevastopol. It is shown that regional aviation in the early 20th century began its existence on a par with the capital. It is revealed that the organization of aviation business took place in difficult conditions dictated by the Civil War, personnel starvation in the region, and economic instability. The matter was complicated by the lack of safe supplies of technical support for aviation forces in the region. Nevertheless, thanks to the enthusiasm of local aviators, it became possible to form the first Don aviation detachments, which played a prominent role in the aeronautics in the region. The forming of the aviation business on the Don took place in several stages.

Keywords: aviation, aircraft, airfield, aeronautics, Cossack uprising, Colonel Baranov, Civil War on the Don, World War I, Russian Empire

For citation: Kravets V.S. About the Aviation Formation on the Don. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2024;(1):48-52. (In Russ.).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Для жителей Донского региона, в силу некоторых обстоятельств, сегодня гражданские полеты недоступны. Это существенно влияет на темп деловой жизни региона, туристическую сфе-

ру, бытовую и т. д. Безусловно, это новая глава развития гражданской авиации на Дону, которую еще предстоит исследовать.

В 2025 г. исполнится 100 лет донской гражданской авиации. Проанализируем ее историю, роль и значение в экономической жизни Дона, изучим малоисследованные эпизоды становления авиации на Дону. Истории авиации посвящен труд советского исследователя А.В. Сергеева [1], работа С. Далина и С. Хорькова [2], а также монография В. Кондратьева и М. Хайрулина, в которой подробно рассматривается становление и возможности авиации периода Гражданской войны [3]. Сегодня проблемами изучения истории региональной авиации активно занимаются исследователи А.В. Карташев и А.А. Анিকেев [4], Ю.А. Лазуревская [5, 6], М.А. Исакова [7] и др.

Прежде чем говорить о создании гражданской авиации на Дону, необходимо выяснить, как этот процесс происходил в Российской империи.

12 августа 1912 г. по Военному ведомству России был издан приказ № 397, согласно которому вводился в действие штат воздухоплавательной части Главного управления Генерального штаба, где были сосредоточены все вопросы, связанные с организацией военного воздухоплавания и авиации. Именно поэтому 12 августа принято считать началом зарождения авиации России. Возглавил воздухоплавательную часть генерал-майор Русской императорской армии М. Шишкевич.

Но институт авиации невозможно создать только директивно, это длительный процесс становления, включающий опыты по аэродинамике, строительство авиационных заводов, обучение пилотированию и многое другое. Еще в 1904 г. в России был учрежден «Особый Комитет по усилению военного флота на добровольные пожертвования». За первые 4 года своей работы Комитет организовал первые в России школы военного воздухоплавания (в Севастополе и Гатчине) и закупил за границей 90 аэропланов. Всё это было сделано на добровольные пожертвования граждан [8].

С 1909 по 1911 г. в Российской империи было построено 19 авиационных заводов. На Дону в 1916 г. акционерное общество воздухоплавания «В.А. Лебедев и К^о» ввело в эксплуатацию Таганрогский аэропланый завод [9]. Создание авиазаводов было продиктовано социальным запросом. Один из основателей авиационного производства в стране сам увлекался пилотированием и входил в число дипломированных русских летчиков. Таковых к 1910 г. в Российской империи насчитывалось всего трое: М.Н. Ефимов, Н.Е. Попов, В.А. Лебедев [10].

Безусловно, гораздо больше было летчиков-«любителей», которые получали частные уроки опытных авиаторов. Начало формирования отечественной системы подготовки авиаторов относят к маю 1910 г., когда на Гатчинском аэродроме офицерской воздухоплавательной школы состоялся первый учебный полет поручика Е. В. Руднева. В том же году была основана офицерская воздухоплавательная школа под Севастополем.

В этот период в Российской империи уже вполне сложилась авиационная школа, выпускники которой очень скоро проявили себя в воздушных боях Первой мировой войны. К ее началу Российское государство имело в составе своего Воздушного флота около 280 воздушных судов, Германия – ~230, Англия – ~60. Но по целому ряду видов вооружения, военной техники, самолетов и особенно авиационных моторов Россия находилась в значительной, а по некоторым позициям в полной зависимости от зарубежных поставок [8].

Вот что вспоминает участник Первой мировой войны, летчик Борис Васильевич Сергиевский: «Когда началась война... в истребительной авиации были французские аппараты, построенные на заводах в России. Английских аппаратов было очень мало... несколько разведывательных отрядов были снабжены пленными немецкими аппаратами очень хорошего качества. Но они были тяжелые... Я бы предпочел сражаться на французском “Ньюпоре”, чем скажем, на немецком “Роланде” с гораздо более сильным мотором, но тяжелым и не столь поворотливым в воздухе для боевых действий. Мы были вполне довольны нашим снабжением. Наши разведывательные аппараты были слабее... гораздо более тихоходные и сравнительно легкой жертвой для немецких истребителей... Аппараты “Илья Муромец” летали очень мало. Они были тихоходные. В смысле боевого эти аэропланы были “детством” многомоторных аэропланов. Они сравнительно мало принимали участие в войне» [11].

В марте 1916 г. были ликвидированы Воздухоплавательный отдел Главного военного-технического управления и отдел по устройству войск Генштаба, а на их основе создано Управление военного воздушного флота (Увофлот) во главе с генерал-майором Н. В. Пневским. Именно эта реорганизация позволила сделать управление воздушным флотом централизованным, что в свою очередь дает основание утверждать, что теперь воздушный флот сложился как структура армии.

В феврале 1917 г. военно-воздушный флот Российской империи насчитывал уже порядка 1039 самолётов. Пришедшая на смену советская власть унаследовала от империи по меньшей мере 356 тыс. человек личного состава воздушного флота. На Дону в конце 1917 г. было зарегистрировано 19 летчиков [12]. Такие данные приводит В.Г. Баранов, которого не без оснований считают создателем донской гражданской авиации [7]. Первые самолеты на Дону появились именно при его непосредственном участии. Он же занимался привлечением на Дон в 1918 г. авиационных структур, специалистов, техники. Именно с этого времени началось складывание авиации на Дону.

Летом 1918 г. по инициативе и под руководством В.Г. Баранова с Украины в Новочеркасск прибыл первый эшелон, состоявший из 24 вагонов, доставивший на Дон летательные аппараты и оборудование, необходимое для обеспечения полётов. В сентябре 1918 г. организатор этой поставки был назначен командиром Донского самолётного дивизиона (ДСД). В общей сложности за свою недолгую службу на Дону Баранов сумел переправить на Дон и в Добровольческую армию свыше 70 летательных аппаратов. Так, уже 12 сентября 1918 г. из Киева в Новочеркасск прибыл второй «Екатеринославский» эшелон, состоящий из 44 вагонов, нагруженных аэропланами, автомобилями, бомбами и прочим авиационным имуществом. Общая оценка доставленного составляла несколько десятков миллионов рублей.

Всё это дало уже вполне прочное и солидное основание для постановки авиационного дела на Дону. Было начато формирование авиационных структур 2-го Донского самолётного отряда (ДСО), командиром которого был назначен Лавров, а также Донского авиационного парка (ДАП), командиром которого стал Павлов. 30 марта 1919 г. приказом Управляющего военными и морскими делами № 70 установлена должность «начальника авиации Донских армий», ее занял В.Г. Баранов.

Роль В.Г. Баранова в становлении авиационного дела на Дону сложно переоценить. Он пользовался среди офицеров-лётчиков исключительно высоким авторитетом и уважением как прекрасный организатор и боевой офицер. Благодаря его усилиям, дислоцировавшаяся в Ростове эскадрилья получила в свое распоряжение первые летательные аппараты. В состав донской военной авиации вошли: два самолётных дивизиона, каждый состоящий из трёх самолётных отрядов; один Донской авиационный парк, в состав которого входили две авиационные подвижные базы – мастерские и школа мотористов.

В феврале 1919 г. казаки Верхне-Донского округа восстали против советской власти. Этот трагический эпизод ознаменовался малоизвестным, но принципиально значимым фактом: казачье восстание послужило толчком для применения военной авиации на Юге России в ходе Гражданской войны. Было принято решение предпринять попытку перелета к восставшим казакам. Первый полет в станицу Вешенскую из Новочеркасска поручили совершить военному летчику 3-го авиаотряда подьесаулу Д. В. Федорову, которого сопровождал член Войскового круга В.А. Харламов. Затея была крайне рискованной: предстояло пролететь более 320 км над территорией, занятой противником.

На английском истребителе «Сопвич Кэмэл» (Sopwith F.1 Camel) Федоров и Харламов долетели до Вешенской и совершили посадку в окрестностях станицы. Однако в момент их посадки вдали появился конный отряд, с ходу открывший стрельбу. За дальностью расстояния нельзя было разобрать, красные это или повстанцы, но летчикам пришлось срочно взлетать и лечь на обратный курс. По дороге воздушный аппарат приземлился на территории неприятеля, чтобы пополнить баки бензином. С пулевыми пробоинами на крыльях и фюзеляже «Сопвич» дотянул до базы в Новочеркасске, где располагалось командование авиационными силами [13].

Таким образом, применять авиацию на фронте в годы Гражданской войны начали именно на Дону, и этому «способствовало» казачье восстание в отдаленных районах. Так эти события

описывал начальник авиации Донских армий: «...Нельзя не сказать об эпизодах самоотверженных перелётов к восставшим казакам Верхне-Донской области: здесь донские пилоты предвосхитили появление в отечественной авиации нового вида воздушных войск – транспортной военной авиации...» [12].

Вооруженные силы Юга России в период с 1918 по 1920 г. были одним из самых заметных формирований белого движения, всего три армии того периода (Добровольческая, Кубанская и Донская) имели в своем составе авиационные силы. В конце 1919 г. белые части покинули Донскую область. В процессе эвакуации пострадала часть авиационного имущества. Это была значимая утрата, так как восстановить уникальную и зачастую единичную технику в условиях Гражданской войны не представлялось возможным.

Состав Донской авиации сократили до 3 авиаотрядов, одной авиабазы, парка и управления начальника Донской авиации. Авиационный парк перешёл в станицу Усть-Лабинскую на территорию Кубанского казачьего войска (полка). В начале 1920 г. случилась еще одна вынужденная эвакуация, оставившая в распоряжении летчиков всего 20 летательных аппаратов. Однако затем, во время начавшегося беспорядочного отступления к Новороссийску, Донская авиация таяла с каждым днём, самолеты просто сжигались. В Новороссийск прилетело 8 аппаратов, а в Крым из состава авиации Донской армии – только 4. При эвакуации в Крым пропало без вести 56 офицеров и классных чинов Донской авиации.

25 марта 1920 г. остатки парка аэропланов (самолётов) и личного состава Донской авиации эвакуировались в Крым, где вошли в состав русской армии под командованием генерал-лейтенанта П.Н. Врангеля, главнокомандующего вооружёнными силами Юга России. Так закончился первый этап истории Донской авиации [14].

Таким образом, подводя итог рассмотрению первого этапа становления авиации на Дону, можно сделать вывод, что самоорганизация и самоотверженная работа донских военных лётчиков во время Первой мировой и Гражданской войн послужили основой для формирования профессиональной и материальной структуры авиационных сил, которые вошли в состав Донской армии на территории Всевеликого войска Донского.

Список источников

1. *Сергеев А.В.* Как создавался Красный воздушный флот. М.: Авиаиздательство, 1926. 157 с.
2. Героические годы Красного воздушного флота: воспоминания участников Гражданской войны / под ред. С. Далина и С. Хорькова. М.: Авиаиздательство, 1926. 54 с.
3. *Кондратьев В., Хайрулин М.* Авиация гражданской войны. М.: Техника – молодежи, 2000. 170 с.
4. *Карташев А.В., Анисеев А.А.* Модернизация военной авиационной школы в России: история и современность // Вестн. высшей школы. 2021. № 2. С. 83–86.
5. *Лазуревская Ю.А.* Этапы становления гражданской авиации на территории Северо-Кавказского края // Общество: философия, история, культура. 2022. № 8. С. 158–162.
6. *Лазуревская Ю.А.* Предпосылки становления гражданской авиации на Юге России // Наследие веков. 2019. № 4. С. 97–105.
7. *Исакова М.А.* С Украины на Дон. Тайная эвакуация эшелонов авиационного имущества в 1918 г. под руководством В.Г. Баранова // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2016. № 1. С. 39–42.
8. *Кравец В.С.* О зарождении гражданской авиации на Дону. 1912–1917 гг. // Ростовчанка. 2023. № 3. URL: <https://rostovchanka-media.ru/novostiinformacziya/obshhestvo/o-zarozhdenii-grazhdanskoj-aviaczii-nadonu-1> (дата обращения: 20.11.2023).
9. URL: https://testpilot.ru/az_map/avia/zavod-31/ (дата обращения: 10.11.2023).
10. *Маслов М., Куликов В.* // Авиация и время. 1998. № 3. С. 6.
11. Устно-историческое интервью с Борисом Васильевичем Сергиевским. 1966 г. URL: <https://dlc.library.columbia.edu/catalog/cul:stqjq2bxj5> (дата обращения: 10.11.2023).
12. Неизвестные воспоминания В. Г. Баранова об авиации на Дону: посвящается 100-летию Русской военной авиации / публ. А. В. Махалина, А. А. Литвина // Российский архив: история Отечества в свидетельствах и документах XVIII – XX вв.: альманах. М.: Студия ТРИТЭ, 2009. Т. XVIII. С. 497–556.
13. *Малыхин К. Г.* Из хроники Ростовского объединенного авиаотряда и авиакомпании Донавиа. 1916–1920 // Донской временник. 2023. Вып. 31. URL: http://www.donvrem.dspl.ru/Files/article/m11/0/art.aspx?art_id=1943 (дата обращения: 20.11.2023).

14. Лазуревская Ю.А. Удивительная история зарождения гражданской авиации на Дону. Период 1920–1925 гг. // Ростовчанка. 2023. № 5. URL: <https://rostovchankamedia.ru/novostiinformacziya/obshhestvo/grazhdansk-aviacz-na-donu-1920-1925> (дата обращения: 20.11.2023).

References

1. Sergeev A.V. *How the Red Air Fleet was created*. Moscow: Aviation Publishing; 1926. 157 p. (In Russ.).
2. Dalin S., Hor'kov S., eds. *The heroic years of the Red Air Fleet: memoirs of participants in the Civil War*. Moscow: Aviation Publishing; 1926. 54 p. (In Russ.).
3. Kondratiev V., Khairulin M. *Civil war aviation*. Moscow: Technika - molodezhi Publ.; 2000. 170 p. (In Russ.).
4. Kartashev A.V., Anikeev A.A. Modernization of the military aviation school in Russia: history and modernity. *Vestnik vysshey shkoly = Alma Mater*. 2021;(2):83-86. (In Russ.).
5. Lazurevskaya Yu.A. Stages of formation of civil aviation in the territory of the North Caucasus Region. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura = Society: Philosophy, History, Culture*. 2022;(8):158-162. (In Russ.).
6. Lazurevskaya Yu.A. Prerequisites for the formation of civil aviation in the South of Russia. *Nasledie vekov = Heritage of Centuries*. 2019;(4):97-105. (In Russ.).
7. Isakova M.A. From Ukraine to the Don. Secret evacuation of echelons of aviation property in 1918 under the leadership of V.G. Baranov. *Izv. vuzov. Sev.-Kavk. region. Obshchestv. nauki = Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region*. 2016;(1):39-42. (In Russ.).
8. Kravets V.S. About the origin of civil aviation on the Don. 1912-1917. *Rostovchanka = Rostov Woman*. 2023;(3). Available from: <https://rostovchanka-media.ru/novostiinformacziya/obshhestvo/o-zarozhdenii-grazhdanskoy-aviaczii-na-donu-1> [Accessed 20th November 2023]. (In Russ.).
9. Available from: https://testpilot.ru/az_map/avia/zavod-31 [Accessed 10th November 2023]. (In Russ.).
10. Maslov M., Kulikov V. "Swan XII" and other Albatrosses by V.A. Lebedev. *Aviatsiya i vremya = Aviation and Time*. 1998;(3):6. (In Russ.).
11. *Oral-historical interview with Boris Vasilyevich Sergievsky*. 1966. Available from: <https://dlc.library.columbia.edu/catalog/cul:stjq2bxj5> [Accessed 10th November 2023]. (In Russ.).
12. Makhalin A.V., Litvin A. A., publ. Unknown memories of V. G. Baranov about aviation on the Don: dedicated to the 100th anniversary of Russian military aviation. *Russian Archive: the history of the Fatherland in certificates and documents of the 18th-20th centuries: almanac*. Moscow: Studiya TRITE Publ.; 2009;XVIII:497-556. (In Russ.).
13. Malykhin K. G. From the chronicle of the Rostov united aviation squadron and the Donavia airline. 1916-1920. *Donskoy vremennik = Don Temporary*. 2023;(31). Available from: http://www.donvrem.dspl.ru/Files/article/m11/0/art.aspx?art_id=1943 [Accessed 20th November 2023]. (In Russ.).
14. Lazurevskaya Yu.A. The amazing history of the origin of civil aviation on the Don. The period of 1920-1925. *Rostovchanka = Rostov Woman*. 2023;(5). Available from: <https://rostovchankamedia.ru/novostiinformacziya/obshhestvo/grazhdansk-aviacz-na-donu-1920-1925> [Accessed 20th November 2023]. (In Russ.).

Информация об авторе

В.С. Кравец – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России.

Information about the author

V.S. Kravets – Candidate of Science (History), Associate Professor of the Department of Russian History.

Статья поступила в редакцию 24.11.2023; одобрена после рецензирования 22.12.2023; принята к публикации 12.03.2024.
The article was submitted 24.11.2023; approved after reviewing 22.12.2023; accepted for publication 12.03.2024.

Научная статья
УДК 94 (470.6)"18"
doi: 10.18522/2687-0770-2024-1-53-60

ГОРЦЫ НА СТОРОНЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ВООРУЖЁННОМ ПРОТИВОСТОЯНИИ НА КАВКАЗЕ

Алексей Николаевич Кувшинов

Пятигорский государственный университет, Пятигорск, Россия
Prof.kuvshinov@yandex.ru

Аннотация. Раскрываются обстоятельства привлечения горцев Северного Кавказа для службы в рядах российской армии в период распространения в крае имперской власти. Российское правительство видело в такой практике способ уменьшения их враждебной воинственности, которую старались использовать в собственных интересах. Анализируется мотивация людей, согласившихся присягнуть на верность государству и с оружием в руках сражаться против её недругов. Сложность выбора была обусловлена тем, что в качестве противника в этом случае могли выступать единоверцы, не желавшие признавать новые порядки, устанавливаемые Россией. Часты были случаи перехода на сторону неприятеля. Это касалось как тех горцев, которые присягали империи, так и их соперников. У российского командования не сформировалась однозначная оценка эффективности такого рода мероприятий. Были те, кто выражал неуверенность в лояльности привлечённых милицейских частей. Другие, напротив, видели в этом серьёзную помощь, усиливавшую возможности регулярной армии. Представляется, что главным результатом такой практики стало постепенное формирование у горцев нового восприятия реальности, и они со временем стали ощущать себя частью имперского сообщества.

Ключевые слова: горцы, Российская империя, армия, набег, мюридизм, власть, политика, конфликт, милиционеры, союзники

Для цитирования: Кувшинов А.Н. Горцы на стороне Российской империи в вооружённом противостоянии на Кавказе // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2024. № 1. С. 53–60.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

HIGHLANDERS ON THE SIDE OF THE RUSSIAN EMPIRE IN ARMED CONFRONTATION IN THE CAUCASUS

Alexey N. Kuvshinov

Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia
Prof.kuvshinov@yandex.ru

Abstract. The article reveals the circumstances of recruiting highlanders of the North Caucasus to serve in the ranks of the Russian army during the period of expansion of imperial power in the region. The Russian government saw this practice as a way to reduce their hostile belligerence, which they tried to use in their own interests. The motivation of people who agreed to swear allegiance to the state and fight against its enemies with arms in hand is analyzed. The difficulty of the choice was due to the fact that the enemy in this case could be co-religionists who did not want to recognize the new order established by Russia. There were frequent cases of going over to the enemy's side. This applied both to those highlanders who swore allegiance to the empire and to their rivals. The Russian command has not formed an unambiguous assessment of the effectiveness of such measures. There were those who expressed uncertainty about the loyalty of the police units involved. Others, on the contrary, saw this as serious assistance, strengthening the capabilities of the regular army. It seems that the main result of this practice was the gradual formation of a new perception of reality among the highlanders, and over time they began to feel themselves part of the imperial community.

Keywords: highlanders, Russian Empire, army, raid, muridism, power, politics, conflict, policemen, allies

© Кувшинов А.Н., 2024

For citation: Kuvshinov A.N. Highlanders on the Side of the Russian Empire in the Armed Confrontation in the Caucasus. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2024;(1):53-60. (In Russ.).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Весьма аморфный в своих политических пристрастиях «горский мир» неоднозначно воспринимал российскую власть, влияние которой с каждым десятилетием только усиливалось. У неё были сторонники и противники, причём эти позиции могли меняться в зависимости от складывающейся ситуации. Никогда не существовало только негативного восприятия империи, выгода от покровительства которой была сразу оценена частью местной элиты. Случаи принятия горцами присяг на верность не были искусственно инспирированы властями, а являлись инициативой самих обществ, видевших в России покровителя и выгодного исторического партнёра. Отсюда и желание помогать царской администрации в борьбе с её противниками, даже если к их числу относились представители горской среды. Военно-политические события рассматриваемого периода не раз демонстрировали участие горцев в боевых действиях на стороне русских. Без анализа этого союзничества нельзя понять всех нюансов формирования феномена соотечественников, которым предстояло стать жителями осваиваемого фронта.

Среди горцев было немало тех, кто далеко не сразу согласился подчиниться власти империи. Некоторые не смогли смириться с новыми реалиями и либо пали в боях с царской армией и её союзниками, либо были вынуждены покинуть землю предков. Но даже те, кто в конце концов сложил оружие, не сделались изгоями, а их прежнее нелояльное поведение было предано забвению. В итоге и союзники, и временные противники стали полноправными соотечественниками в многонародной стране.

Спустя столетия после завершения противостояния на Северо-Восточном Кавказе Наказной атаман Терского казачьего войска подведёт следующие итоги этого длительного и драматического процесса: «...русская верховная власть, сохранив в неприкосновенности самое дорогое для них (горцев. – А.К.) – веру, шариат и обычаи, а также обеспечив их, помимо того, гражданским правоустройством, тем самым доказала, что покорённые племена не пасынки России, а такие же, как и сами русские, равноправные члены великого русского Царства. С этого момента Россия стала новым отечеством для горцев сначала только по названию, но затем... большинство горских племён полюбили это Отечество не за страх только, но и за совесть...» [1, л. 193 об.].

Мотивация тех, кто сражался на стороне России, была различной. Нередко присутствовал вполне корыстный интерес, когда руками русских пытались расправиться со своими местными соперниками. Но и такие способы в конечном счёте работали на общее благо, расширяя число российских союзников.

Отметим, что задолго до активизации России на Кавказе существовала практика наёмничества, и местные удалыцы могли предложить свои услуги на договорной основе. Конфессиональная принадлежность нанимателя роли не играла, поэтому в дружинах грузинских царей можно было встретить горцев из Дагестана, храбро сражавшихся даже со своими соплеменниками [2, с. 23]. Не прочь были использовать их воинский потенциал в Персии и Турции [3, с. 269, 359]. К сожалению, не удалось обнаружить информацию, которая позволила бы реконструировать «моральный кодекс» таких людей, но то, что он существовал, сомневаться не приходится. Институт наёмничества сложился и действовал длительное время, а потому без некоего идейного обоснования обходиться не мог.

Россия, заинтересованная в умиротворении своей новой окраины, постаралась использовать эту практику в собственных интересах. Такого рода подтверждение лояльности оговаривалось в присягах, которые давались горцами русскому правительству. Уже при Петре I местные владельцы, присягая, обязывались: «...против наших великого государя неприятелей со всеми при тебе сущими людьми, где мы укажем, служить нам верно...» [4, с. 558]. В дальнейшем на наём местных ополчений выделялись специальные средства. В этом случае можно было не рассчитывать на колеблющихся в своём политическом выборе представителей горской верхушки, а

материально заинтересовывать непосредственно предлагавших свои услуги воинов-наёмников. В частности, Екатерина II повелевала: «...для содержания в зависимости горских кавказских жителей, навербовав из них по некоторому числу войск, иметь оные на жалование...», которое определялось «до 50 000 рублей на год» [5, с. 577].

Таким образом, к рассматриваемому нами периоду был накоплен опыт по привлечению горцев к участию в военных акциях на стороне империи. На такую практику можно смотреть и как на социальный лифт, предлагаемый новым подданным. В этом случае они не отказывались от привычных занятий, но вектор их воинственности направлялся в нужную российскому государству сторону.

Однако оптимистичные прогнозы на скорую нейтрализацию негативных горских обычаев, связанных с набегами или, как писали в документах того времени, «хищничеством», скоро показали свою несостоятельность. К регулярной службе горцы были не готовы. И даже материальное стимулирование не могло изменить менталитет и предпочтения этих людей.

Показателен в этом смысле проект И.В. Гудовича, рассчитывавшего с помощью чеченцев, тагаурцев и карабулаков создать стражу для охраны стратегической Военно-Грузинской дороги. При этом особенные надежды граф связывал именно с чеченцами, так как, по его словам, они не раз приходили к нему и убеждали в своём миролюбии и верноподданничестве. Это был пример политики так называемых «ласканий», которые порой давали временный результат, но зачастую воспринимались самими горцами как слабость властей и лишь провоцировали их удальство.

На это и указывал критиковавший данное предложение генерал А.П. Тормасов, заявив, что «по собрании всех сведений о нравах народа, называемого мирными чеченцами, ни в чём не различествующих с нравами немирных или горных чеченцев, не предвидится никакой возможности учредить из них конвойную стражу для безопасного сообщения Кавказской Линии с Грузиею, ибо сии чеченцы не составляют никакого общества, живут в разных малых селениях, одно от другого независимых, и хотя присягали на верность и подданство России и дали аманатов, но за всем тем связи единоверия и родства, существующие между ими и горными чеченцами, не позволяют полагаться на их верность...» [6, с. 4]. Он назвал одну из основных причин, почему власти с подозрением относились к своим горским союзникам. Тем приходилось нередко выступать против сородичей, что не могло не сказаться на желании сохранять верность взятым на себя обязательствам. Они гораздо охотнее сражались во внешних войнах, чем участвовали в «репрессалиях».

Не встречала отторжения и практика привлечения отрядов из местных жителей для обороны их собственной территории. В этом случае они получали дополнительную мотивацию, которую могли усилить выплатами из казны. Так, одного из владельцев обязали: «Когда встретится надобность в ополчении, то имеете выставить, куда назначено будет, 500 человек конно-вооружённого войска и даже более; но в случае неприятельского нападения на ваше владение, вы можете поставить на месте для охранения собственных границ ваших и до 3000 человек» [7, с. 68].

По мере усилившейся опасности нападения со стороны приверженцев мюридизма число сторонников России стало возрастать. И речь шла не только о представителях «старой знати», которые опасались за свой статус. Рядовые общинники также далеко не всегда разделяли навязываемую им идеологию и не соглашались нести серьёзные издержки в войне против «неверных». В этом случае они зачислялись в лагерь врагов, и против них действовали столь же безжалостно, как и против русских. Для многих пророссийский выбор имел вынужденный характер, так как приходилось рассчитывать, кого сделать своим покровителем в противостоянии, не предусматривавшем нейтрального статуса.

Новый российский фактор позволял решать старые проблемы, которые своими силами нейтрализовать не получалось. Империя постоянно усиливала прессинг на «немирные» общества, повышала эффективность обороны и обеспечивала безопасность жизни и имущества верных ей племён. Особенно это заметно на примере Грузии, которая ранее сполна испытала на себе все ужасы «лекианобы» – набегов горцев Дагестана [8, с. 110–123]. Они имели сезонный характер, но теперь их результативность существенно уменьшилась. «Армированные» регуляр-

ными частями местные ополчения довольно успешно стали пресекать массовые вторжения, хотя полностью избавиться от их угрозы долго не удавалось. Достаточно вспомнить набег имама Шамиля в 1854 г. во время Крымской войны, стоивший грузинам многих убитых и пленных жителей и разорённого хозяйства [9].

Исследователи обращают внимание на то, что точно подсчитать численность милицейских формирований не представляется возможным. Они могли призываться для решения конкретной задачи, а потом распускались. Учёт добровольцев вёлся некорректно, а потому быть уверенным в достоверности заявленных в приказах цифр не приходится. Расхождения можно исчислить десятками раз. Даже такое понятие, как сотня, могло трактоваться весьма вольно, и нередко под ним понималось несколько десятков всадников. Во время боевых действий милиционеры покидали часть по своему усмотрению, но также и могли возвращаться в строй [10, с. 339].

Российские власти, воюя с внешним неприятелем, старались использовать сложившуюся ситуацию, чтобы нейтрализовать собственный проблемный контингент. Желаящим заработать на войне предоставлялась такая возможность, и вчерашние «разбойники» становились под знамёна империи [10, с. 340].

Одним из наиболее удачных примеров может считаться факт службы русскому престолу известного чеченского бяччи (военного предводителя) Бейбулата Таймиева. Он не раз устраивал нападения на Линию, «освящение» войны с русскими, которую объясняли религиозным долгом верующих в борьбе с «неверными». Тем не менее российским властям удалось договориться с ним о мире, и Бейбулат прибыл в действующую в Закавказье армию вместе со своими сторонниками. Он стал союзником вчерашнего противника [11, с. 132], хотя и ранее пытался наладить контакты с властями, но из-за ссоры с генералом Н.В. Грековым продолжил воевать против России. Лишь И.Ф. Паскевичу удалось примириться с ним, что позволило снизить накал напряжённости в чеченском пограничье.

Надо отметить, что переходы из одного политического лагеря в другой были довольно частым явлением. Горцы могли годами жить среди русских, служить имперской власти, но затем в силу разных причин переходить к своим «немирным» соплеменникам. Вот что писал И.Т. Раджицкий об одном из таких случаев: «Племянник шамхала Тарковского, Амулат-бек, заметивши, что наследство после дяди ему не достанется, посеял возмущение между жителями, а сам своеручно убил нашего полковника Верховского... и ушёл в горы к аварскому молодому хану, надеясь взбунтовать всё ханство и горцев по-прежнему. Этот Амулат имеет отличные способности и довольно долго жил между русскими, чтобы открыть их слабости, а потому его можно опасаться» [12, с. 120].

Это событие получило широкий общественный резонанс и даже легло в основу повести А. Бестужева-Марлинского «Аммалат-бек», имя героя которой сделалось нарицательным [13]. Не без сарказма один из современников отмечал, что «горцы, которые в те блаженные времена учились чему-нибудь и как-нибудь в Петербурге, – сами всячески подделывались под Аммалат-беков...» [14, с. 5]. На наш взгляд, это лучше всего иллюстрирует неоднозначность выбора горцев, которые должны были определиться, чьей стороны придерживаться. Для таких людей и русские, и мюриды из числа земляков были часто лишь ситуативными партнёрами, и по мере изменения обстоятельств они легко меняли сторону конфликта. Не следует трактовать это как беспринципность. Был поставлен вопрос о выживании, и подобная модель поведения в глазах современников выглядела оправданной и не вызывала осуждения. Перебежчиков легко прощали и старались создать для них такие условия, чтобы они вновь не поменяли своего решения.

Весомым аргументом были военная сила и возможность своевременно предоставить защиту союзнику. Недаром те горские общества, которые могли стать жертвой нападения мюридов, предпочитали поддерживать имама. Тем, кто был уверен в своевременной помощи со стороны российских войск, легче было сделать выбор в пользу имперской власти.

Вот, как об этом на примере Дагестана поведали министру иностранных дел Нессельроде: «Владения их расположены в таких местах, где наши войска имеют постоянное пребывание, или куда оные легко могут проникнуть, через что владельцы сии, будучи поддержаны нашим правительством, имели средство сохранить повиновение между своими подвластными и не допускать их к соучаствованию в восстаниях обще с прочими лезгинами. Отношения же Аварии

совсем иные: ханство сие...находится в местах весьма трудных и где русские войска ещё никогда не бывали, и если бы мы пожелали иметь полное влияние над аварцами и ханом их, то необходимо нужно, углубясь в горы, там утвердиться» [15, с. 120]. Таким образом, численность пророссийской партии колебалась в зависимости от военно-политических успехов царских сил. Аналогичная ситуация была и в стане её оппонентов.

Активная позиция немалой части горского населения позволила впоследствии депутату Государственной Думы III созыва от Дагестанской области и Закатальского округа И.И. Гайдарову с трибуны обратиться к своим коллегам со словами: «...я не могу не указать ещё на одно обстоятельство. Тут часто, в особенности в третьей Государственной Думе, громко говорят о том, что Кавказ завоёван русским оружием. Господа, это прежде всего неправильно. Кавказ присоединён к России благодаря исторически-естественным условиям; наравне с русским оружием, я утверждаю, с самого начала появления на Кавказе русских вместе действовали также туземные войска» [16, стб. 2408–2409].

Депутат подчёркивал, что они сражались даже против своих соплеменников, и, делая исторический экскурс, вспоминал союзников Петра Великого из числа дагестанских владельцев. Напомнил он и о том, что при взятии аула Ахульго среди победителей были и горские милиционеры. «Вы знаете картину на Марсовом поле; вы там видите, что с одной стороны входят в аул русские, а недалеко виднеются всадники кавказской милиции, образованной из самих кавказцев», – говорил И.И. Гайдаров [16, стб. 2408–2409]. По его мнению, Шамиль контролировал лишь малую часть Дагестана, а основная масса горцев сочувствовала и помогала российской власти. Общим выводом стали слова о совместной победе русского и кавказского населения в процессе присоединения края к империи. Безусловно, автор несколько приукрашал действительность, но в целом можно согласиться с тем, что в регионе всегда присутствовали силы, которые в своём историческом выборе поддерживали Россию.

Значительная часть данных разведки поступала к российскому командованию от горских лазутчиков. Для них это был способ поправить материальное положение либо рассчитаться со своими кровниками, попытаться руками русских остановить сторонников войны либо получить право на приобретение земли на контролируемой Россией территории и т.п. [17, с. 166]. Таких людей ненавидели и порицали, но в целом, с точки зрения сложившихся тогда нравственных императивов, они действовали, не нарушая существовавших в горах морально-этических принципов, так как отстаивали собственные интересы, защищали свои семьи. Уровень этнической сплочённости не достиг того уровня консолидации, при котором индивид чувствовал своё единство с людьми, принадлежавшими к его этносу. Племенное деление сформировало вполне чёткое понимание принципа «свой – чужой», а потому привести силы русских к аулу, который не являлся твоим собственным, было вполне приемлемо.

Не следует думать, что в лазутчики шли люди «подлого» сословия. По этому поводу генерал Г.И. Филипсон, который не раз сталкивался с такими людьми в силу своих служебных обязанностей, вспоминал: «Цель вторжения партии составляла безусловную тайну и, вероятно, известна была одному предводителю; иначе нашлось бы немало желающих продать эту тайну Зассу (один из наиболее успешных в партизанской войне на Кавказе российских военачальников. – А.К.) или другому кордонному начальнику. Это составляет характеристическую черту черкесов. У всех них была общая ненависть к русским и жадность к рублям. Лазутчик, изменчески выдавший тайну партии, летит опять к ней и дерётся против нас с самоотвержением. Лазутчиков мы имели во всех сословиях, начиная от князей до последнего пастуха» [18, с. 81].

Отношения к горцам-союзникам в официальных кругах было неоднозначным. Ими восторгались и им не доверяли. Были откровенно негативные высказывания, как, например, у Н.А. Волконского. Так, рассуждая о «мирном» горце, офицер утверждал, что «...он стремился или вступить в милицию, где проводил время с полной бесполезностью для службы... Умнейший из кавказских генералов, покойный граф Евдокимов, отлично изучил и понимал неблагонадежность горцев и вследствие этого никогда, даже с избранными и чиновными из них, не говорил искренно, а пользовался ими лишь в то время, когда нужно было довести до сведения неприятеля какое-нибудь мнимое положение или направление наших войск» [19]. При этом следует вспомнить, что А.И. Барятинский – непосредственный начальник генерала Н.И. Евдо-

кимова – многими своими успешными операциями обязан именно горцам, перешедшим на русскую службу [20, с. 39].

Противоположную оценку кавказским милициям давал Д.А. Милютин. Он отмечал, что благодаря горцам-добровольцам удаётся снизить военную нагрузку на казаков. Кроме того, как уже говорилось, многие местные удалыцы, которые не видели себя нигде, кроме как на военном поприще, теперь вместо набегов на русских подданных служили в армии, и это «дисциплинировало... тех бездомных сорванцов» [21, с. 262].

Для таких противоречивых оценок имелись основания. В качестве промежуточного вывода можно сослаться на рассуждения А.Ф. Риттиха, который анализировал возможность привлечения местных кавказских народов к военной службе. Он считал, что народы региона сильно отличаются друг от друга. Среди них есть те, кто в состоянии «немедля встать в ряды» армии и служить на общих основаниях с русскими. Другая группа «может быть употреблена на службе теперь же, но не иначе как внутри России, при преобладании русских в разных частях армии, смотря по способности и наклонности каждого наречия». Что касается горцев и кочевников, условно обозначенных как третья группа, то она, по мнению автора, «только со временем, при окончательном водворении цивилизации, при перемене жизни этих диких и кочующих людей, может сделаться полезною в рядах армии; в настоящее же время им трудно понять характер благоустроенного войска...» [22, с. 338].

В данном случае А.Ф. Риттих рассуждал исключительно как военный. Но следует понимать, что кавказская администрация смотрела на эту проблему гораздо шире. Для неё важен был сам факт совместного участия горцев и русских в деле «умиротворения» края. Шёл нелёгкий процесс формирования общности соотечественников, и горцы-союзники постепенно начинали ощущать себя частью имперского социума.

Что касается неоднозначности в оценке этих людей, отметим схожие характеристики, данные им противной стороной. Так, имам Шамиль считал большую часть милиционеров изменниками, хотя некоторые части и заслужили его искреннего восхищения. Он отмечал, что «почерные туземцы» нередко переходили на противоположную сторону и, служа русским, без угрызений совести вставали на сторону их противника, если речь шла о защите кровных сородичей [23, с. 1454].

В горском обществе не было единого отношения к российской власти. Всегда находились те, кто считал себя союзником империи и готов был с оружием в руках сражаться с её врагами. Другие, напротив, вели бескомпромиссную борьбу с ненавидимой ими силой, считая, что шаги, предпринимаемые царской администрацией, губительны для привычного и традиционного для них уклада, завещанного предками.

Список источников

1. Центральный государственный архив Республики Северная Осетия – Алания. Ф. 11. Оп. 52. Д. 1066.
2. Хатизов Ш.М., Абубакарил М. Сведения о дагестанцах в сочинении Омана Херхеулидзе «Царствование Ираклия Второго» // Вестн. Дагестанского науч. центра. 2018. № 68. С. 20–31.
3. Карпов Ю.Ю. Взгляд на горцев. Взгляд с гор: мировоззренческие аспекты культуры и социальный опыт горцев Дагестана. СПб.: Петербургское востоковедение, 2007. 656 с.
4. Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Т. V: 1713–1719. СПб., 1830. 781 с.
5. Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Т. XXII: С 1784 по 1788. СПб., 1830. 1168 с.
6. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией / под ред. А.П. Берже. Тифлис, 1870. Т. IV. 1113 с.
7. Колониальная политика российского царизма в Азербайджане в 20–60-х гг. XIX в. Ч. I: Феодалные отношения и колониальный режим 1827–1843 гг. / сост. и подгот. Н.Г. Богданова и Я.М. Притыкин. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1936. 463 с.
8. Гамрекелли В.Н. Социально-экономическая почва развития «лекианоба» в XVIII в. // Вестн. отделения общественных наук АН ГССР. 1972. № 1. С. 110–123.
9. Мерлио Э. Воспоминания французской пленницы Шамиля. Нальчик: Эл-Фа, 2005. 238 с.
10. Латин В.В. Армия России в Кавказской войне XVIII – XIX вв. СПб.: Европейский дом, 2008. 400 с.
11. Колосов Л.Н. Славный Бейбулат: ист.-биограф. очерк. Грозный: Книга, 1991. 176 с.

12. Письма с Кавказа к Павлу Петровичу Свинину Ильи Радожичского // Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1874. Кн. II. С. 113–128.
13. *Бестужев-Марлинский А.А.* Кавказские повести / изд. подгот. Ф.З. Канунова. СПб.: Наука, 1995. 704 с.
14. *Услар П.* Кое-что о словесных произведениях горцев // Сборник сведений о кавказских горцах. 1868. № 1, ч. V. С. 1–42.
15. Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20–50-х гг. XIX века: сб. док. Махачкала: Дагестанское кн. изд-во, 1959. 785 с.
16. Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчёты 1912 г. Сессия пятая. Ч. IV: Заседания 120-153 (с 30 апреля по 9 июня 1912 г.). СПб., 1912. 4336 стб.
17. *Матвеев О.В.* Кавказская война: от фронта к фронтиру: ист.-антропол. очерки. Краснодар: Эдви, 2015. 272 с.
18. *Филипсон Г.И.* Воспоминания. 1837–1847 // Осада Кавказа. Воспоминания участников Кавказской войны XIX века. СПб.: Журн. «Звезда», 2000. С. 76–197.
19. *Волконский Н.А.* Лезгинская экспедиция (в Дидойское общество) в 1857 году // Кавказский сборник. 1877. Т. II. URL: https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1840-1860/Volkonskij_N_A_5/text2.htm (дата обращения: 04.09.2022).
20. *Муханов В.М.* Покоритель Кавказа А.И. Барятинский. М.: Центрполиграф, 2007. 428 с.
21. *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1860–1862. М.: Редакция альманаха «Российский архив», 1999. 559 с.
22. *Риттих А.Ф.* Племенной состав контингентов русской армии и мужского населения Европейской России. СПб., 1875. 352 с.
23. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Тифлис, 1904. Т. XII. 1552 с.

References

1. *Central State Archive of the Republic of North Ossetia-Alania.* Fund 11. In. 52. File 1066. (In Russ.).
2. *Khapizov Sh.M., Abubakaril M.* Information about the Dagestanis in the work of Oman Kherkheulidze “The Reign of Heraclius the Second”. *Vestnik Dagestanskogo nauchnogo tsentra = Bulletin of the Dagestan Scientific Center.* 2018;(68):20-31. (In Russ.).
3. *Karpov Yu.Yu.* *A look at the highlanders. View from the mountains: Worldview aspects of culture and social experience of the highlanders of Dagestan.* St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie Publ.; 2007. 656 p. (In Russ.).
4. *Complete collection of laws of the Russian Empire since 1649.* Vol. V: From 1713 to 1719. St. Petersburg, 1830. 781 p. (In Russ.).
5. *Complete collection of laws of the Russian Empire since 1649.* Vol. XXII: From 1784 to 1788. St. Petersburg, 1830. 1168 p. (In Russ.).
6. *Berger A.P., ed.* *Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission.* Tiflis, 1870. Vol. IV. 1113 p. (In Russ.).
7. *Bogdanov N.G., Pritykin Ya.M., comp.* Colonial policy of Russian tsarism in Azerbaijan in the 20-60s of the 19th century. Part I: Feudal relations and colonial regime of the 1827-1843. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences Press; 1936. 463 p. (In Russ.).
8. *Gamrekeli V.N.* Socio-economic basis for the development of “Iekianoba” in the 18th century. *Vestnik otdeleniya obshchestvennyh nauk AN GSSR. = Bulletin of the Department of Social Sciences of the GSSR Academy of Sciences.* 1972;(1):110-123. (In Russ.).
9. *Merlio E.* *Memoirs of the Shamil’s French captive.* Nalchik: El-Fa Publ.; 2005. 238 p. (In Russ.).
10. *Lapin V.V.* *The Russian Army in the Caucasian War of the 18th – 19th centuries.* St. Petersburg: Evropeiskii dom Publ.; 2008. 400 p. (In Russ.).
11. *Kolosov L.N.* *Glorious Beibulat.* Historical and biographical sketch. Grozny: Kniga Publ.; 1991. 176 p. (In Russ.).
12. Letters from the Caucasus to Pavel Petrovich Svinin by Ilya Radozhitsky. *Readings in the Imperial Society of Russian History and Antiquities at Moscow University.* Moscow, 1874;II:113-128. (In Russ.).
13. *Bestuzhev-Marlinsky A.A.* *Caucasian stories.* Edition prepared by F.Z. Kanunova. St. Petersburg: Nauka Publ.; 1995. 704 p. (In Russ.).
14. *Uslar P.* Something about the verbal works of the highlanders. *Collection of information about the Caucasian highlanders.* 1868;1(V):1-42. (In Russ.).
15. *Movement of the highlanders of the North-Eastern Caucasus in 20-50s of the 19th century:* collection of documents. Makhachkala: Dagestan Book Publishing House; 1959. 785 p. (In Russ.).
16. *State Duma. Third convocation. Verbatim reports of 1912.* Fifth session. Part IV: Meetings 120-153 (from April 30 to June 9, 1912). St. Petersburg, 1912. 4336 col. (In Russ.).
17. *Matveev O.V.* *Caucasian War: from front to frontier:* historical and anthropological essays. Krasnodar: Edvi Publ.; 2015. 272 p. (In Russ.).

18. Philipson G.I. *Memories. 1837-1847. Siege of the Caucasus. Memoirs of participants in the Caucasian War of the 19th century.* St. Petersburg: Journal "Zvezda" Publ.; 2000:76-197. (In Russ.).
19. Volkonsky N.A. *Lezgin expedition (to the Didoi Society) in 1857. Caucasian collection.* 1877;II. Available from: https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1840-1860/Volkonskij_N_A_5/text2.htm [Accessed 4th September 2022]. (In Russ.).
20. Mukhanov V.M. *Conqueror of the Caucasus A.I. Baryatinsky.* Moscow: Tsentrpoligraf Publ.; 2007. 428 p. (In Russ.).
21. Milyutin D.A. *Memories. 1860-1862.* Moscow: Almanac "Russian Archive" Publ.; 1999. 559 p. (In Russ.).
22. Rittich A.F. *Tribal composition of the contingents of the Russian army and the male population of European Russia.* St. Petersburg, 1875. 352 p. (In Russ.).
23. *Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission.* Tiflis, 1904. Vol. XII. 1552 p. (In Russ.).

Информация об авторе

А.Н. Кувшинов – аспирант кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии.

Information about the author

A.N. Kuvshinov – Postgraduate Student of the Department of Historical and Social-Philosophical Disciplines, Oriental Studies and Theology.

Статья поступила в редакцию 21.10.2023; одобрена после рецензирования 25.01.2024; принята к публикации 12.03.2024.
The article was submitted 21.10.2023; approved after reviewing 25.01.2024; accepted for publication 12.03.2024.

Научная статья
УДК 94 (470.6)"18"
doi: 10.18522/2687-0770-2024-1-61-66

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ ДАГЕСТАНА И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В РЕГИОНЕ

Иса Абдурахимович Мутушев

Пятигорский государственный университет, Пятигорск, Россия
Mutushevisa@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются особенности географического разнообразия и общественно-политического развития Дагестана в XVIII – начале XIX в. Подчеркивается большая роль природно-географического детерминизма, влиявшего на формы хозяйственного уклада, доминировавшие отрасли хозяйственной деятельности и на социально-политические процессы, которые различались в зависимости от пространственной локализации регионов. В высокогорных районах в силу суровых ландшафтных обстоятельств и дефицита наличных витальных ресурсов долго сохранялись архаические формы хозяйственной деятельности и общественного устройства. Там доминировали вольные сельские общины с коллективной собственностью на основные средства производства.

Предгорные, приморские и равнинные районы из-за меньшей закрытости и доступности для внешних воздействий и взаимного влияния, а также возможности получения большого набора жизненных благ вышли за пределы социокультурной архаики, представляли собой территории с развитой системой социальной дифференциации, которую большинство отечественных исследователей определяют как феодализм. В таких районах местные социумы ранее, чем в нагорных, вынуждались к социально-политическому развитию, выведившему их за пределы общинно-родовых отношений. В хозяйственном и общественно-политическом плане Дагестан подразделялся на отличавшиеся и конкурировавшие друг с другом социокультурные образования.

Ключевые слова: Дагестан, географический детерминизм, локализация, сельские общины, социум, общественные отношения, феодальные владения

Для цитирования: Мутушев И.А. Особенности социальных конструкций Дагестана и их влияние на общественно-политические процессы в регионе // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2024. № 1. С. 61–66.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

FEATURES OF SOCIAL CONSTRUCTIONS OF DAGESTAN AND THEIR INFLUENCE ON SOCIAL AND POLITICAL PROCESSES IN THE REGION

Isa A. Mutushev

Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia
Mutushevisa@mail.ru

Abstract. The article examines the features of geographical diversity and socio-political development of Dagestan in the 18th – early 19th century. The major role of natural-geographical determinism is emphasized, which influenced the forms of economic structure, the dominant sectors of economic activity and the socio-political processes that differed depending on the spatial localization of the regions. In high mountain areas, due to harsh landscape conditions and a shortage of available vital resources, archaic forms of economic activity and social structure were preserved for a long time. It was dominated by free rural communities with collective ownership of the main means of production.

© Мутушев И.А., 2024

Foothill, coastal and lowland areas, due to their less closed nature and accessibility to external influences and mutual influence, as well as the possibility of obtaining a large set of life benefits, went beyond the socio-cultural archaism and represented territories with a developed system of social differentiation, which most domestic researchers define as feudalism. In such areas, local societies, earlier than in the mountainous ones, were forced to socio-political development, which took them beyond the boundaries of communal-tribal relations. In economic and socio-political terms, Dagestan was divided into socio-cultural formations that differed and competed with each other.

Keywords: Dagestan, geographical determinism, localization, rural communities, society, social relations, feudal estates

For citation: Mutushev I.A. Features of Social Structures in Dagestan and Their Influence on Socio-Political Processes in the Region. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science*. 2024;(1):61-66. (In Russ.).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Дагестан является составной частью природно-географической локации Северо-Восточный Кавказ и простирается от Андийского и Качкалыковского хребтов до р. Самур, плавно переходит на Кумыкскую плоскость, тянущуюся до р. Терек. Дагестан отличается необычайным ландшафтным разнообразием и пестротой, представляющей мозаику из узких извилистых речных долин и глубоких ущелий [1, с. 283], в которых замыкалась местная социальная жизнь, обладавшая особенными чертами в культурно-бытовом укладе и социально-политическом устройстве.

Сельские общества, которые вырастали в системе родственно-клановых связей, образовывали социально-хозяйственные группы, получившие в исследовательской литературе названия тухумов [2, с. 220]. Дагестанский тухум, бывший слепком архаической формы кровнородственных связей, «не имел обычного для настоящего рода тотемного названия, не имел тухумного культа» [2, с. 220]. Кроме того, по мнению Х.М. Хашаева, названия тухумов происходили от имени какого-либо известного предка или от характера прежней деятельности лиц, которые объединялись в тухум, его состав ограничивался 4–5 коленами родства [2, с. 220].

Существовавшие к началу XIX в. тухумы подразделялись на бедные и зажиточные, имевшие привилегии или таковых не имевшие. В составе сельской общины могло насчитываться несколько тухумов, находившихся в причудливых связях господства и подчинения. «Почти в каждом селении имелся тухум лагзал, что значит “тухум рабов”, происходивших от бывших пленных, превращенных в рабов, потомки которых были освобождены и к исследуемому периоду уже успели обзавестись своим хозяйством наравне с другими узденями» [2, с. 222].

Природно-ландшафтный детерминизм определял доминировавшие отрасли и формы хозяйственной деятельности: в равнинных районах ведущим было земледелие, а в нагорной части – скотоводство. Это различие также воздействовало на развитие историко-культурного и социально-политического строя на равнинах и в горных обществах.

В предгорные районы и на плоскогорье в силу их открытости для внешних влияний проникали социокультурные агенты, вынуждавшие местные социумы искать способы сохранить себя, в том числе через адаптацию привносимых извне смыслов, ценностей или угроз. В своей совокупности, а также опираясь на автохтонный социокультурный и экономический потенциал, жители предгорий и плоскогорья вырабатывали собственные ответы на существовавшие вызовы. Опять же в силу большей открытости и больших витальных возможностей среды обитания равнинные жители не обладали абсолютной иммунностью как к внешним влияниям, так и к имманентно вырастающим мотивам к обновлению и перестройке архаики. В предгорных и равнинных районах местные социумы ранее, чем в нагорных, обращались к социально-политическому творчеству, выводившему их за пределы общинно-родовых отношений.

Общинная собственность на землю существовала в разных видах в аварских, даргинских, лезгинских союзах сельских обществ нагорной части Дагестана. В то же время в большинстве равнинных и предгорных районов Кумыкии, шамхальствах Тарковском, Аварском, Казикумухском, Мехтулинском, Дербентском, в равнинной части Табасарана и Кайтага земля находилась в зави-

симости от владельческих родов, в пользу которых местное население вынуждено было нести определенные повинности за пользование землей [3, с. 96].

На основании типических признаков общественных отношений в аграрной сфере на большей части Дагестана в конце XVIII – начале XIX в. отечественные исследователи склоняются утверждать, что там существовали достаточно развитые феодальные порядки, формировавшиеся через рабство [4, с. 110]. Однако сохранявшиеся в социально-экономической и политической структуре, например Западного Дагестана, множества архаических элементов, транслировавшихся из «предшествующих исторических эпох» [5, с. 92], по нашему мнению, делают этот процесс более сложным и не столь показательным.

К таким задержавшимся архаизмам можно отнести уже упоминавшиеся многочисленные сельские общины, характерные для высокогорных районов, населявшихся, например, аварцами, каратинцами, ахвахцами, андийцами, ботлихцами и другими этносоциальными группами, которые функционировали наряду с феодальными владениями [5, с. 92; 6]. Своеобразным показателем архаического модуса жизни в них было отсутствие частной собственности на землю [7, с. 85].

Действительность была более разнообразна, чем об этом говорят исследователи, поскольку там наряду с общинной землей имелись все же и частные земельные владения, например, пашенные участки, принадлежавшие отдельным семьям. Их наличие усложняло картину исторического развития и не служило показателем процесса феодализации.

Такие частные земельные владения появлялись, когда «земля в необработанном виде составляла собственность целого владения или народа и только обработанные участки становились собственностью того хозяина, чьим трудом и издержками земля становилась удобной для посевов и производительной» [7, с. 87].

Факт длительной эксплуатации пахотного участка, созданного или найденного усилиями отдельной семьи, который передавался по наследству из поколения в поколение, укреплял право частной собственности, что проявлялось в постепенном признании прав на него со стороны общины [7, с. 89]. Частные земельные владения могли находиться в различных весьма отдаленных местах от общинного поселения в зависимости от того, где можно было обрабатывать землю, до тех пор никому не принадлежавшую [8, с. 54], т. е. её не отчуждали у сельского общества. Само наличие частной собственности на землю без эксплуатации наемного или подневольного труда не может однозначно быть показателем феодальных отношений.

Социально-культурная среда и местные условия жизни постепенно разделили людей по социальным группам – сословиям. Семейно-родовые возможности в отношении внешних обстоятельств определяли место людей в обществе и наделяли константной или временной статусностью, сообщая ей степень и форму в иерархии местных социальных структур. Сильные семейно-клановые группы могли добиваться доминирования и занимать верхние этажи социальной иерархии, вынуждать более слабых к различной по глубине и охвату подчиненности, определявшей диапазон их общественного суверенитета, если сельские общины не имели имманентных защитных механизмов (или они утрачивали свою действенность) против такого развития внутриобщинных отношений.

Общинное землевладение весьма часто оставалось лишь юридической фикцией, маскировавшей фактическое существование владельческой собственности. По мнению А.В. Фадеева, «горские феодалы присваивали общественные земли и распоряжались ими по своему усмотрению» [1, с. 286]. Он указывает на то, что «в Дагестане беки и чанки, независимо от собственных земель, пользовались общественными землями, как члены всесословной общины» [1, с. 286] и получали преимущество над остальными, сосредоточивая в своих руках значительные земельные владения, а значит, и возможности для усиления своего общественного влияния.

Ещё одной особенностью было стремление горских владельческих групп захватывать не разбросанные по разным местам и часто отдаленным от селения пахотные семейные участки, а главным образом пастбищные угодья, которые в условиях горного скотоводства имели первостепенную важность. Например, в Аварии почти все зимние пастбища постепенно перешли в собственность хана и беков. Те же процессы становились обычными и в других районах горной части Дагестана, где общинникам также приходилось платить оброк за пользование зимними пастбищами [6, с. 83; 9, с. 23].

Сосредоточение внимания на экономическом быте горцев Дагестана – не прихоть автора данной статьи, но установившаяся в российской историографии традиция, которая позволяет выявить и подтвердить «значение хозяйственного фактора в формировании горского феодализма» [10, с. 15], позволяет показать и все остальные стороны семейной и общественно-политической жизни.

Здесь надо отметить, что качество жизни, развитие хозяйственной деятельности и формы социальных отношений в Дагестане сильно разнятся в зависимости от места их локализации. В связи с этим можно выявить типическую зависимость, когда «самые замедленные темпы этнического развития были характерны для горных дагестанских племен, наиболее изолированных от внешнего мира и от влияния европейских и азиатских цивилизаций» [1, с. 283].

В этногенезе дагестанских народов местные локализации слишком тесно привязывались к местным климатогеографическим особенностям, способствовали большой дифференции дагестанских социальных общностей на относительно крупные или мелкие группы со своим этническим языком и этнической территорией. В качестве примера можно указать на лезгиноязычные общности: удин, лезгин, будухов, хиналугов, крызов, табасаранцев, агулов, арчинцев, рутулов и цахуров [11, с. 23].

Следствием указанных обстоятельств, которые способствовали развитию особенностей социальных конструкций, часто также становилось большое разнообразие и культурно-лингвистических форм: почти каждое сообщество, феодальное владение и даже селение говорили на своем наречии, непонятном для соседей. К тому же дагестанские горцы не имели точного представления о границах территорий, которые занимали отдельные племена и общины, поскольку «не находилось охотников спорить за голые бесплодные скалы и хребты гор, пересекающие их земли по всем направлениям» [12, с. 519].

Можно отметить, что в исследуемый период истории Дагестана там уже существовало развитое сословное разделение, при котором различные социальные группы отличались друг от друга характером прав и повинностей. Основное свободное население страны состояло из поселян – узденей, живших на собственных землях, но управлявшихся беками, «которым издавна было предоставлено право полицейской расправы над ними» [13, с. 467]. Часть узденей, живших на землях беков на условиях наследственного пользования землей, платили владельцам подати в формах и объёмах, установленных обычаями.

В Северном Дагестане наиболее обездоленными, хотя и не однородными, группами были кулы и караваша. С.С. Эсадзе отмечал, касаясь социального статуса этих людей, их бесправие и полную зависимость от воли владельцев, которые между тем «берегли своих невольников, чтобы упрочить своё материальное благосостояние» [13, с. 468]. Эта группа образовывалась, как правило, из пленников, захваченных во время набегов. Рабы переносили свое положение довольно терпеливо, и целые их поколения существовали в понятиях, которые не позволяли им вспоминать или осознавать своё человеческое достоинство.

Другой неполноправной группой были чагары, происходившие из бывших дворовых людей, из рабов и рабынь, которым владельцы предоставляли возможность устройства собственного хозяйства на землях беков с обязательством обрабатывать поля своих владельцев. Эта категория людей отбывала в пользу беков повинности работой (2–4 дня в год) и предоставляла натуральные платежи, например, по одной арбе дров, по мере пшеницы и одному барану [13, с. 468].

В Среднем Дагестане также существовала категория невольников, степень зависимости которых по отношению к своим владельцам была сходной с вышеописанной в Северном Дагестане. Здесь в качестве владельцев выступали ханы Аварии и Казикумуха. Насчитывалось несколько селений, составленных исключительно из оседлых кулов, которые обрабатывали ханские земли и отдавали им часть урожая, полученного в своих хозяйствах [13, с. 469].

В Южном Дагестане, в Кайтаге и Табасарани, кроме кулов и каравашей в статусе зависимых сословий выступали райяты, проживавшие на бекских землях или арендовавшие их под посевы или пастбища. У этой социальной категории не было прав собственности на землю. Поэтому райяты вынуждены были соглашаться на исполнение разнородных повинностей в пользу владельца земли. Эти люди в случае какой-либо крайней нужды могли переуступить свои арендные права односельчанам на определенных условиях, но не имели права так поступать в отношении

представителей другой деревни, т. е. их арендные права локализовались в рамках собственного селения, находившегося под покровительством бекской семьи. Если же райят по каким-либо причинам стремился переселиться в другое селение, он испрашивал на это разрешение у бека. После переселения всё оставшееся недвижимое имущество райята переходило в собственность бекской семьи [4, с. 102].

Общую численность феодальных владений, прежде всего на территории Северного и Среднего Дагестана, следует рассматривать, всякий раз согласуясь с определенным моментом времени, поскольку однозначное их число не удастся зафиксировать надолго в неизменном виде по причине перманентного их распада или поглощения более сильными политическими образованиями. Они также различались друг от друга размерами занимаемой локализации, численностью подконтрольного населения, этноязыковым составом и степенью развития политических и социально-экономических отношений [14, с. 5].

Целый ряд независимых друг от друга владений располагался в Северном Дагестане – шамхальство Тарковское и Мехтула. В Среднем Дагестане находились ханство Казикумыкское, уцмийство Каракайтагское, мейсумство Табасаранское. В Южном Дагестане – ханства Кубинское и Табасаранское.

Попытки местных дагестанских владельцев, а также внедрение феодальных мотиваций, исходивших со стороны укреплявшей в Дагестане (первоначально на плоскостных регионах) свои позиции России, вызывали несогласие сельских вольных общин, придерживавшихся традиционных архаических установлений, и способствовали активизации их сопротивления.

Центром независимой политической жизни Нагорного Дагестана была Авария, «лежавшая в самом центре каменных громад» [15, с. 141]. Севернее Аварии располагались Салатавия с её дремучими лесами, Гумбет и Андия. Там же находился аул Гимры, бывший родиной знаменитых горских имамов и колыбелью кавказского мюридизма. По берегам Аварского Койсу притаились общества Тлох, Технуцал, Ункратль и другие, бывшие самыми отдаленными и неприступными. «Их аулы, как вороньи гнезда, лепятся на скалистых утесах, часто на такой высоте, что, глядя на них, не хочется верить, чтобы это было жильё человека» [15, с. 142].

Можно констатировать, что большое климатогеографическое и ландшафтное разнообразие, которое присутствовало исторически на территории Дагестана, способствовало такому же разнообразию в хозяйственной и социально-политической сферах жизни.

В зависимости от территориальной локализации, её условий и потенциала складывались почти независимо друг от друга социально-политические общности, находившиеся на различных ступенях развития, разделенные неприступными горными грядами. В социально-политическом отношении Дагестан подразделялся на отличавшиеся и конкурировавшие друг с другом образования. В северной, приморской и южной частях Дагестана преобладание было на стороне феодальных владетелей, тогда как в западной и внутренней частях страны наибольшее распространение имели независимые вольные сельские общества и союзы.

Список источников

1. *Фадеев А.В.* Россия и Кавказ первой трети XIX в. М.: АН СССР, 1960. 398 с.
2. *Хашаев Х.М.* Общественный строй Дагестана в XIX веке. М.: АН СССР, 1961. 262 с.
3. История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.) / под ред. А.Л. Нарочницкого. М.: Наука, 1988. 659 с.
4. *Покровский Н.И.* Кавказские войны и имамат Шамиля. М.: РОССПЭН, 2009. 584 с.
5. *Магомедов Д.М.* Социально-экономическое развитие союзов сельских общин Западного Дагестана в XVIII – начале XIX в. // Развитие феодальных отношений в Дагестане: темат. сб. / отв. ред. В.Г. Гаджиев. Махачкала: Даг. филиал АН СССР, 1980. С. 92–116.
6. *Магомедов Р.М.* Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII – начале XIX в. Махачкала, 1957. 408 с.
7. *Алиев Б.Г.* Каба-Дарго: очерк социально-политической истории / отв. ред. А.Р. Шихсаидов. Махачкала: Даг. филиал АН СССР, 1972. 222 с.
8. Даргинский округ Дагестанской области // Свод статистических данных, извлеченных из посемейных списков населения Кавказа. Тифлис: Кавказский стат. ком., 1887. Т. 1, вып. 4. 81 с.

9. Нахиупов И.Р. Экономические последствия присоединения Дагестана к России. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1956. 157 с.
10. Робакидзе А.И. Некоторые черты горского феодализма на Кавказе // Советская этнография. 1978. № 2. С. 15–24.
11. Мусаев Г. Цахуры. Историко-этнографические исследования. XVIII – XIX вв. Махачкала: Эпоха, 2009. 320 с.
12. Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Народы, населяющие Кавказ. М.: Центрполиграф, 2019. Т. 1. 655 с.
13. Эсадзе С.С. Историческая записка об управлении Кавказом: в 2 т. Тифлис, 1907. Т. 1. 616 с.
14. Умаханов М.-С. К. Феодальные владения Дагестана в XVIII – начале XIX в. и их взаимосвязи (экономический аспект). Махачкала, 2008. 256 с.
15. Потто В.А. Кавказская война: в 5 т. М.: Центрполиграф, 2006. Т. 2. 591 с.

References

1. Fadeev A.V. *Russia and the Caucasus in the first third of the 19th century*. Moscow: USSR Academy of Sciences Publ.; 1960. 398 p. (In Russ.).
2. Khashaev Kh.M. *Social system of Dagestan in the 19th century*. Moscow: USSR Academy of Sciences Publ.; 1961. 262 p. (In Russ.).
3. Narochnitsky A.L., ed. *History of the peoples of the North Caucasus (end of the 18th century - 1917)*. Moscow: Nauka Publ.; 1988. 659 p. (In Russ.).
4. Pokrovsky N.I. *Caucasian wars and the imamate of Shamil*. Moscow: ROSSPEN Publ.; 2009. 584 p. (In Russ.).
5. Magomedov D.M. Socio-economic development of unions of rural communities of Western Dagestan in the 18th – early 19th century. *Development of feudal relations in Dagestan*. Thematic collection. Ed. V.G. Gadzhiev. Makhachkala: Dagestan Branch of the USSR Academy of Sciences Press; 1980:92-116. (In Russ.).
6. Magomedov R.M. *Socio-economic and political system of Dagestan in the 18th - early 19th century*. Makhachkala, 1957. 408 p. (In Russ.).
7. Aliev B.G. *Kaba-Dargo: essay on socio-political history*. Ed. A.R. Shikhsaidov. Makhachkala: Dagestan Branch of the USSR Academy of Sciences Press; 1972. 222 p. (In Russ.).
8. Darginsky district of the Dagestan region. *Collection of statistical data extracted from family lists of the population of the Caucasus*. Tiflis: Caucasian Statistical Committee Press; 1887. Vol. 1, iss. 4. 81 p. (In Russ.).
9. Nakhshupov I.R. *Economic consequences of the annexation of Dagestan to Russia*. Makhachkala: Dagknigoizdat Publ.; 1956. 157 p. (In Russ.).
10. Robakidze A.I. Some features of mountain feudalism in the Caucasus. *Sovetskaya etnografiya = Soviet Ethnography*. 1978;(2):15-24. (In Russ.).
11. Musaev G. *Tsakhury. Historical and ethnographic research. 18th-19th centuries*. Makhachkala: Epokha Publ.; 2009. 320 p. (In Russ.).
12. Dubrovin N.F. *The history of war and Russian rule in the Caucasus. Peoples inhabiting the Caucasus*. Moscow: Tsentrpoligraf Publ.; 2019. Vol. 1. 655 p. (In Russ.).
13. Esadze S.S. *Historical note on the management of the Caucasus*: in 2 vols. Tiflis, 1907. Vol. 1. 616 p. (In Russ.).
14. Umakhanov M.-S. K. *Feudal possessions of Dagestan in the 18th – early 19th century and their relationships (economic aspect)*. Makhachkala, 2008. 256 p. (In Russ.).
15. Potto V.A. *Caucasian War*: in 5 vols. Moscow: Tsentrpoligraf Publ.; 2006. Vol. 2. 591 p. (In Russ.).

Информация об авторе

И.А. Мутушев – аспирант кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии.

Information about the author

I.A. Mutushev – Postgraduate Student of the Department of Historical and Social-Philosophical Disciplines, Oriental Studies and Theology.

Статья поступила в редакцию 07.11.2023; одобрена после рецензирования 23.12.2023; принята к публикации 12.03.2024.
The article was submitted 07.11.2023; approved after reviewing 23.12.2023; accepted for publication 12.03.2024.

Научная статья
УДК 677(470.314)(09)
doi: 10.18522/2687-0770-2024-1-67-73

ПРИЧИНЫ СТАЧЕЧНОГО ДВИЖЕНИЯ НА ТЕКСТИЛЬНЫХ ПРЕДПРИЯТИЯХ ВЛАДИМИРСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1905–1907 ГОДАХ

Роман Дмитриевич Платонов

Владимирский государственный университет им. А.Г и Н.Г Столетовых, Владимир, Россия
platonckic@yandex.ru

Аннотация. Изучаются причины стачечного движения рабочих-текстильщиков во Владимирской губернии в 1905–1907 гг. Данный период времени был ознаменован первой русской революцией, определившей развитие истории России на последующие несколько десятилетий. За два года популяризовались революционные идеи, заставившие рабочих вступать в партии и добиваться своих прав методом борьбы, результатом чего стали многочисленные стачки во всех регионах Российской империи. Такое явление не обошло стороной и Владимирскую губернию, в частности, большая доля стачечного движения приходится на рабочих текстильной промышленности. Это связано с тем, что данная отрасль занимала первое место по количеству предприятий в губернии. Каждое из них имело свои особенности и проблемы, которые так или иначе могли спровоцировать стачечное движение в среде текстильщиков. Подробно рассматриваются как общие причины, характерные для всех предприятий, так и частные, которые могли встречаться только на отдельных предприятиях текстильной отрасли. В исследовании были использованы методы синтеза и анализа с целью установления взаимосвязи всех причин стачечного движения среди рабочих-текстильщиков во Владимирской губернии. Выявлено, что фундаментом возникновения всех стачек послужила сложная социально-экономическая ситуация, в которой тогда находилась не только Владимирская губерния, но и вся страна.

Ключевые слова: рабочие, текстильная промышленность, фабрика, стачка, штрафы, революция, Иваново-Вознесенск, Владимирская губерния

Для цитирования: Платонов Р.Д. Причины стачечного движения на текстильных предприятиях Владимирской губернии в 1905–1907 годах // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2024. № 1. С. 67–73.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

REASONS OF THE STRIKE MOVEMENT IN THE TEXTILE ENTERPRISES OF THE VLADIMIR PROVINCE IN 1905-1907

Roman D. Platonov

Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs, Vladimir, Russia
platonckic@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the reasons of the strike movement of textile workers in the Vladimir province in 1905-1907. This period of time was marked by the first Russian revolution, which determined the development of Russian history in the next few decades. During the two years revolutionary ideas were popularized in the working environment, making workers to join parties and seek their rights by means of struggle, which resulted in numerous strikes in all regions of the Russian Empire. This phenomenon hasn't spared the Vladimir province, in particular, a large proportion of the strike movement falls on workers in the textile industry. This is due to the fact that this industry took the first place in terms of the number of enterprises in the province. Each of these enterprises had its own characteristics and problems, which, one way or another, could be the reasons of the strike movement among textile workers. Both general reasons that are characteristic of all enterprises, as well as specific ones that could only occur at individual enterprises in

the textile industry are considered in detail. The methods of synthesis and analysis were used as a research method in order to establish the relationship of all the causes of the strike movement among textile workers in the Vladimir province. It was revealed that the foundation for the emergence of all strikes was the difficult socio-economic situation in which not only the Vladimir province, but the whole country was then located.

Keywords: workers, textile industry, factory, strike, fines, revolution, Ivanovo-Voznesensk, Vladimir province

For citation: Platonov R.D. Reasons of the Strike Movement in the Textile Enterprises of the Vladimir Province in 1905-1907. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2024;(1):67-73. (In Russ.).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Феномен стачечного движения на протяжении многих десятилетий рассматривался в работах, посвящённых экономической истории и революционным событиям в России в начале XX в., предопределившим развитие страны в течение последующих десятилетий [1, 2]. Что же касается вопроса о причинах стачечного движения на текстильных предприятиях Владимирской губернии в 1905–1907 гг., то он ранее не ставился в историографии, так как экономическая история Владимирской губернии начала XX в. не вызывала большого интереса у исследователей. Вероятно, это связано с тем, что данная губерния, будучи слабо развитым регионом, не играла значительной роли в экономической жизни России по сравнению с другими регионами.

Первая русская революция стала результатом социальных потрясений, будораживших российское общество в самом начале прошлого века. Одним из явлений, характеризующих этот период, было стачечное движение. Стачки стали воплощением желания простых рабочих добиться для себя лучших условий труда: хорошей заработной платы, восьмичасового рабочего дня, страхования от несчастных случаев, стерильности на рабочем месте и т. д.

Не обошло это стороной и Владимирскую губернию, в которой функционировало огромное количество предприятий разных отраслей. Но наибольший размах стачки приобрели на предприятиях текстильной промышленности. В 1905–1907 гг. их было довольно много. И у каждой из них были определённые причины возникновения.

Для того чтобы понять основные причины данного явления, следует рассмотреть само понятие стачечного движения и его сущность. Стачка как явление появилась в дореволюционной России незадолго до событий 1905–1907 гг., и связано это было с тем, что Россия только вступала в новую веху развития капитализма. Владимирская губерния, разумеется, также не оставалась в стороне.

Стачка – согласованное прекращение работ на предприятии с целью достижения определённых целей. Она позволяла рабочим объединяться большим составом и требовать у промышленников предоставления им прав и свобод. В ряде случаев это действительно приносило свои плоды, так как промышленники были не в силах противостоять такой угрозе и опасались повторения таких ситуаций в будущем [3].

«Стачки» и «капитализм» – связанные между собой понятия. Центральное место в капитализме всегда занимала промышленность с фабриками и заводами разных отраслей. Другим моментом, характеризующим эту систему, являются отношения между фабрикантом и рабочими [4, с. 156]. К сожалению, чаще всего они, как правило, оставляли желать лучшего.

Владелец любого предприятия получал огромную прибыль с того, что производилось. Зачастую вопрос о положении рабочих мало кого волновал. Произвол со стороны владельцев предприятий происходил везде, в том числе и на предприятиях текстильной промышленности. Для того чтобы добиться желаемой цели, они устанавливали рабочий день продолжительностью от 14 до 16 ч, а зарплаты рабочих при этом оставались низкими [5, с. 88], что вызывало сильное недовольство в рабочей среде.

Кроме того, на фабриках и заводах частыми явлениями были несоблюдение всех санитарных норм, мер безопасности, использование детского труда, отсутствие регулирования вопроса о страховании рабочих. Они относятся к общим причинам стачек на всех предприятиях.

Промышленность во Владимирской губернии была слабо развита к моменту начала революционных событий 1905 г. по сравнению с другими регионами. Несмотря на это, на территории губернии существовало множество предприятий разных отраслей. Одной из крупнейших была текстильная промышленность с наибольшим количеством предприятий в Иваново-Вознесенске и в некоторых других уездах [6].

Город Иваново-Вознесенск стал одним из революционных центров в 1905–1907 гг., так как здесь за два года произошли сотни стачек и забастовок. У стачек на текстильных предприятиях было множество причин. Но в первую очередь стоит рассмотреть главную.

На предприятиях текстильной отрасли лежала серьёзная ответственность, так как они выпускали продукцию первой необходимости, которая использовалась в разных сферах общества. Ткани должны были быть лучшего качества, но, чтобы его поддерживать, ткачам, бумагопрядильщикам и другим рабочим требовалось немало времени [1, с. 102]. А предприниматели очень часто устанавливали кратчайшие сроки для выполнения работы.

К тому же материалы, с которыми работали ткачи, могли испортиться и привести к браку изделия. Естественно, из-за этого прибыль падала, и руководство в качестве наказания активно применяло систему штрафов для рабочих: их могли лишить до половины заработка за недосмотр и допущенный брак [1, с. 98]. Такая система существовала на всех предприятиях текстильной промышленности, в том числе и во Владимирской губернии.

Данная проблема не могла не вызывать недовольства у рабочих, зарплата которых чаще всего была небольшой. К примеру, в начале 1905 г. сложилась такая ситуация на ткацкой фабрике В.М. Новикова в селе Седоровском в Александровском уезде. За март того года сумма штрафов для ткачей за неисправную работу составляла от 12 до 31 руб., притом что ни один из более 70 ткачей, работавших на этой фабрике, не получал зарплату выше 15 руб. [7, л. 2].

Сам штрафной капитал являлся второй частью данной проблемы. Закон 1890 г. категорически запрещал предпринимателям присваивать себе штрафы, вне зависимости от того, по каким причинам они были назначены [8, с. 50]. На практике всё обстояло иначе. С целью увеличения своей прибыли промышленники могли целенаправленно вводить штрафы для работников, тем самым нарушая закон [1, с. 98].

Подобные ситуации способствовали проведению стачек с требованием разбирательства. В качестве примера можно привести ситуацию на бумагопрядильной фабрике Троицко-Александровской мануфактуры Барановых. В апреле-мае 1905 г. за неисправную работу были оштрафованы некоторые прядильщики на 4,30 руб., банкаброшницы – на 2,10 руб., крутильщицы – на 1,80 руб. [9, л. 4].

Исходя из этих данных, можно предположить, что рабочие были недовольны тем, что промышленник, присваивая себе заработанные ими деньги, оставлял их без средств к существованию, тем более что зарплата многих из них зачастую не превышала 10–12 руб. Эту ситуацию можно было наблюдать и на других предприятиях Барановых. Она же и стала одной из причин забастовки на ткацкой, красильной и прядильной фабриках в городе Александрове, где среди прочих было требование решения данной проблемы [10, л. 1 об.], стоящей в ряду причин, по которым рабочие-текстильщики были вынуждены устраивать стачки.

Взаимоотношения рабочих и предпринимателей выражались и в другом вопросе – жилищном, который также выступал в качестве причины стачечного движения во Владимирской губернии. В большинстве случаев владельцы фабрик и заводов не заботились о состоянии жилых помещений для рабочих. При многих промышленных заведениях Иваново-Вознесенска рабочим приходилось жить в ужасных условиях. Чаще всего местом проживания служили каморки величиной от 1/3 до 1/10 куб. сажени на человека. Эти каморки были грязными и неопрятными, с рогожами или общими нарами, где не было одеял и подушек, а также места для приготовления пищи [11, с. 63].

Естественно, рабочих возмущало, что владельцы фабрик не желали и не пытались улучшить их проживание. В качестве альтернативы каморкам предлагались широко распространённые в дореволюционной России казармы. Разумеется, такой тип жилья был ещё хуже каморок, так как там отсутствовало соблюдение санитарных норм. Среди работников-текстильщиков, про-

живавших в казармах, ежегодно заболело 348 человек [12, с. 122], что создавало крайне опасную ситуацию для других рабочих и несло угрозу всему рабочему процессу.

Проводившая проверки фабричная инспекция часто подчёркивала непригодность казарм для проживания. В качестве проблем инспекторы выделяли грязь, беспорядок, а также наполненный вредными испарениями воздух из-за отсутствия вентиляционной системы в казармах [11, с. 64], в результате чего отмечался высокий рост заболеваемости среди рабочих.

Несмотря на это, промышленники не пытались изменить что-либо по данному вопросу. По состоянию на 1905–1906 гг. на многих промышленных предприятиях губернии большое количество рабочих проживало в казармах. Примером служит ситцепечатная фабрика торгового дома «Никона Гарелина сыновья», где из 691 рабочего в казармах проживало 262 [10, л. 9]. Более серьёзная ситуация была на ситценабивной фабрике Товарищества мануфактур П. Витовой с сыновьями, где в 1906 г. из 898 рабочих в казармах проживало 405 [10, л. 16].

Жилищный вопрос порождал другую причину, определявшую участие рабочих текстильной промышленности в стачках. Речь идёт о медицинском обслуживании. Стоит начать с того, что медицина и её качество оставляли желать лучшего. Тот период времени характеризуется множеством заболеваний, свирепствовавших в рабочей среде, среди которых – тиф, оспа, корь и холера [13, л. 3].

При каждом предприятии должна была находиться больница, где могло быть оказано полноценное лечение. Однако на деле всё оказалось не так просто. Далеко не при всех предприятиях функционировали больницы и проводилось лечение. Чаще всего рабочим могла быть оказана только первоначальная медицинская помощь. Конечно же, рабочие выражали недовольство, что вместо больниц при предприятиях существовали только приёмные покои, где не было ничего, кроме лекарств, перевязочных материалов и не более двух коек [14, с. 115], что делало невозможным получение полноценной медицинской помощи.

Наличие больницы при промышленном заведении всегда зависело от инициативы и желания его владельца. По свидетельству рабочих, иногда промышленник просто не желал устраивать больничное учреждение ввиду больших затрат, так как его содержание полностью ложилось на его плечи [12, с. 35]. Именно поэтому многие работники-текстильщики могли оказаться под угрозой отсутствия медицинской помощи в случае возникновения потребности в ней.

Подобная ситуация имела место на ситцевой и ткацкой фабриках А.М. Гандурина. Несмотря на то что на фабриках работало 980 человек, включая мужчин и женщин, там не было больничного учреждения [15, л. 12–12 об.]. На прядильной и ткацкой фабриках Товарищества А. Каретниковой с сыновьями ситуация была ещё критичнее. Число рабочих здесь составляло 4032: 1744 мужчины и 2288 женщин – достаточно большой показатель, требующий внимания со стороны начальства. Однако при данном предприятии также отсутствовало больничное учреждение [15, л. 2–2 об.].

Но этим всё не ограничивалось. Не только отсутствие больниц было причиной участия рабочих в стачках. Стоит отметить, что рабочие были недовольны тем, что медицинские учреждения могли размещать в своих стенах только определённое количество пациентов.

Такую ситуацию можно было наблюдать на многих промышленных предприятиях в Иваново-Вознесенске. Ярким примером служила ситцепечатная фабрика Товарищества мануфактур Н. и Л. Гандуриных, где существовавшая при ней больница была рассчитана всего лишь на 10 коек с учётом того, что на фабрике работало 502 человека [15, л. 11]. Таким образом, почти все рабочие были возмущены невозможностью получения медицинской помощи.

Медицинский вопрос напрямую связан с другой причиной конфликта рабочих с начальством и часто предьявлялся ими во время стачек. Речь идёт о страховании рабочих, что можно назвать неким продолжением предыдущего вопроса.

Со страхованием рабочих от несчастных случаев во время работы в промышленном заведении было всё очень непросто. Закон от 2 июня 1903 г. обязывал предпринимателей выплачивать компенсации работникам в случае получения ими травм и увечий во время работы на предприятии, что составляло 2/3 годовой заработной платы [8, с. 207]. Несмотря на это, ситуация оставалась неоднозначной. Промышленники не хотели выплачивать пособия по болезни и несчастным случаям.

Кроме того, среди требований рабочих к начальству часто фигурировала выплата пенсии по утрате работоспособности в результате болезни или увечья [2, с. 168], что подтверждает нарушение прав рабочих со стороны начальства. Нередки случаи, когда на предприятиях рабочие не были застрахованы вообще.

Такое явление можно было наблюдать на ситцевой фабрике П.Н. Грязнёва Покровской мануфактуры, где не были застрахованы 2070 рабочих [15, л. 17]. В 1906 г. на данном предприятии в результате несчастного случая среди рабочих лишились трудоспособности: один – полностью, 30 – временно, а 58 – частично [15, л. 17 об.]. Эта проблема не могла оставить других работников в стороне, так как давала им понять, что при несчастном случае они останутся ни с чем. Именно поэтому довольно часто во многих стачках и забастовках звучало требование, чтобы пострадавшим в результате несчастного случая выплатили зарплату, а потерявшим работоспособность – начислили пенсию [2, с. 171].

Одной из самых распространённых причин стачек среди рабочих-текстильщиков Иваново-Вознесенска и других районов губернии были условия, в которых им приходилось работать: правила внутреннего распорядка на предприятии, качество рабочего места, продолжительность рабочего дня. Каждое из них упоминалось на всех стачках и забастовках в Иваново-Вознесенске.

Рабочее место чаще всего оставляло желать лучшего, так как оно попросту было непригодным для осуществления трудовой деятельности. Обращение рабочих к начальству в большинстве случаев ни к чему не приводило. Такая ситуация складывалась и на ткацкой фабрике Овсянникова в Юрьеве-Польском. Работники фабрики были вынуждены работать в плохо освещённом помещении, где было всего одно окно [16, л. 1]. Это влияло на качество выполняемой ими работы, и вероятность получения штрафа была очень высока. Как показал пример фабрики Овсянникова, просьба рабочих установить два дополнительных окна успехом не увенчалась [16, л. 6].

Более того, трудности по выполнению работы были связаны ещё с одной проблемой, казавшейся условий труда. Для осуществления трудовой деятельности в полной мере были необходимы паровые котлы, которые, к сожалению, можно было встретить далеко не на всех предприятиях, несмотря на то что Российская империя выходила на новый уровень развития промышленности.

На многих фабриках Иваново-Вознесенска не было котлов либо они были не в лучшем состоянии. Рассмотрим пример ситцепечатной фабрики Товарищества мануфактур Н. и Л. Гандуриных. Здесь находилось пять котлов, их мощности было недостаточно: всего 4000 кв. футов – поверхность нагрева. Более того, они не освобождались от налогов, а их содержание обходилось достаточно дорого – в 68 508,03 руб. [15, л. 11 об.].

Как и в других ситуациях, рабочим приходилось обращаться в фабричную инспекцию с требованием решить данную проблему и установить новые паровые котлы. Так было и в случае с рабочими бумаготкацкой фабрики Овсянникова в городе Юрьеве-Польском. Руководство фабрики не желало устанавливать второй паровой котёл, опасаясь издержек на его содержание и починку, но в итоге это было сделано, и требования рабочих таким образом были удовлетворены [16, л. 4]. Правда, так случалось далеко не всегда.

Внутренние правила для рабочих также оставались одной из самых распространённых причин стачечного движения. Это было обусловлено тем, что в большинстве случаев эти правила носили ярко выраженный каторжный характер. На некоторых фабриках продолжительность рабочего дня могла достигать до 17–19 ч, чаще – до 14–16 ч [3]. Перерыв мог длиться всего один час.

Во время работы категорически запрещалось заниматься любым делом, в частности читать книгу, вязать, играть в карты и даже просто сидеть на стуле [17, л. 3]. Рабочие должны были беспрекословно выполнять любое распоряжение руководства. В противном случае это признавалось непослушанием и грозило штрафом [17, л. 3]. Опоздания также карались очень сурово, даже самые небольшие. В рабочей среде тех лет большой популярностью пользовалась идея о 8-часовом рабочем дне, который мог быть отличным вариантом для выполнения всех поставленных норм, учитывая полноценный отдых рабочих. К сожалению, данное требование нико-

гда не выполнялось, и, разумеется, это подталкивало рабочих-текстильщиков к решительным действиям.

Свое место в качестве причин стачек занимал так называемый еврейский вопрос. К представителям еврейского народа власти и общество относились с подозрительностью. Евреи были вынуждены проживать за чертой оседлости. Во Владимирской губернии также было много евреев, которые занимались различного рода деятельностью, включая труд на фабриках и заводах. Однако сложность их работы заключалась в том, что они находились под строжайшим контролем со стороны властей, требовавших указывать в документах род деятельности. Если же евреи занимались другой деятельностью, то подлежали выселению, лишаясь права проживания в том или ином месте [18, с. 35]. Это не могло не вызвать недовольства у рабочих, которые могли лишиться своего рабочего места.

Среди причин стачек отмечается и участие рабочих в выборах. Данное явление стало отражением событий, происходящих в тот период на территории всей Российской империи. Правительство не желало допускать к участию в управлении государством представителей пролетариата. Учитывая идеи социализма, которые приобретали всё большую популярность в рабочей среде, буржуазия опасалась, что пролетариат быстро захватит власть и установит тот тип государства, при котором их существование станет просто невозможным [19, с. 113]. Рабочие считали, что их лишали этого права, и это выливалось в ещё один повод выступать против руководства.

Итак, рассмотрев все причины участия в стачках, можно сделать вывод, что каждая из них занимает важное место в данном вопросе. Они тесно переплетались между собой и не были возможны друг без друга. Причины участия рабочих-текстильщиков в стачках в период первой русской революции были обусловлены социально-экономической ситуацией, существовавшей в то время по всей стране. Именно поэтому можно сказать, что практически все причины носили социально-экономический характер, так как были напрямую связаны с проблемами общества того времени.

Список источников

1. Федорец А.И. Савва Морозов. М.: Молодая гвардия, 2013. 348 с.
2. Экземплярский П.М. История города Иваново : в 2 ч. Ч. 1 : Дооктябрьский период. Иваново: Иван. обл. гос. изд-во, 1958. 396 с.
3. Ленин В.И. О стачках. URL: <http://libelli.ru/works/4-5.htm#1> (дата обращения: 05.02.2024).
4. Ленин В.И. Империализм как высшая стадия капитализма. М.: АСТ, 2021. 224 с.
5. Дубровин А.А., Иванов В.Ю. Право на забастовку в России: исторический аспект // Новый университет. 2014. № 11. С. 88–90.
6. Фабрики и заводы Владимирской губернии в начале XX века. Карта 1902 года. URL: http://www.etomesto.ru/map-vladimir_1902/ (дата обращения: 29.01.2024).
7. Государственный архив Владимирской области (ГАВО). Ф. 266. Оп. 1. Д. 2330.
8. Литвинов-Фалинский В.П. Фабричное законодательство и фабричная инспекция. 2-е изд., испр. и доп. М.: Тип. А.С. Суворина, 1904. 344 с.
9. ГАВО. Ф. 266. Оп. 1. Д. 2320.
10. ГАВО. Ф. 266. Оп. 1. Д. 2378.
11. Фабрики, заводы и прочие промышленные заведения Владимирской губернии / сост. В.Ф. Свицкий. Владимир-на-Клязьме: Владимирская губ. зем. управа, 1890. 198 с.
12. Постников С.П., Фельдман М.А. Социокультурный облик промышленных рабочих России в 1900–1941 гг. М.: РОССПЭН, 2009. 366 с.
13. ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Д. 3638.
14. Песков П.А. Фабричный быт Владимирской губернии. СПб.: Тип. В.Ф. Киршбаума, 1884. 136 с.
15. ГАВО. Ф. 266. Оп. 1. Д. 2538.
16. ГАВО. Ф. 266. Оп. 1. Д. 2460.
17. ГАВО. Ф. 266. Оп. 1. Д. 2480.
18. Егоров В.В. Участие евреев в экономической и трудовой деятельности в Нижегородской и Иваново-Вознесенской губерниях в конце XIX – начале XX в. // Вестн. Костромского гос. ун-та. Серия: Исторические науки и археология. 2019. Т. 25, № 1. С. 34–37.
19. Троицкий Л.Д. Перманентная революция. СПб.: Азбука-классика, 2009. 224 с.

References

1. Fedorets A.I. *Savva Morozov*. Moscow: Molodaya gvardiya Publ.; 2013. 348 p. (In Russ.).
2. Ekzempl'yarsky P.M. *History of the city of Ivanovo*: In 2 ch. Ch. 1. Pre-October period. Ivanovo: Ivanovo Region State Publishing House; 1958. 396 p. (In Russ.).
3. Lenin V.I. *About strikes*. Available from: <http://libelli.ru/works/4-5.htm#1> [Accessed 5th February 2024]. (In Russ.).
4. Lenin V.I. *Imperialism as the highest stage of capitalism*. Moscow: AST Publ.; 2021. 224 p. (In Russ.).
5. Dubrovin A.A., Ivanov V.Yu. The right to strike in Russia: historical aspect. *Novy universitet = New University*. 2014;(11):88-90. (In Russ.).
6. *Factories and plants of the Vladimir province at the beginning of the 20th century. Map of 1902*. Available from: http://www.etomesto.ru/map-vladimir_1902/ [Accessed 29th January 2024]. (In Russ.).
7. *The State Archive of the Vladimir Region (SAVR)*. Fund 266. In. 1. File 2330. (In Russ.).
8. Litvinov-Falinsky V.P. *Factory legislation and factory inspection*. 2nd ed. Moscow: A.S. Suvorin Printing House; 1904. 344 p. (In Russ.).
9. *SAVR*. Fund 266. In. 1. File 2320. (In Russ.).
10. *SAVR*. Fund 266. In. 1. File 2378. (In Russ.).
11. Svirsky V.F., comp. *Factories, factories, and other industrial establishments of the Vladimir province*. Vladimir-on-Klyazma: Vladimir Province Land Government Press; 1890. 68 p. (In Russ.).
12. Postnikov S.P., Fel'dman M.A. *The sociocultural appearance of industrial workers in Russia in 1900-1941*. Moscow: ROSSPEN Publ.; 2009. 366 p. (In Russ.).
13. *SAVR*. Fund 556. In. 1. File 3638. (In Russ.).
14. Peskov P.A. *Factory life in the Vladimir province*. St. Petersburg: V.F. Kirshbaum Printing House; 1884. 136 p. (In Russ.).
15. *SAVR*. Fund 266. In. 1. File 2538. (In Russ.).
16. *SAVR*. Fund 266. In. 1. File 2460. (In Russ.).
17. *SAVR*. Fund 266. In. 1. File 2480. (In Russ.).
18. Egorov V.V. Participation of Jews in economic and labor activity in the Nizhny Novgorod and Ivanovo-Voznesensk provinces at the end of the 19th and beginning of the 20th centuries. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki i arkhologiiya = Bulletin of Kostroma State University. Series: Historical Sciences and Archeology*. 2019;25(1):34-37. (In Russ.).
19. Trotsky L.D. *Permanent revolution*. St. Petersburg: Azbuka-klassika Publ.; 2009. 224 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Р.Д. Платонов – аспирант кафедры истории России.

Information about the author

R.D. Platonov – Postgraduate Student of the Department of Russian History.

Статья поступила в редакцию 16.02.2024; одобрена после рецензирования 05.03.2024; принята к публикации 12.03.2024.
The article was submitted 16.02.2024; approved after reviewing 05.03.2024; accepted for publication 12.03.2024.

Научная статья

УДК 94

doi: 10.18522/2687-0770-2024-1-74-83

ГЕОГРАФИЯ ОСКОРБЛЕНИЙ ЧЛЕНОВ ИМПЕРАТОРСКОЙ СЕМЬИ В ОБЛАСТИ ВОЙСКА ДОНСКОГО В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Александр Сергеевич Слепцов

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

aslepcov@sfnedu.ru

Аннотация. Исследования политической культуры имеют давнюю традицию в отечественной историографии. Основная часть работ опирается на источники, которые создавались в крупных городах. Зачастую традиционные исследования оставляют за рамками информацию о политическом сознании сельского населения. Источник оскорблений монаршей особы может дать нам ту информацию, которая касается политических образов, слухов, символов, в первую очередь того населения, которое не проживало в крупных центрах. В данной статье был проведен анализ оскорблений монаршей власти в Области войска Донского в период 1904–1914 гг. Данный регион интересен своей спецификой как в этносоциальном составе, так и в административном и экономическом праве. На основе дел была создана база данных. С помощью метода группировки данных была выявлена социальная и территориальная специфика. Проведен сравнительный анализ процентного соотношения преступлений против императорской фамилии и общего количества жителей территории. Выявлены основные точки конфликтов между представителями различных социальных групп. Включение в исторический контекст позволило не только сфокусироваться на отдельных маркерах, но и выявить связи между социально-политическими характеристиками.

Ключевые слова: оскорбление монаршей особы, Область войска Донского, политическая культура, преступления против императорской фамилии, политические преступления в Области войска Донского, социальные конфликты

Для цитирования: Слепцов А.С. География оскорблений членов императорской семьи в Области войска Донского в начале XX века // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2024. № 1. С. 74–83.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

GEOGRAPHY OF INSULTS OF THE IMPERIAL FAMILY MEMBERS IN THE DON ARMY REGION AT THE BEGINNING OF THE 20th CENTURY

Alexander S. Sleptsov

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

aslepcov@sfnedu.ru

Abstract. Studies of political culture have a long tradition in Russian historiography. The main part of the articles is based on sources that were created in large cities. Often traditional research leaves out information about the political consciousness of the rural population. The source of insults to the royal person can give us information that concerns political images, rumors, symbols, primarily of the population that did not live in large centers. The insults to the royal authority in the Don Army Region in the period 1904-1914 were analyzed in this article. This region is interesting for its specificity both in its ethnosocial composition and in administrative and economic law. A database was created based on the cases. Using the data grouping method, social and territorial specifics were identified. A comparative analysis of the percentage of crimes against the imperial family and the total number of territory inhabitants was carried out. The main points of conflict between representatives of various social groups have been identified. The inclusion in the historical context

allowed not only to focus on individual markers but also to identify links between individual socio-political characteristics.

Keywords: insult to the royal person, Don Army Region, political culture, crimes against the imperial family, political crimes in the Don Army Region, social conflicts

For citation: Sleptsov A.S. Geography of Insults of the Imperial Family Members in the Don Army Region at the Beginning of the 20th Century. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2024;(1):74-83. (In Russ.).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Начало XX в. в истории Российской империи характеризуется переходом к новому этапу развития политической, социальной и экономической сфер жизни. В результате внутренних и внешних кризисов, таких как первая русская революция и Русско-японская война, произошел слом внутри политического сознания подданных Российской империи, что проявилось в увеличении количества стачек, манифестаций, изменении условий деятельности политических партий, политическая жизнь страны вышла на новый уровень – начинает функционировать Государственная дума. Все эти процессы свидетельствуют о развитии политического сознания населения. Одной из характерных особенностей его исследования является то, что сведения создавались в высших кругах социальных и политических слоев. География подобных документов зачастую касается лишь крупных городов, тем самым за рамками традиционного исследования нередко остаются сведения о точке зрения жителей сельской местности, т. е. большинства населения Российской империи. Образы, мифы, представления являются такой же неотъемлемой частью политического сознания, как и официальные документы, прокламации, уставы и т. д. В связи с этим возникает проблема исследования репрезентации политической культуры среди низших слоев.

Данная статья основана на материалах Государственного архива Ростовской области (ГАРО) – Ф. 829 «Областное жандармское управление Департамента полиции МВД Новочеркаска Области войска Донского» и Ф. 46 «Атаманская канцелярия (канцелярия войскового наказного атамана)», в которых был выявлен корпус дел об оскорблении монаршей власти. Безусловно, источники по данному вопросу могут храниться в фондах судебных палат, Министерства внутренних дел и др., но нас в первую очередь интересуют материалы дел, сохранившиеся в документах жандармского делопроизводства и содержащие информацию о наиболее типичных случаях оскорблений. Именно они могут дать информацию об образах и представлениях низших слоев населения. Данные материалы являются частью жандармского делопроизводства, создававшегося в рамках уголовного преследования по статье 103 Нового уголовного уложения [1]. Источник создавался не с целью описания конкретных политических образов, а значит, может дать ту информацию, которая могла специально не фиксироваться в других материалах. Данные фонда, касающиеся оскорбления монаршей особы, это уникальный документ, в котором содержится информация о политических образах, в первую очередь крестьянских масс. Нами также использованы статистические материалы Памятной книжки Области войска Донского (ОВД), это дает возможность соотнести количество преступлений и общую численность населения по сословиям [2].

Географические рамки нашего исследования распространяются на всю территорию ОВД. Актуальность обращения к этому региону обусловлена несколькими причинами. Территория, не являясь в общем понимании окраиной Российской империи, в административном и этносоловном отношении отличалась от центральных регионов довольно сильно. Казачество не только было традиционным населением данной территории, но и обладало некоторыми преференциями, касающимися имущественного и управленческого права. Во-вторых, казачье население воспринималось как некий оплот самодержавия.

Анализ территориального распределения мест совершения преступлений по ст. 103 Уголовного уложения в ОВД в 1904–1914 гг., являющийся целью данной статьи, позволит увидеть конфликтные зоны и выявить их причины, исходя из социально-экономических и культурных особенностей отдельных округов. Нижняя рамка обосновывается началом периода роста рево-

люционных настроений. Первая русская революция обусловлена проблемами и кризисами, которые происходили до активной фазы противостояния, поэтому хотелось бы рассмотреть основные тенденции, повлекшие эскалацию кризиса. Если рассматривать в качестве нижней границы 1905 год, то мы будем иметь дело с той ситуацией, которая по сути является лишь финалом. Выбор верхней границы обосновывается началом Первой мировой войны как события, кардинально изменившего политическую ситуацию в стране. Новые обстоятельства породили иную политическую действительность.

Выбранная проблематика включает в себя две крупные темы. Первая связана с формированием политической культуры, репрезентацией образов, слухов. В этом свете очень важна работа Б. И. Колоницкого [3], который создал методологическую модель для работы с делами по оскорблению монаршей особы. Стоит отметить статьи А. П. Сатаровой [4], где хорошо описана региональная специфика округов ОВД, и А.Б. Изюмского [5], им проведена большая работа с материалами по оскорблению монаршей власти, касающимися ОВД. Вторая часть историографии связана с исследованиями по экономической, земельной политике ОВД. Это прежде всего работа А. А. Волвенко [6] о положении казачьего населения в ОВД в конце XIX – начале XX в. Далее стоит обратить внимание на исследование Р. Г. Тикиджьяна [7], он проанализировал вопрос о взаимоотношениях между различными сословиями населения ОВД.

При работе с делами была разработана реляционная база данных, что позволило впоследствии сгруппировать сведения и проанализировать их методами дескриптивной статистики. Включение полученных результатов в исторический контекст дало возможность не только сфокусироваться на отдельных маркерах, характеризующих преступление, но и выявить связи между социально-экономическими характеристиками.

Несмотря на значительную долю дел, в которых не указано место преступления, более половины случаев оскорблений приходится на Усть-Медведицкий, Таганрогский, Второй Донской, Черкасский округа (рис. 1). Стоит оговорить, что в тех делах, в которых не указано место преступления, встречаются сведения о месте заведения уголовного дела. В подобных случаях в графе «место преступления» ставится 0, так как нельзя точно определить, происходило ли это в одной местности, или же доносчик мог заявить, приехав в другой населенный пункт.

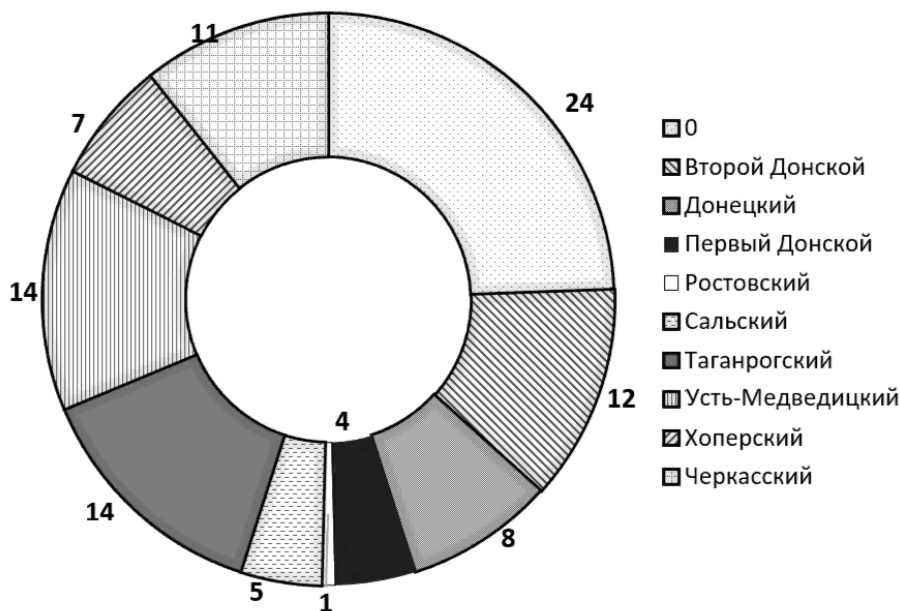

Рис. 1. Распределение случаев оскорбления императорской фамилии по округам, %
 / Fig. 1. Percentage of cases of insult to the imperial family by district

Большее количество дел встречается в Таганрогском и Усть-Медведицком округах. Остановимся на первом. Таганрогский округ был образован в 1887 г. [8]. Данная территория стала частью ОВД в результате переподчинения. До этого она относилась к Екатеринославской губер-

нии. Соответственно, социальный состав Таганрогского округа сильно отличался от других округов, в нем преобладало большое количество крестьян, тогда как казачье население было в меньшинстве. Вопрос о географической специфике довольно подробно осветил А. А. Волвенко [6, с. 23–24]. Если сравним его данные за 1900 г. и материалы Памятной книжки Области войска Донского за 1905 год, то увидим, что ситуация в Таганрогском округе значительно поменялась. А. А. Волвенко пишет, что к 1900 г. на этой территории проживало 1 273 933 чел., из них – 6013 казаков. По материалам Памятной книжки, в Таганрогском округе проживало 437 074 чел., из них казаков – 48 565, а крестьян – 312 551 [9, с. 8]. То есть казачье население остается в меньшинстве, но растет. В 1905 г. казачье население в Таганрогском округе ОВД составляло 10 %, на одного казака приходилось 6 крестьян. Подобные изменения численности можно объяснить ростом населения за счет не естественного прироста, а переселения жителей из других округов [10, с. 111].

Мы видим неоднозначную картину (рис. 2). С одной стороны, количество крестьян, проживающих в округе, больше, что довольно репрезентативно. С другой – среди представленных сословий нет казачьего населения. Проблема взаимоотношений казачьего и неказачьего населения неоднократно поднималась в отечественной историографии. Например, Р. Г. Тикиджян указывает на проблему взаимоотношений не только среди сословий, но и со стороны администрации, которая пыталась уравнивать баланс: «Иногороднее население, будучи неоднородным по своему этническому и социальному составу, было ограничено в правах и подвергалось нападкам со стороны войсковой администрации» [7, с. 64].

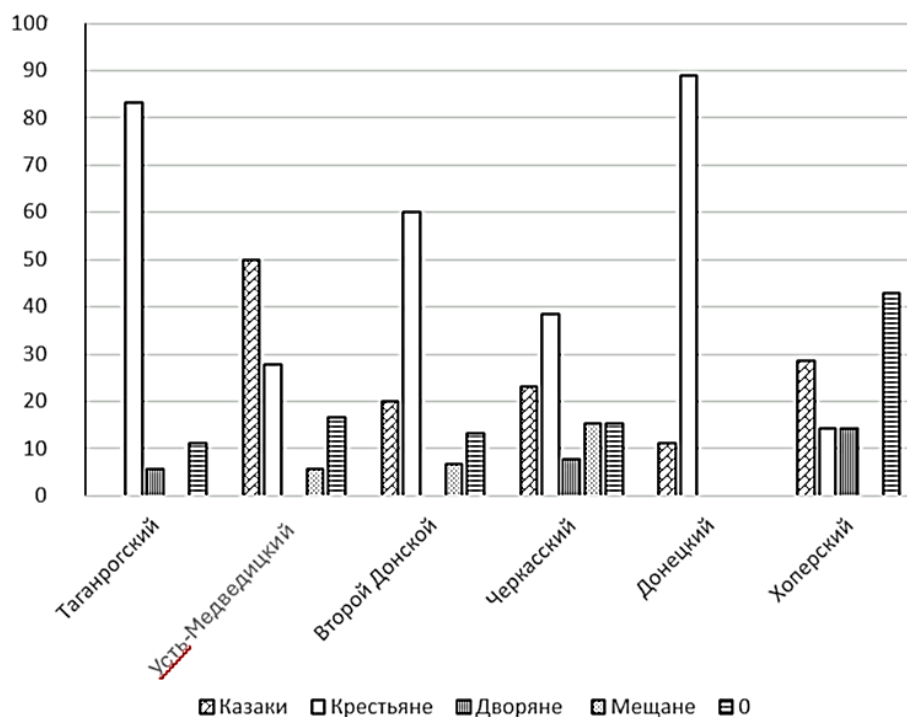

Рис. 2. Распределение случаев оскорбления императорской фамилии по округам и сословиям, %
 / Fig. 2. Percentage of cases of insult to the imperial family by district and estate

Чтобы подробнее рассмотреть ситуацию, стоит обратиться к мотивам оскорблений. Основные мотивы касались земельного вопроса и критики Русско-японской войны, да и в целом военной службы. Эти два фактора были неразрывны, так как вопрос стоял очень остро. Например, в 1905 г. в Таганрогском округе крестьяне владели 192 284 десятинами земли, а казачье население – 35 609 [11, с. 28]. В деле Александра Крючека говорится следующее: «В слободе Картушкиной в доме Ивана Шамрая собрались крестьяне... и стали пить водку. Во время выпивки зашёл разговор о русско-японской войне и убийстве Великого князя Сергея Александровича, причем на слова Плетенецкого: “Сколько эта война приносит огорчения государю, да вот и великого князя Сер-

гея Александровича сердечного убили” Александр Крючек вскочил со скамьи, сказал: “А тебе его жаль, мать его ё<...> так ему и надо, мать его е<...> и *государя* (выделено нами. – А.С.) вашего за то, что он не уравнил всех землём”, у меня четыре сына, а у моей сестры три, а всем жить негде. Когда свидетели стали Крючеку говорить, что таких слов произносить нельзя, он схватил нож и сказал: “Я повыпускаю кишки тому, кто вынесет слова из хаты”» [12, л. 271].

Процентные показатели оскорблений в Таганрогском округе выглядят довольно типичными для территории, которая вошла в состав ОВД не так давно. Данная местность относилась к так называемым неказачьим округам. Но сам факт большого числа преступлений говорит об особой политизации крестьянского населения. Здесь нужно отметить специфику документа. Дело в том, что категория пролетариев отдельно не фиксировалась, но в большей части подобных дел не указан род деятельности обвиняемого, соответственно, здесь мы опираемся только на те сведения, которые есть в источнике. Проблемы, которые существовали на данной территории, подтверждают ситуацию бедности крестьянского населения. Всё это выражается в умышленных политических высказываниях.

Далее стоит перейти к довольно традиционной территории – Усть-Медведицкому округу. Здесь (вместе со ст. Усть-Медведицкой) в 1905 г. проживало 267 926 чел., из них крестьян – 38 532, а казаков – 197 119 [9, с. 8]. То есть на каждого крестьянина приходилось примерно по 5 казаков.

Что интересно, из 18 зафиксированных дел в Усть-Медведицком округе 5 были совершены в ст. Усть-Медведицкой. Мотивы разнообразны. Остановимся на типичных делах. Несколько дел касаются случайных оскорблений. Обвиняемые в состоянии алкогольного опьянения беспричинно винули императора. Оскорбления могли принимать разную форму. Для наглядности стоит привести дело Ивана Кострочкина: «были пьяны... держа серебряный рубль в руках, сказал: “Вынъ этого дурака пропьём его... и эту монету”, ругался такими же словами: “Разменяем пропьём раз туда его лишь и этого дурака”» [12, л. 148].

Военная служба также интересовала обвиняемых в Усть-Медведицком округе. Периодически подобные оскорбления имели оба мотива. Так, в деле Никиты Тимофеевича Гордьева встречается следующая информация: «в особенности начал поносить двадцатый полк, говорит (ходили служить за деньги, охотой, людей грабили и плетью засекали) <...> если ты будешь продолжать, то я донесу начальству. Гордьев опять несколько не стеснился, говорит, двадцатый полк требовал антихрист и полк выполнял приказания антихриста, начал скверно материть, бранился по адресу полка и государя и говорил: “Донеси, я никого не боюсь”» [13, л. 151]. Подобные мотивы встречаются в нескольких делах. Основной пик таких заявлений – это период 1904–1905 гг. Так же это происходит и в 1909 г. Не всегда встречается информация о мотивах преступления, но из выявленных причин это критика военной службы и земельный вопрос.

Далее хотелось бы остановиться на делах, которые выбиваются из общего ряда. Основная масса материалов фиксирует преступления, в которых обвиняются мужчины, периодически появляются среди фигурантов и женщины. Так, казачка Анна Петровна Ульянова была обвинена в оскорблении вдовствующей императрицы: «в декабрь месяц прошлого 1905 года в станице Усть-Медведицкой он в чайной услышал между посетителями такой разговор: что в С.-Петербурге составлен заговор на жизнь *государя императора* и что в заговоре этом принимала деятельное участие мать *его величества вдовствующая государыня императрица Мария Федоровна* (выделено нами. – А.С.). По возвращении Васильева в хуторе Средне-Царицынском он в торговой лавке казака Виктора Ульянова в присутствии сторонних лиц рассказывал о слышанном им разговоре в чайной станицы Усть-Медведицкой, в это время в лавку вошла жена Виктора Ульянова, казачка Анна Петровна Ульянова, и выразила оскорбительные слова, относящиеся к *вдовствующей государыни императрице* (выделено нами. – А.С.) “ишь какая б<...> хотела родного сына убить” [14, л. 17]. Данное дело тяжело классифицировать как политическое, скорее это была случайность, но сам факт появления женщины как фигуранта уголовного дела добавляет интерес.

Второй случай, на котором хотелось бы остановиться, – это дело, связанное с объектом оскорбления. Иван Васильевич Кирсанов, казак по происхождению, занимался сбором пожертвований на постройку храма. В одном из домов, куда он пришел в ходе осуществления своей

деятельности, случилось следующее: «увидев портреты русских *царей*, указывая на портрет *почившей государыни императрицы* (выделено нами. – А.С.) Елизаветы Петровны, Кирсанов сказал “это была б<...>, она привезла себе в Россию Орона, дала ему власть, он мучал людей, а когда Елизавета издала, тогда народ свободно вздохнул”» [15, л. 36]. Стоить отметить несколько интересных моментов. Во-первых, это упоминание усопшей императрицы. Большинство оскорблений касалось Николая II, но были и прецеденты оскорблений уже почивших правителей. Во-вторых, это фигура некоего Орона, о котором не удалось найти никакой информации.

Стоит обратить внимание на третью проблему, которую отмечает И. А. Ревин. Весь XIX в. войсковое управление пыталось решить вопрос ограничения общинной крестьянской земли, но также существовал конфликт внутри самого казачества. Имущественное разделение между казачьей аристократией и рядовыми представителями этого сословия также остро волновало современников. Помещичьи владения никак не ограничивались внутри юртов [16, с. 29].

Оппозиционность округа также выделяет А. В. Венков. В мае 1906 г. в ходе станичного сбора казаки отказались от мобилизации второй волны. Подобные события произошли и в ст. Усть-Быстрианской Усть-Медведицкого округа [17, с. 306]. Всё это отсылает нас к проблеме неразрывности двух факторов: земельного вопроса и военной службы. Несмотря на традиционную для казачьего населения повинность, проблема существовала в среде и крестьянства, и военного сословия.

В целом Усть-Медведицкий округ является довольно типичным регионом, основная доля населения – казаки. Сопоставляются данные статистики народонаселения и количество случаев оскорблений. Из особенного: большая часть подобных случаев происходила в окружном центре, такая ситуация повторяется и в других административных единицах ОВД.

Далее перейдем ко Второму Донскому округу. По материалам Памятной книжки, в 1905 г. в нем (вместе со ст. Нижне-Чирской) проживало 248 572 чел., из них – 17 955 крестьян и 208 080 казаков [9, с. 8]. То есть на одного крестьянина приходилось примерно 11 казаков. Отметим в этом округе схожие мотивы оскорблений. Основные их причины в крестьянской среде – земельный вопрос и критика военной службы. Наиболее ярким примером является дело Григория Петровича Чернова: «не помню, какого именно числа, шёл разговор с крестьянином Григорием Петровичем Черновым о службе. Чернов выразился словами такими: “Я б первый убил *царя* (выделено нами. – А.С.) за то, что он нам земли не даёт, а у меня подлежит сын к службе, которого содержать не на что”» [18, л. 3]. Малоземелье было связано с военной службой. Земля ОВД была поделена между казачьим населением еще в конце XVIII – начале XIX в. Крестьяне же расселились позже и страдали от малых размеров своих наделов. Проблема земли возникла в конце XVIII в., а в XIX в. всё усугубилось. Большие миграционные потоки создали условия большей диспропорции в народонаселении ОВД. Как указывает И.А. Ревин, аграрный вопрос стал причиной жестокости со стороны крестьянского и казачьего населения в годы Гражданской войны [16, с. 21]. То есть показатели оскорблений фиксируют эскалацию конфликта, финальной точкой которого будет 1917 г.

Случайные оскорбления часто произносились представителями казачьего населения. Наиболее типичным делом с подобным мотивом является случай, который произошел с Яковом Григорьевичем Крюковым: «в ходе ссоры Крюков высказал: “Я сотру правительство с лица земли”» [19, л. 33].

Также хотелось бы остановиться на нетипичных делах, которые были заведены во Втором Донском округе. Во-первых, это случай, который произошел в станице Иловайской: «жена крестьянина, проживающего в нашем хуторе, Татьяна Ефимовна Малянина со своими подругами, жена урядника Мария Федотовна Авилова и жена казака Варвара Ивановна Попова, распевали революционные песни по улице» [20, л. 20–23]. Подобные дела интересны сразу с нескольких точек зрения. В ходе следствия выяснилось, что сам доносчик казак Степан Иванович Белоногов в ходе застолья оскорбил икону Божьей матери и, чтобы отвести от себя подозрения, первым написал заявление. Нам же любопытны не сами обстоятельства дела, а тот образ, который выдумал заявитель. Ведь, чтобы было заведено дело, нужно придумать такую ситуацию, которая гипотетически могла произойти. Во-вторых, заслуживает внимания дело псаломщика Александра Матвеевича Зимонова, который «назвал в станичном правлении казаков “черносо-

тенцами» [19, л. 42]. Интересно то, что в данном деле объект оскорбления не является монаршей особой.

Несмотря на численный перевес казаков, оскорблений с их стороны намного меньше, чем со стороны крестьян. Объяснить, почему этот регион лидирует по количеству оскорблений, можно следующим образом. Во-первых, Второй Донской округ является второй по величине административной единицей в ОВД. Значительная доля сельского населения способствует эскалации конфликта, связанного с земельной проблемой. Большинство оскорблений приходится на небольшие станицы, что говорит нам о рассредоточенности очагов преступлений. Во-вторых, Второй Донской округ так же, как и Усть-Медведицкий, является казачьей территориальной единицей. Соответственно, на первый план выходит конфликт, связанный с имущественным расслоением как среди казачества, так и между сословиями. Данный регион демонстрирует проблему, которая усугубляется соотношением жителей с разным статусом.

Рассмотрим центральный округ ОВД – Черкасский, в нем находились два крупных города – столица донского казачества Новочеркасск и Александровск-Грушевский. По переписи 1897 г., в округе проживало 163 539 чел., из них – 25 996 крестьян и 74 300 казаков. То есть на одного крестьянина приходилось по 2 казака [9, с. 8].

В Черкасском округе большинство случаев тоже зафиксировано в крестьянской среде. Основные мотивы, как и в других округах, – земельный вопрос и критика военной службы. Причём последняя причина встречается среди риторики и казачьего населения. Так, в деле казака Василия Назаровича Назарова говорится следующее: «в 10 часов вечера в 6-е управление 2-го участка доставлен из угла Ермолаевского проспекта и Мариинской улицы неизвестного звания человек в нетрезвом виде, который, подойдя к постовому полицейскому 2-го участка Попову, начал спрашивать его, из какой он станицы, полицейский на все вопросы ему отвечал, но в конце концов предупредил его, как нетрезвого, удалиться за угол, в противном случае будет взят в участок, незванный человек сказал, что “я вас не боюсь, у меня 3 сына, которых *государь* (выделено нами. – А.С.) взял на службу, мать его такую, я пойду его зарежу”, слова эти повторил 3 раза» [19, л. 953]. Подобный мотив был не чужд и традиционному военному сословию.

Из особенных дел хотелось бы выделить материалы по обвинению казака Василия Андреевича Канашейцева: «выпивая в доме казака Ивана Фирсова на хуторе Платовском той же станицы, в споре произнес оскорбительные выражения против *особы императорской фамилии* (выделено нами. – А.С.) и выразился: “Иоанн Грозный разве нам царь, не царь, а черт, на нем была и чертова голова, а Николка разве царь, дурень, а не царь, не может справиться с Россией, поморит нас всех и нас казаков без земли”» [14, л. 7]. Это очень интересный сюжет, так как, чтобы совершить подобное преступление, нужно обладать минимальным уровнем образования. Совершенно не ясно, в чем же точная причина негодования, но сам факт упоминания столь давно почившего монарха ярко выделяет это дело на фоне остальных.

Отметим, что более 65 % преступлений произошли не в городах, а в станицах Черкасского округа. Это одна из главных особенностей ситуации, связанной с оскорблением монаршей особы в ОВД.

Далее остановимся на Донецком округе. По материалам Памятной книжки, в 1905 г. здесь проживало 545 912 чел., из них – 183 311 крестьян и 277 522 казака [9, с. 8]. Соотношение казаков и крестьян было примерно равным.

В Донецком округе наблюдается значительный перевес в количестве оскорблений со стороны крестьянского сословия. Основные причины, как и в предыдущих округах, – земельный вопрос и критика военной службы. Среди обвиняемых встречаются представители политических партий. Так, в деле крестьянина Прокофия Александровича Ивлева говорится следующее: «в посёлке Верхне-Греков во время молотбы общественного хлеба парового машинного, которая находится в компании у него и известного своего вредного проправительственного обстоятельного Любомира Сербича, живущего в хуторе Боковом Еланской станицы, в присутствии местных крестьян публично порицал православное духовенство, называют его дармоедами и в доме крестьянина Трифона Чумаченко восхвалял партию социалистов и её порядки, внушая крестьянам, что вообще порядки социалистов лучше, чем порядки настоящего правительства, и что порядки последнего нехорошие, говорят, такие, что крестное знамя одно лишь старьё, затем

запивал революционные песни и Марсельезу, вообще рисовался перед крестьянами борцом за свободу» [21, л. 1–4].

Обратимся к Хоперскому округу. По материалам Памятной книжки, в 1905 г. в округе проживало 276 416 чел., из них – 26 855 крестьян и 207 737 казаков. То есть на каждого крестьянина приходилось примерно по 7 казаков. В данном регионе количество оскорблений среди казаков было больше, чем от других сословий. Такие показатели можно с трудом назвать объективными, так как немалая часть информации в делах не сохранилась. Очень важно отметить, что большая часть оскорблений в этом округе классифицируются как случайные.

Первый Донской, Сальский и Ростовский округа, к сожалению, обладают малой репрезентативной базой, поэтому на данном этапе рассматривать их было бы неэффективно. Но даже незначительное количество зафиксированных оскорблений является неким показателем.

Рассмотрим диаграмму, посвященную всей ОВД (рис. 3).

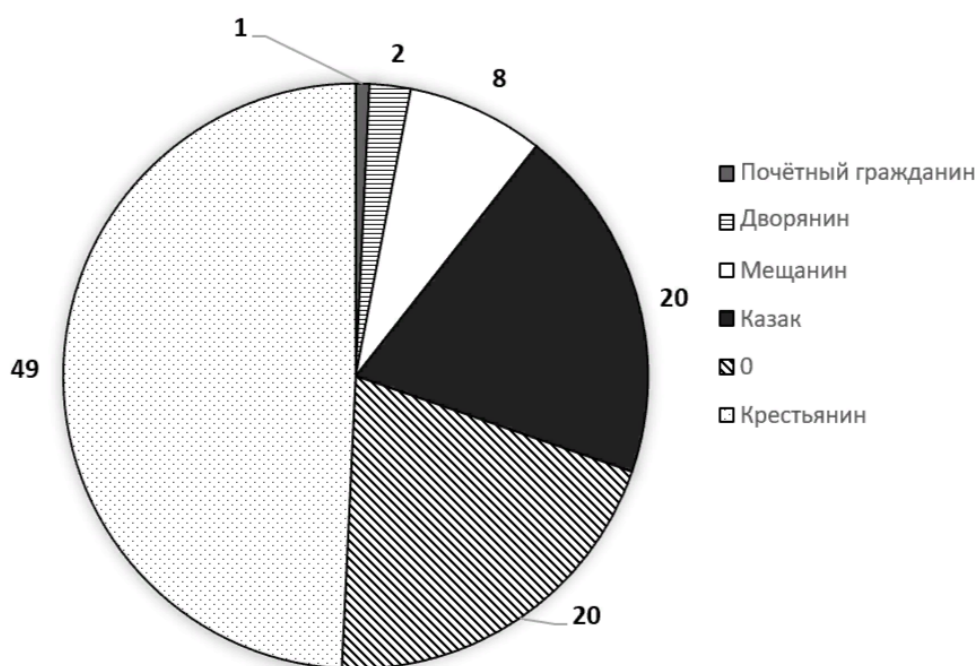

Рис. 3. Распределение случаев оскорбления императорской фамилии по сословиям, %
/ Fig. 3. Percentage of cases of insult to the imperial family by class

Анализ данных лишь подтверждает тезис Б. И. Колоницкого: «за оскорбления императорской фамилии к уголовной ответственности привлекались преимущественно поденщики, горнорабочие и главным образом лица, которые занимались сельским трудом» [3, с. 45]. Исходя из этого, стоит остановиться на особенностях географии оскорблений в ОВД. Так, наиболее значимым выводом является то, что в основном оскорбления происходили не в крупных станицах или городах, а в хуторах, слободах и т. д. Это можно подтвердить количеством таких случаев в самом маленьком по площади Ростовском округе. На данной территории ОВД большая часть населения проживает в городах, и здесь не фиксируется всплеск оскорблений, что говорит нам о сельском характере преступлений. Здесь нужно обратить внимание не только на уровень образования, но и на практику доносительства, ведь, несмотря на компактное проживание, дела возбуждались в основном по доносам.

Большее количество преступлений происходит в крестьянской среде, кроме Усть-Медведицкого и Хоперского округов. Это говорит нам об особенностях локализации мест преступления. Именно на севере, в двух соседствующих округах, фиксируется нетипичное соотношение оскорблений со стороны казачьего населения. Часто в подобных случаях всплеск приходится на 1905 г. Объяснить это можно особенностями уклада верховых казаков. На данную проблему указывает А. П. Сатарова. Казачье население северной части ОВД было более бед-

ным в сравнении с южанами. Как пишет А. П. Сатарова, «промышленный, ремесленный, рыболовный, торговый секторы экономики не имели здесь такого значения, как в низовых округах Дона. Следовательно, и привилегии для их работы не имели особой важности. Реки Хопер и Медведица были значительно беднее рыбой, нежели Дон. Промышленность в основном составляли предприятия, имевшие непосредственное отношение к сельскому хозяйству» [4, с. 174], а уклад крестьян и казаков не сильно различался. В дополнение к вроде равному положению казаки были обязаны появляться на сборах, причем снаряжение они должны были покупать за собственные средства. Все это нам говорит о специфике локализации оскорблений с точки зрения не только социального состава, но и климатических условий хозяйствования.

Список источников

1. Новое уголовное уложение, высочайше утвержденное 22 марта 1903 г. СПб.: Изд. Каменноостровского юрид. книжн. магазина В. П. Анисимова, 1903. 257 с.
2. Памятная книжка Области войска Донского на 1907 год. Новочеркасск: Обл. В.Д. стат. ком., 1866–1916. 622 с.
3. Колоницкий Б. И. «Трагическая эротика»: образ императорской семьи в годы Первой мировой войны. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 664 с.
4. Сатарова А. П. Хоперский и Усть-Медведицкий округа в мирный период Гражданской войны (февраль 1917-го – апрель 1918 г.) // Изв. Волгоградского гос. пед. ун-та. Серия : Педагогические науки. Филологические науки. Исторические науки и археология. 2016. № 9–10 (113). С. 173–179.
5. Изюмский А.Б. Оскорбление высочайших особ в Области войска Донского (по материалам ГАРО) // Архивы и архивное дело на Юге России : материалы II Всерос. науч. конф. Ростов н/Д.: Изд-во ЮФУ, 2023. С. 90–96.
6. Волвенко А.А. Донское казачество позднеимперской эпохи. Земля. Служба. Власть. 2-я половина XIX в. – начало XX в. М.: Центрполиграф, 2018. 224 с.
7. Тикиджьян Р.Г. Казачество и неказачье население Дона: становление, этносоциальный состав и проблемы взаимоотношений // Возрождение казачества: история и современность : сб. науч. ст. к V Всерос. (Междунар.) науч. конф. Новочеркасск, 1995. С. 64–75.
8. Полное собрание законов Российской империи. 3-е собр. СПб., 1889. Т. 7, № 4466. С. 234.
9. Памятная книжка Области войска Донского на 1905 год. Новочеркасск: Обл. В.Д. стат. ком., 1866–1916. 612 с.
10. Коломейцева М. А. Особенности складывания и динамика численности крестьянского населения на Дону во второй половине XIX – начале XX века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 5 (67). С. 108–112.
11. Статистика землевладения. 1905 год. Вып. XLXI Области войска Донского. СПб.: Центральная типография Н.Я. Минкова, 1906. 51 с.
12. Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. 829. Оп. 1. Д. 23.
13. ГАРО. Ф. 829. Оп. 1. Д. 183.
14. ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 3438.
15. ГАРО. Ф. 829. Оп. 1. Д. 326.
16. Ревин И.А. Истоки аграрного противостояния казаков и крестьян на Дону // Новый ист. вестн. 2009. № 1(19). С. 20–30.
17. История донского казачества: учебник / под ред. А. В. Венкова. Ростов н/Д.: Изд-во ЮФУ, 2008. 464 с.
18. ГАРО. Ф. 829. Оп. 1. Д. 85.
19. ГАРО. Ф. 829. Оп. 1. Д. 99.
20. ГАРО. Ф. 829. Оп. 1. Д. 120.
21. ГАРО. Ф. 829. Оп. 1. Д. 191.

References

1. *The new Criminal Code, most highly approved on March 22, 1903.* St. Petersburg: Edition of the Kammennoostrovsky legal bookstore of V.P. Anisimov; 1903. 257 p. (In Russ.).
2. *Commemorative book of the Don Army Region for 1907.* Novochoerkassk: Statistical Committee of the Don Army Region Press; 1866-1916. 622 p. (In Russ.).
3. Kolonitsky B.I. "Tragic erotica": the image of the imperial family during the First World War. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ.; 2010. 664 p. (In Russ.).
4. Satarova A.P. Khopersky and Ust'-Medveditsky districts in the peaceful period of the Civil War (February 1917 - April 1918). *Izv. Volgogradskogo gos. ped. un-ta. Seriya : Pedagogicheskie nauki. Filologicheskie nauki.*

nauki. Istoricheskie nauki i arkeologiya = Proceedings of the Volgograd State Pedagogical University. Series: Pedagogical Sciences. Philological sciences. Historical Sciences and Archaeology. 2016;(9-10):173-179. (In Russ.).

5. Izyumsky A.B. Insult to the highest persons in the Don Army Region (based on materials from SARR). *Archives and archival work in the South of Russia: Materials of the II All-Russian Scientific Conference.* Rostov-on-Don: Southern Federal University Press; 2023:90-96. (In Russ.).

6. Volvenko A.A. *Don Cossacks of the late imperial era. Earth. Service. Power. 2nd half of the 19th century - beginning of the 20th century.* Moscow: Tsentrpoligraf Publ.; 2018. 224 p. (In Russ.).

7. Tikij`yan R.G. The Cossacks and the non-Cossack population of the Don: formation, ethnosocial composition and problems of interaction. *The revival of the Cossacks: history and modernity.* Collection of scientific articles for the 5th All-Russian (International) Scientific Conference. Novocherkassk, 1995:64-75. (In Russ.).

8. *The complete collection of laws of the Russian Empire.* Collection 3. St. Petersburg, 1889;7(4466):234. (In Russ.).

9. Commemorative book of the Don Army Region for 1905. Novocherkassk: Statistical Committee of the Don Army Region Press; 1866-1916. 612 p. (In Russ.).

10. Kolomeitseva M.A. Features of the formation and dynamics of the peasant population on the Don in the second half of the 19th - early 20th century. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki = Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Art History. Questions of Theory and Practice.* 2016;(5):108-112. (In Russ.).

11. *Statistics of land ownership in 1905. Graduate 49, Don Army Region.* St. Petersburg: Central Printing House of N.Ya. Minkov; 1906. 51 p. (In Russ.).

12. *State Archive of the Rostov Region (SARR).* Fund 829. In. 1. File 23. (In Russ.).

13. *SARR.* Fund 829. In. 1. File 183. (In Russ.).

14. *SARR.* Fund 46. In. 1. File 3438. (In Russ.).

15. *SARR.* Fund 829. In. 1. File 326. (In Russ.).

16. Revin I.A. The origins of the agrarian confrontation between Cossacks and peasants on the Don. *Novyi istorichesky vestnik = New Historical Bulletin.* 2009;(1):20-30. (In Russ.).

17. Venkov A.V., ed. *The history of the Don Cossacks.* Rostov-on-Don: Rostov University Press; 2008. 464 p. (In Russ.).

18. *SARR.* Fund 829. In. 1. File 85. (In Russ.).

19. *SARR.* Fund 829. In. 1. File 99. (In Russ.).

20. *SARR.* Fund 829. In. 1. File 120. (In Russ.).

21. *SARR.* Fund 829. In. 1. File 191. (In Russ.).

Информация об авторе

A.S. Слепцов – магистрант, Институт истории и международных отношений.

Information about the author

A.S. Sleptsov – Master Student, Institute of History and International Relations.

Статья поступила в редакцию 20.02.2024; одобрена после рецензирования 26.02.2024; принята к публикации 12.03.2024.

The article was submitted 20.02.2024; approved after reviewing 26.02.2024; accepted for publication 12.03.2024.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ ECONOMIC SCIENCE

Научная статья
УДК 336.5, 336.6, 658.15
doi: 10.18522/2687-0770-2024-1-84-97

ИНСТРУМЕНТЫ ФИНАНСОВОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ТРАНСФЕРА

Марина Александровна Боровская¹, Марина Анатольевна Масыч^{2✉},
Татьяна Викторовна Федосова³

^{1,2,3} Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

¹ bma@sfedu.ru

² mamasych@sfedu.ru ✉

³ tvfedosova@sfedu.ru

Аннотация. Рассматриваются вопросы применения инструментов финансового обеспечения технологического предпринимательства со стороны как университета, реализующего акселерационные программы поддержки научно-технических проектов, так и команды проекта, разрабатывающей стартап со стадии идеи. Выявляются особенности финансирования научно-технологического трансфера и выделяются направления применения финансовых инструментов в сфере технологического предпринимательства. Предлагается обзор научных источников по проблемам финансирования научно-технологического трансфера, дается оценка состоянию нормативно-правовой базы обеспечения научно-технологического трансфера, ставятся вопросы поиска финансового обеспечения технологического предпринимательства со стороны университета, использования финансовых инструментов для привлечения частного капитала, а также определяется вариант их решения. Методы исследования: библиографический при выполнении литературного обзора, статистический анализ на основе использования данных Росстата РФ, анализ и синтез предметной области – финансового обеспечения научно-технического трансфера – и визуализация полученных данных графическими методами. Предложены вариант модификации финансовой модели университета, структуризация уровней готовности инвестиционного проекта технологического предпринимательства, подбор финансовых инструментов продвижения проекта на разных стадиях готовности.

Ключевые слова: научно-технологический трансфер, финансовое взаимодействие, финансовые инструменты, наука и образование, технологическое предпринимательство, стартап-проект, ассоциация вузов, частный капитал

Для цитирования: Боровская М.А., Масыч М.А., Федосова Т.В. Инструменты финансового сопровождения научно-технологического трансфера // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2024. № 1. С. 84–97.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

FINANCIAL SUPPORT TOOLS FOR SCIENTIFIC AND TECHNOLOGICAL TRANSFER

Marina A. Borovskaya¹, Marina A. Masych^{2✉}, Tatyana V. Fedosova³
Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

¹ bma@sfedu.ru

² mamasych@sfedu.ru✉

³ tvfedosova@sfedu.ru

Abstract. The issues of using financial support tools for technological entrepreneurship, both on the part of the university implementing acceleration programs to support scientific and technical projects, and on the part of the project team developing a startup from the idea stage are considered. The purpose of the study is to identify the specifics of financing scientific and technological transfer and identify areas of application of financial instruments in the field of technological entrepreneurship based on the analysis of sources of scientific literature and foreign practice. The objectives of the study are a review of scientific sources on the problems of financing scientific and technological transfer; assessment of the state of the regulatory framework for ensuring scientific and technological transfer; setting the problem of finding financial support for technological entrepreneurship from the university, using financial instruments to attract private capital, as well as determining the solution to it. The research methods were the bibliographic method for performing a literature review, statistical analysis based on the use of data from Rosstat of the Russian Federation, analysis, and synthesis of the subject area – financial support for scientific and technical transfer and visualization of the data obtained by graphical methods. The option for modifying the financial model of the university, structuring the levels of readiness of the investment project for technological entrepreneurship, selection of financial instruments for promoting the project at different stages of readiness are proposed.

Keywords: scientific and technological transfer, financial interaction, financial instruments, science and education, technological entrepreneurship, startup project, association of universities, private capital

For citation: Borovskaya M.A., Masych M.A., Fedosova T.V. Financial Support Tools for Scientific and Technological Transfer. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2024;(1):84-97. (In Russ.).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Современное состояние исследований в области финансирования научно-технологического трансфера

Актуализация вопросов технологического суверенитета выводит на передний план развитие науки и образования, что не может происходить без формирования и развития инструментов финансирования этих направлений, в том числе научно-технологического трансфера.

Многие отечественные и зарубежные ученые исследуют проблемы финансирования научно-технологического трансфера на различных уровнях и с разных точек зрения, в том числе акцентируя внимание как на отдельных инструментах, так и на механизмах финансирования.

Например, анализируется получивший распространение в последнее время механизм проектного финансирования [1]. Авторы приводят его положительные и отрицательные стороны, сравнивают с прямым финансированием (премированием) отдельных исследователей и делают заключение, что проектное финансирование ограничивает возможности его использования учеными и может привести к получению меньшего эффекта по сравнению с премированием.

Сегодня зачастую акцентируется внимание на том, что финансовая поддержка исследовательской деятельности сокращается и научным работникам все сложнее прогнозировать темпы развития работ [2]. Это приводит к необходимости разрабатывать стратегии финансирования своих исследований путем комбинирования нескольких инструментов, в том числе обращаясь к внутренним источникам финансирования в университете [3, 4].

Есть также мнение, что развивающаяся система финансирования, появление новых инструментов загоняют в рамки самих исследователей и научные коллективы, потому что каждый из таких инструментов имеет определенные требования и к получению финансирования, и к результату, устанавливая некие рамки, что ограничивает возможность проведения индивидуальных изысканий [2].

Ряд научных работ посвящен финансированию на основе результата [5–7], что повлияло и на отношение университетов к проводимым исследованиям как репутационному компоненту [8]. Важное место в финансировании занимает сотрудничество университетов с бизнес-партнерами, однако отношение к такому финансированию сложилось неоднозначное. Изыскания по заказу

реального сектора чаще имеют прикладной характер [9], что может, с одной стороны, повлиять на развитие фундаментальной науки, а с другой – замедлить распространение результатов таких исследований из-за их секретности и передачи прав заказчику [10, 11].

В [12] проведен анализ финансирования науки и образования с учетом мирового и отечественного опыта, предложено концептуальное наполнение отраслевых стратегий развития науки и образования на разных уровнях экономики и уточнен финансовый инструментарий для их обеспечения.

Р. А. Аландаров, К. О. Тархановский рассматривают подходы к финансированию научно-исследовательских работ и опытно-конструкторских разработок, такие как ньютоновский, бэконовский и джефферсонский, используемые в странах Западной Европы и Азии, и обосновывают применимость одного из них к российским реалиям, а именно джефферсонского подхода, в основе которого лежит «равномерное распределение финансовых ресурсов по видам НИР внутри приоритетных направлений научного развития отраслей хозяйства. Источники финансирования НИР также распределены равномерно, при этом бюджетное финансирование, как правило, направляется на фундаментальные и некоторые виды прикладных научных исследований, а внебюджетные источники – на прикладные научные исследования и экспериментальные разработки» [13, с. 172].

Цель исследования состоит в том, чтобы на основе анализа источников научной литературы, зарубежной практики выявить особенности финансирования научно-технологического трансфера и выделить направления применения финансовых инструментов в сфере технологического предпринимательства.

Задачами выступают:

- обзор научных источников по проблемам финансирования научно-технологического трансфера;
- оценка состояния нормативно-правовой базы обеспечения научно-технологического трансфера;
- постановка проблемы поиска финансового обеспечения технологического предпринимательства со стороны университета, использования финансовых инструментов для привлечения частного капитала, а также определение варианта ее решения.

Методами исследования стали библиографический метод при выполнении литературного обзора, статистический анализ на основе использования данных Росстата РФ, анализ и синтез предметной области – финансового обеспечения научно-технического трансфера – и визуализация полученных данных графическими методами.

Приоритеты социально-экономического развития страны в научно-исследовательской сфере

Приоритетность и актуальность научно-исследовательского вектора социально-экономического развития страны активно обсуждаются уже не один год и заявляются как приоритетное направление практически во всех федеральных документах. Так, например, в Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации (утверждена Указом Президента Российской Федерации от 01.12.2016 № 642) заявлено, что под «научно-технологическим развитием Российской Федерации понимается трансформация науки и технологий в ключевой фактор развития России и обеспечения способности страны эффективно отвечать на большие вызовы».

Целью национального проекта «Наука и университеты» (паспорт национального проекта утверждён решением президиума Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам 24.12.2018) выступает «обеспечение присутствия Российской Федерации в числе пяти ведущих стран мира, осуществляющих научные исследования и разработки в областях, определяемых приоритетами научно-технологического развития, обеспечение привлекательности работы в Российской Федерации для ведущих российских и зарубежных ученых и молодых перспективных исследователей, увеличение внутренних затрат на научные исследования и разработки». Основные программные мероприятия и инициативы национального проекта представлены в таблице.

**Основные инициативы национального проекта «Наука и университеты»
 / Main initiatives of the National project “Science and universities”**

Инициатива	Документ
Программа «Приоритет-2030»	Постановление Правительства Российской Федерации от 13.05.2021 № 729 «О мерах по реализации программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030»
Поддержка научно-образовательных и научных центров мирового уровня	Постановление Правительства Российской Федерации от 30.04.2019 № 537 «О мерах государственной поддержки научно-образовательных центров мирового уровня на основе интеграции образовательных организаций высшего образования и научных организаций и их кооперации с организациями, действующими в реальном секторе экономики» Постановление Правительства Российской Федерации от 30.04.2019 № 538 «О мерах государственной поддержки создания и развития научных центров мирового уровня»
Реализация проектов Национальной технологической инициативы	Постановление Правительства Российской Федерации от 18.04.2016 № 317 «О реализации Национальной технологической инициативы»
Реализация комплексных научно-технических программ и проектов	Постановление Правительства Российской Федерации от 19.02.2019 № 162 «Об утверждении Правил разработки, утверждения, реализации, корректировки и завершения комплексных научно-технических программ полного инновационного цикла и комплексных научно-технических проектов полного инновационного цикла в целях обеспечения реализации приоритетов научно-технологического развития Российской Федерации»
Создание кампусов мирового уровня	Постановление Правительства Российской Федерации от 28.07.2021 № 1268 «О реализации проекта по созданию инновационной образовательной среды (кампусов) с применением механизмов государственно-частного партнерства и концессионных соглашений в рамках федерального проекта “Развитие инфраструктуры для научных исследований и подготовки кадров” национального проекта “Наука и университеты”»
Обновление приборной базы ведущих организаций	Постановление Правительства Российской Федерации от 27.12.2019 № 1875 «Об утверждении Правил предоставления грантов в форме субсидий из федерального бюджета на реализацию мероприятий, направленных на обновление приборной базы ведущих организаций, выполняющих научные исследования и разработки, в рамках федерального проекта “Развитие передовой инфраструктуры для проведения исследований и разработок в Российской Федерации” национального проекта “Наука”»
Специализированные учебные научные центры	Постановление Правительства Российской Федерации от 08.05.2019 № 575 «Об утверждении Правил предоставления грантов в форме субсидий из федерального бюджета на развитие сети специализированных учебных научных центров по начальной подготовке высококвалифицированных кадров для инновационного развития России»
Передовые инженерные школы	Постановление Правительства Российской Федерации от 08.04.2022 № 619 «О мерах государственной поддержки программ развития передовых инженерных школ»
Инжиниринговые центры	Постановление Правительства Российской Федерации от 01.08.2020 № 1156 «Об утверждении Правил предоставления грантов в форме субсидий из федерального бюджета на реализацию проектов по созданию и развитию инжиниринговых центров на базе образовательных организаций высшего образования и научных организаций»
Технологическое предпринимательство в вузах	Постановление Правительства Российской Федерации от 15.06.2022 № 1085 «О предоставлении субсидии из федерального бюджета автономной некоммерческой организации “Платформа Национальной технологической инициативы” в целях организации акселерационных программ поддержки проектных команд и студенческих инициатив для формирования инновационных продуктов в рамках реализации федерального проекта “Платформа университетского технологического предпринимательства” государственной программы Российской Федерации “Научно-технологическое развитие Российской Федерации”»
Университетские «стартап-студии»	Постановление Правительства Российской Федерации от 08.07.2022 № 1225 «Об утверждении Правил предоставления субсидий из федерального бюджета Фонду инфраструктурных и образовательных программ в целях создания и поддержки инструментов университетского венчурного строительства (университетские «стартап-студии»), а также на финансовое обеспечение затрат, связанных с выполнением возложенных на него функций по организации мероприятий по популяризации федерального проекта»

Окончание таблицы

Инициатива	Документ
Гранты на популяризацию науки	Постановление Правительства Российской Федерации от 30.11.2022 № 2184 «Об утверждении Правил предоставления грантов в форме субсидий из федерального бюджета на поддержку проектов авторов и команд авторов, направленных на освещение вопросов науки и технологий по тематикам приоритетных направлений Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации», Постановление Правительства Российской Федерации от 30.11.2022 № 2185 «Об утверждении Правил предоставления грантов в форме субсидий из федерального бюджета на организацию и проведение научно-популярных мероприятий для широкой аудитории»

Проведем статистический анализ показателей финансирования развития научных исследований в России с целью подтверждения необходимости развития науки для достижения как технологического суверенитета, так и конкурентных позиций страны на мировой арене.

При рассмотрении внутренних затрат на научные исследования и разработки в целом по Российской Федерации (рис. 1) можно отметить положительный тренд на протяжении всего рассматриваемого периода в абсолютных показателях. Если взять относительные показатели (% к валовому внутреннему продукту), то ситуация представляется не такой стабильной, есть частные колебания данного показателя с 2000 по 2022 г. Так, в 2021 и 2022 гг. по сравнению с 2020 и 2021 гг., соответственно, данный показатель снизился на 9 % в первом случае и на 6 % – во втором. Максимальное значение данного показателя можно наблюдать в 2003 г. – 1,29 % к ВВП и в 2009 г. – 1,25 % к ВВП.

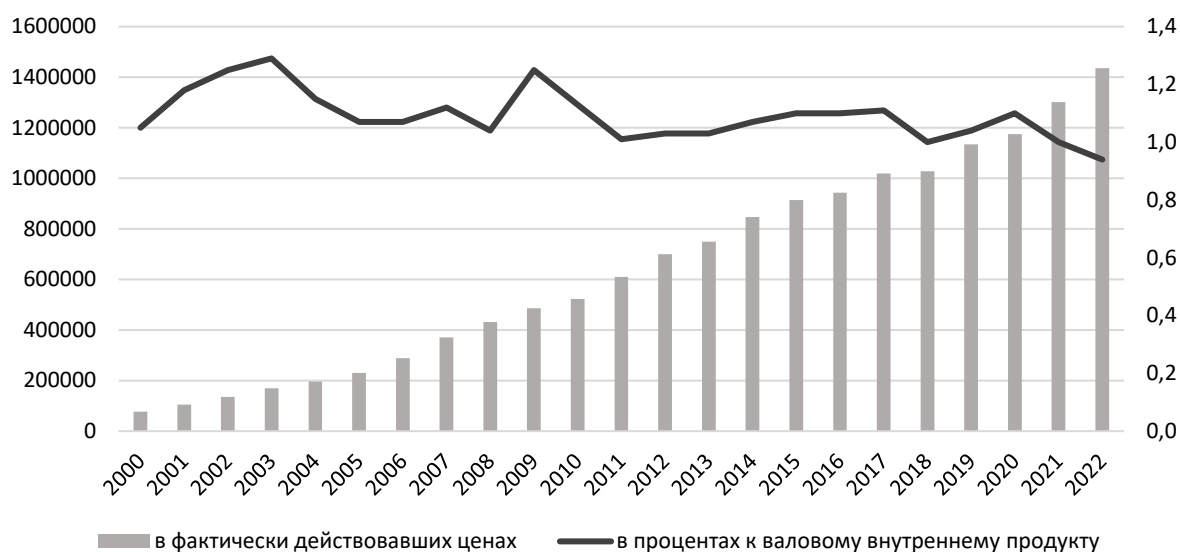

Рис. 1. Внутренние затраты на научные исследования и разработки по Российской Федерации, млн руб. (составлено по [14]) / Fig. 1. Internal research and development costs in the Russian Federation, million rubles (Compiled by [14])

На рис. 2 представлены данные по финансированию науки из средств федерального бюджета. Как можно заметить, активный рост финансирования науки начался с 2005 г. Максимальные размеры наблюдались с 2020 по 2022 г., соответственно, в целом по финансированию гражданской науки – 549 602,2; 626 574,3 и 631 701,6 млн руб. Такая же тенденция наблюдалась и отдельно по фундаментальной и прикладной науке. В 2016 и 2017 гг. зафиксировано довольно резкое сокращение финансирования в целом до 402 722,3 и 377 882,2 млн руб. соответственно.

Однако по фундаментальным исследованиям в 2016 г. наблюдается сокращение со 120 203,8 млн руб. в 2015 г. до 105 247,6 млн руб. в 2016 г., а в 2017 г. снова рост до 116 977,6 млн руб. В 2018 г. ситуация изменилась, наблюдается рост финансирования как в целом по гражданской науке на 7,8 %, так и по фундаментальной науке – на 27,9 %, только по прикладным исследованиям отмечен

незначительный спад – на 1,2 %. Это связано в первую очередь с началом реализации национальных проектов, которые во главу угла ставят развитие фундаментальной науки в стране.

Анализируя внутренние затраты на исследования и разработки по источникам финансирования (рис. 3), видим, что порядка 70 % – средства государства, однако наблюдается тренд на сокращение государственных затрат с 70,3 в 2010 г. до 67,5 % в 2021 г. В то же время средства предпринимательского сектора имеют незначительный рост: от 25,5 в 2010 г. до 29 % в 2021 г.

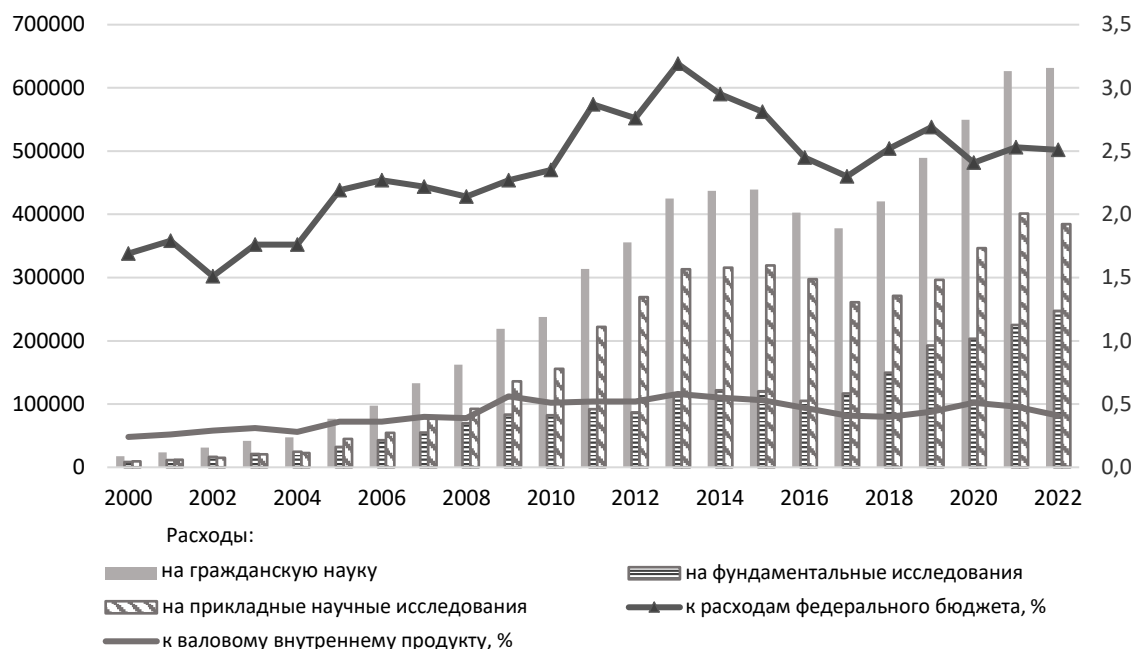

Рис. 2. Финансирование науки из средств федерального бюджета, млн руб. (составлено по [14])
 / Fig. 2. Financing of science from the federal budget, million rubles (Compiled by [14])

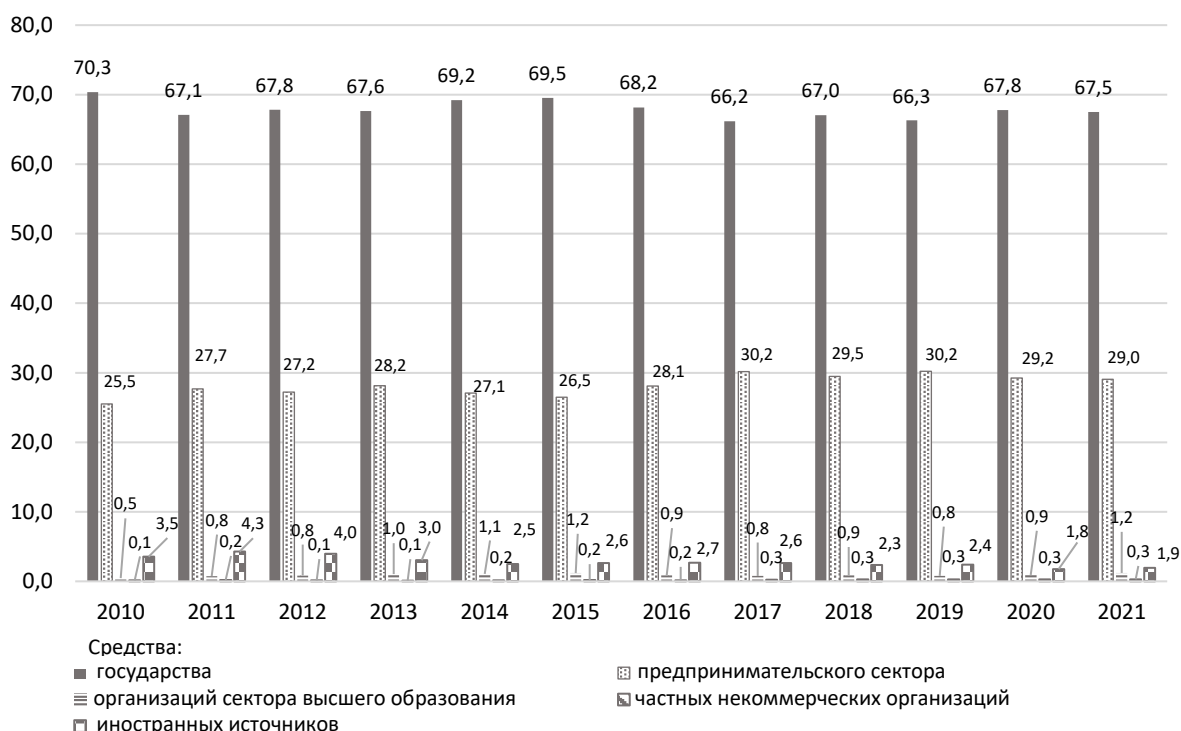

Рис. 3. Внутренние затраты на исследования и разработки по источникам финансирования, % (составлено по [15])
 / Fig. 3. Internal research and development costs by funding sources, % (Compiled by [15])

Что касается видов конкурсного финансирования (рис. 4), то основную долю занимают субсидии бюджета на финансовое обеспечение выполнения государственного задания (53 %), затем идут субсидии бюджета на выполнение НИР и/или ОКР (17,8 %), на третьем месте – гранты фондов поддержки научной, научно-технической и инновационной деятельности (10,5 %).

Рис. 4. Внутренние затраты на исследования и разработки, выполненные за счет субсидий, грантов, конкурсного финансирования, в 2021 г., млн руб. (составлено по [15]) / Fig. 4. Internal costs of research and development carried out through subsidies, grants, competitive financing, according to sources, 2021, million rubles (Compiled by [15])

Проведенный статистический анализ и выявленные тенденции увеличения финансирования науки, а также привлечение частных инвестиций в этот сектор говорят о том, что развитие научно-исследовательской и опытно-конструкторской деятельности является одним из приоритетов правительства. Также актуализируется необходимость развития научно-технологического предпринимательства с целью повышения коммерциализации разработок и их трансфера в реальный сектор экономики.

Тенденции, проявляющиеся при создании передовых инженерных школ, инжиниринговых центров, активизируют технологическое предпринимательство в вузах, способствуют росту университетских «стартап-студий», одновременно ставя задачи финансового обеспечения данного процесса и поиска инструментов финансового взаимодействия заинтересованных сторон в научно-технологической сфере.

Постановка исследовательских задач и их обоснование

Развитие технологического предпринимательства в университетской среде определяется следующими взаимосвязанными и пока нерешенными задачами. Очевидно, что государственные проекты конечны и не могут закрыть все потребности в финансировании науки в целом и в студенческом технологическом предпринимательстве в частности. Государство ожидает пролонгированного эффекта от реализации национального проекта, формируя показатели, достигнуть которые вузам следует в последующие годы.

Задача финансового обеспечения технологического предпринимательства со стороны университетов. Для университетов страны важным является создание таких условий развития, которые обеспечивают вузу финансовую устойчивость и возрастающий свободный денежный поток, что влечет модернизацию существующей финансовой модели университета. Суть модернизации заключается в диверсификации источников доходов, усилении гибкости в управлении финансами за счет повышения конкурентоспособности университета в приоритетных областях научно-исследовательской и образовательной деятельности, диверсификации научных направлений, расширении числа индустриальных партнеров, коммерциализации результатов интеллектуальной

деятельности, а также в росте платных образовательных услуг, включая программы ДПО, создании центров коллективного пользования, развития эндаумент-фонда. Финансовый интерес университета и цель создания возрастающего объема внебюджетных средств отражены в следующем: во-первых, реинвестировать в развитие университета, обеспечить гибкость и достойный уровень независимости от внешних условий и факторов, влияющих на финансовую устойчивость университета; во-вторых, сформировать внутренние инвестиционные фонды развития, которые позволят университету осуществлять поддержку проектов в сфере технологического предпринимательства через систему внутренних грантов. Задача финансового обеспечения технологического предпринимательства со стороны университета модифицирует традиционную финансовую модель университета, вводя в её состав следующий элемент (рис. 5).

Рис. 5. Элемент финансовой модели университета / Fig. 5. An element of the university's financial model

Модернизации финансовой модели университета посвящен ряд работ. Например, Н. И. Скворцовым, Н. С. Павловым, В. Г. Ермиловым выполнен анализ российских и западных моделей с выделением бюджетной, смешанной и рыночной моделей финансирования высших учебных заведений: «цели государства и общества определяют дизайн моделей финансирования системы высшего образования» [16].

Самоокупаемость обеспечивается регулярным получением дохода от стартап-проектов, получивших развитие и реализовавшихся на рынке, и цикличным характером. Статистика выживаемости стартап-проектов низкая, как и получение доходов от них. Рассматривается вариант привлечения финансирования с отсрочкой возврата или использованием не денежного возврата, а НИОКР, обучения специалистов, т.е. передача и трансформирование иных ресурсов.

Задача поддержки и продвижения проектов в сфере технологического предпринимательства университета и ее финансовая обеспеченность. Опыт проведения акселерационных программ поддержки проектных команд и студенческих инициатив для формирования инновационных продуктов, реализуемых в соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации от 15.06.2022 № 1085 «О предоставлении субсидии из федерального бюджета автономной некоммерческой организации «Платформа Национальной технологической инициативы»» показал, что продвижение проекта требует целого комплекса работ для достижения определенного уровня готовности (рис. 6).

Работа с командами проекта: уровни готовности

Рис. 6. Подготовка проекта по уровням готовности к реализации / Fig. 6. Preparation of the project according to the levels of readiness for implementation

Данную поддержку способны оказать квалифицированные сотрудники вуза, на постоянной основе занимающиеся профильной деятельностью в области экономики, финансов, маркетинга и юриспруденции, с привлечением экспертов в предметной научной области. «Использование методологии TRL позволяет учесть особенности финансирования разработки технологий на разных этапах и сократить сроки вывода новых высокотехнологичных продуктов на рынок» [17], однако на этапе акселерации проектов и с командами, состоящими из студентов, её применение затруднительно и может быть упрощено. Итак, подготовка включает три уровня: проработка проекта, информационная и инфраструктурная поддержка и продвижение проекта и содействие коммерциализации. Каждый уровень разбит на два подуровня, представляет собой определенный объем работы, например проработка стратегии в отношении возникающих прав на объекты интеллектуальной собственности (ИС) и другие аспекты управления ИС, маркетинговое обоснование проекта и т. д. Финансовое обеспечение выполнения обозначенных работ в настоящее время производится за счет грантов, собственных средств у университетов нет. Ведение проекта по уровням готовности к реализации полностью силами университета представляет собой нереальную задачу и требует привлечения ресурсов сторонних вузов, бизнес-структур и других заинтересованных лиц, партнёров.

В свете такого целенаправленного взаимодействия новые модели финансирования науки могут включать создание партнерских отношений между университетами, компаниями, государственными учреждениями и общественными организациями. Это позволяет объединять ресурсы и выполнять экспертизы для реализации масштабных и коллективных научных исследовательских проектов. Также важно развивать механизмы привлечения инвестиций от предприятий и региональных органов в создание и поддержку инновационной инфраструктуры и научных центров на университетских площадках. Взаимодействие заинтересованных лиц, особенно с финансовой составляющей и той ответственностью, которую она налагает на участников, нуждается в приобретении статуса некоммерческой организации. Поэтому создание ассоциаций с участием вуза-лидера с целью объединения ресурсов и возможностей является новым инструментом финансового взаимодействия, призванным реализовать функции по подготовке проектов к выходу на рынок (рис. 6) и осуществлять финансирование как внутри университета, так и во внешней среде с партнерами, объединенными в ассоциации, консорциумы и др.

Решение первой задачи по созданию финансовой модели университета, обеспечивающей финансовую устойчивость и возрастающий свободный денежный поток, повлечет за собой и решение второй.

Задача привлечения частного капитала к финансированию и сопровождению технологических проектов и разработок, создаваемых в университетской среде. Содействие в привлечении инвестиций – ключевой аспект успешной реализации проекта в сфере технологического предпринимательства. Университет в настоящее время не имеет внутренних инвестиционных фондов, которые позволили бы осуществлять поддержку проектов в сфере технологического предпринимательства. Существуют рыночные инструменты финансирования технологического предпринимательства, однако их применение ограничено по ряду причин: отсутствие или недостаточность свободных средств у команды проекта, недоверие кредитных организаций к стартап-проектам, выделение средств на конкурсной основе в рамках государственных программ, а частный капитал, по законам рынка, должен быть возвратным и т.д.

Финансовый инструмент – любой договор, в результате которого одновременно возникают финансовый актив у одной компании и финансовое обязательство или долевого инструмент – у другой¹. К источникам финансирования в технологическом предпринимательстве можно отнести собственное, заемное, бюджетное и смешанное финансирование. Специфические источники финансирования инновационной деятельности предпринимательских структур представлены на рис. 7.

Выбор финансовых инструментов, способных привлечь частный капитал, оказать конструктивное влияние на формирование финансовых потоков в бюджеты университетов и/или обеспечить финансовое покрытие расходов команды проекта на доработку и продвижение стартап-проекта, определяется рядом условий. Первое из них – достижение определённого уровня готовности проекта, так на начальной стадии, при наличии идеи, подлежащей проработке, подходят собственное финансирование и средства гранта, при наличии экономико-правовой упаковки – венчурное и проектное финансирование и т.д. Второе условие – в рамках обязательной проработки подробного бизнес-плана и подготовки презентации проекта необходимо продемонстрировать потенциал прибыльности и роста проекта, убедительно показать конкурентные преимущества и риски. При наличии вышеперечисленного важно иметь четкий план использования инвестиций и стратегию по возврату средств инвесторам. Венчурное и проектное финансирование, все виды ценных бумаг и другие финансовые инструменты будут использоваться частным капиталом только при определенных гарантиях возврата вложенных средств.

¹ Приказ Минфина России от 28.12.2015 № 217н «О введении Международных стандартов финансовой отчетности и Разъяснений Международных стандартов финансовой отчетности в действие на территории Российской Федерации и о признании утратившими силу некоторых приказов (отдельных положений приказов) Министерства финансов Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями), Международный стандарт финансовой отчетности (IAS) 32 «Финансовые инструменты: представление» (приложение № 20).

Лизинг	<ul style="list-style-type: none"> финансовая услуга по приобретению имущества у поставщика и передачи его в долгосрочную аренду клиенту (юридическому лицу) с последующим выкупом
Государственно-частное партнерство	<ul style="list-style-type: none"> долгосрочное взаимодействие государства и бизнеса для решения общественно значимых задач на взаимовыгодных условиях
Долгосрочная ссуда	<ul style="list-style-type: none"> предоставление денежных средств или имущества на заранее оговоренный срок
Венчурное и проектное финансирование	<ul style="list-style-type: none"> источником средств для погашения долга рассматривается прежде всего сам проект, в проектном – со значительно более низким уровнем риска
Краудфандинг	<ul style="list-style-type: none"> использование онлайн-платформ для сбора небольших сумм от большого числа частных инвесторов
Банковское кредитование	<ul style="list-style-type: none"> удовлетворение потребностей клиента в привлечении денежных ресурсов на возвратной и платной основе
Микрофинансирование	<ul style="list-style-type: none"> краткосрочный кредит на небольшую сумму, выдается без залога и поручительства
Факторинг	<ul style="list-style-type: none"> оплата поставки или услуги третьей стороной за вознаграждение в более ранний срок, чем указано в договоре
Выпуск ценных бумаг	<ul style="list-style-type: none"> последовательность действий эмитента по размещению ценных бумаг, т. е. распределение их между определенными категориями лиц

Рис. 7. Потенциальные источники финансирования стартап-проекта
 / Fig. 7. Potential sources of financing for a startup project

Заключение

Исследование проблем финансового обеспечения научно-технологического трансфера показало, что, несмотря на методологическую проработку и государственную поддержку университетских проектов, процент выживаемости новых предприятий очень низок. Выход или даже движение вперед не могут обойтись без применения финансовых инструментов, обеспечивающих финансирование там, где поддержка пробуксовывает в настоящий момент. Университеты должны стать более финансово устойчивыми, располагать свободным денежным потоком для рефинансирования основной деятельности, развития инфраструктуры и для поддержки и продвижения проектов в сфере технологического предпринимательства, авторами которых являются аффилированные с университетом лица. Инструменты такого финансового обеспечения проявляются через модификацию общей финансовой модели университета с элементом возвратного капитала от ранее переданных ресурсов в проект. Привлечение частного капитала к финансированию и сопровождению технологических проектов и разработок, созданных в университетской среде, также связано с использованием инструментов с гарантией возвратности капитала. На этапе продвижения научно-технологического проекта частный капитал позволит обеспечить необходимые ресурсы для масштабирования бизнеса, разработки продукта или услуги, проведения маркетинговых исследований, а также создания инфраструктуры для успешной

реализации проекта. На этапе установки научно-технологических разработок частный капитал направят на финансирование закупки необходимого оборудования, развертывания инфраструктуры, обучения персонала, а также проведения тестирования и наладки систем. Для проверки данных положений необходимо провести анализ успешных примеров привлечения частных капиталов на этих этапах развития научно-технологических проектов, а также оценить их влияние на результативность бизнеса и успех проекта. Достигнутые в данном исследовании решения требуют дальнейшей проработки. Так, взаимодействие вузов и стейкхолдеров формирует экосистему научно-технологического трансфера, следовательно, необходимо обосновать и дать системное представление об экономической модели трансфера технологий с применением финансовых инструментов.

Список источников

1. *Franssen T., Scholten W., Hessels L.K., Rijcke S.* The Drawbacks of Project Funding for Epistemic Innovation: Comparing Institutional Affordances and Constraints of Different Types of Research Funding // *Minerva*. 2018. № 56. P. 11–33. <https://doi.org/10.1007/s11024-017-9338-9>.
2. *Gläser J., Velarde K.S.* Changing Funding Arrangements and the Production of Scientific Knowledge: Introduction to the Special Issue // *Minerva*. 2018. № 56. P. 1–10. <https://doi.org/10.1007/s11024-018-9344-6>.
3. *Jaime A., Pérez-Martelo C., Herrera B., Ordóñez-Matamoros G., Vinck D.* Functioning strategies of the research groups' leaders in the context of funding and policy instabilities // *Review of Policy Research*. 2022. Vol. 40, iss. 2. P. 282–306. <https://doi.org/10.1111/ropr.12512>.
4. *Guston D.* Between Politics and Science: Assuring the Integrity and Productivity of Research. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. 213 p.
5. *Geuna A., Martin B.* University Research Evaluation and Funding: An International Comparison // *Minerva*. 2003. № 41. P. 277–304. <https://doi.org/10.1023/B:MINE.0000005155.70870.bd>.
6. *Himanen H., Auranen O., Puuska H.-M., Nieminen M.* Influence of Research Funding and Science Policy on University Research Performance: A Comparison of Five Countries // *Science and Public Policy*. 2009. № 36(6). P. 419–430. <https://doi.org/10.3152/030234209X461006>.
7. *Hicks D.* Performance-Based University Research Funding System // *Research Policy*. 2012. № 41(2). P. 251–261. <https://doi.org/10.1016/j.respol.2011.09.007>.
8. *The Changing Governance of the Sciences: The Advent of Research Evaluation Systems.* R. Whitley, J. Gläser (eds.). Dordrecht: Springer, 2007. 271 p.
9. *Lam A.* From 'Ivory Tower Traditionalists' to 'Entrepreneurial Scientists'? // *Social Studies of Science*. 2010. № 40(2). P. 307–340. <https://doi.org/10.1177/0306312709349963>.
10. *Campbell E.G., Weissman J.S., Causino N., Blumenthal D.* Data Withholding in Academic Medicine: Characteristics of Faculty Denied Access to Research Results and Biomaterials // *Research Policy*. 2000. № 29(2). P. 303–312. [https://doi.org/10.1016/S0048-7333\(99\)00068-2](https://doi.org/10.1016/S0048-7333(99)00068-2).
11. *Sismondo S.* Ghosts in the Machine: Publication Planning in the Medical Sciences // *Social Studies of Science*. 2009. № 39(2). P. 171–198. <https://doi.org/10.1177/0306312708101047>.
12. *Боровская М.А., Никитаева А.Ю., Бечвая М.Р., Черниченко О.А.* Финансовые инструменты в экономических механизмах стратегического развития науки и образования: экосистемный подход // *Финансы: теория и практика / Finance: Theory and Practice*. 2022. № 26(2). С. 6–24. <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2022-26-2-6-24>.
13. *Аландаров Р.А., Тархановский К.О.* Сравнительный анализ методологии организации финансирования научно-исследовательских работ на примере Российской Федерации, стран Западной Европы и Азии // *Финансы: теория и практика / Finance: Theory and Practice*. 2017. Т. 21, № 6. С. 166–177. <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2017-21-6-166-177>.
14. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации. URL: <https://www.gks.ru/> (дата обращения: 27.12.2023).
15. Индикаторы науки: 2023 : стат. сб. / В. В. Власова, Л. М. Гохберг, К. А. Дитковский [и др.]. М.: НИУ ВШЭ, 2023. 416 с.
16. *Скворцов Н.И., Павлов Н.С., Ермилов В.Г.* Особенности реализации финансовой политики в сфере высшего образования // *Вестн. Московского гор. пед. ун-та. Серия : Экономика*. 2023. № 1 (35). С. 37–51. DOI: 10.25688/2312-6647.2023.35.1.03.

17. Богачева О.В., Смородинов О.В. Применение шкалы готовности технологий в государственном финансировании НИОКР в странах ОЭСР // *Мировая экономика и международные отношения*. 2022. Т. 66, № 2. С. 42–50. DOI: 10.20542/0131-2227-2022-66-2-42-50.

References

1. Franssen T., Scholten W., Hessels L.K., Rijcke S. The Drawbacks of Project Funding for Epistemic Innovation: Comparing Institutional Affordances and Constraints of Different Types of Research Funding. *Minerva*. 2018;(56):11-33, <https://doi.org/10.1007/s11024-017-9338-9>.
2. Gläser J., Velarde K.S. Changing Funding Arrangements and the Production of Scientific Knowledge: Introduction to the Special Issue. *Minerva*. 2018;(56):1-10, <https://doi.org/10.1007/s11024-018-9344-6>.
3. Jaime A., Pérez-Martelo C., Herrera B., Ordóñez-Matamoros G., Vinck D. Functioning strategies of the research groups' leaders in the context of funding and policy instabilities. *Review of Policy Research*. 2022;40(2):282-306, <https://doi.org/10.1111/ropr.12512>.
4. Guston D. *Between Politics and Science: Assuring the Integrity and Productivity of Research*. Cambridge: Cambridge University Press; 2000. 213 p.
5. Geuna A., Martin B. University Research Evaluation and Funding: An International Comparison. *Minerva*. 2003;(41):277-304, <https://doi.org/10.1023/B:MINE.0000005155.70870.bd>.
6. Himanen H., Auranen O., Puuska H.-M., Nieminen M. Influence of Research Funding and Science Policy on University Research Performance: A Comparison of Five Countries. *Science and Public Policy*. 2009;(36):419-430, <https://doi.org/10.3152/030234209X461006>.
7. Hicks D. Performance-Based University Research Funding System. *Research Policy*. 2012;(41):251-261, <https://doi.org/10.1016/j.respol.2011.09.007>.
8. Whitley R., Gläser J., eds. *The Changing Governance of the Sciences: The Advent of Research Evaluation Systems*. Dordrecht: Springer Publ.; 2007. 271 p.
9. Lam A. From 'Ivory Tower Traditionalists' to 'Entrepreneurial Scientists'? *Social Studies of Science*. 2010;(40):307-340, <https://doi.org/10.1177/0306312709349963>.
10. Campbell E.G., Weissman J.S., Causino N., Blumenthal D. Data Withholding in Academic Medicine: Characteristics of Faculty Denied Access to Research Results and Biomaterials. *Research Policy*. 2000;(29):303-312, [https://doi.org/10.1016/S0048-7333\(99\)00068-2](https://doi.org/10.1016/S0048-7333(99)00068-2).
11. Sismondo S. Ghosts in the Machine: Publication Planning in the Medical Sciences. *Social Studies of Science*. 2009;(39):171-198, <https://doi.org/10.1177/0306312708101047>.
12. Borovskaya M.A., Nikitaeva A.Yu., Bechvaya M.R., Chernichenko O.A. Financial instruments in the economic mechanisms of strategic development of science and education: ecosystem approach. *Finansy: teoriya i praktika = Finance: Theory and Practice*. 2022;(26):6-24, <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2022-26-2-6-24>. (In Russ.).
13. Alandarov R.A., Tarhanovsky K.O. Comparative analysis of the methodology for organizing the financing of research work using the example of the Russian Federation, Western European and Asian countries. *Finansy: teoriya i praktika = Finance: Theory and Practice*. 2017;21(6):166-177, <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2017-21-6-166-177>. (In Russ.).
14. *The official website of the Federal State Statistics Service of the Russian Federation*. Available from: <https://www.gks.ru/> [Accessed 27th December 2023]. (In Russ.).
15. Vlasova V.V., Gokhberg L.M., Didkovsky K.A. et al. *Indicators of science: 2023*. Statistical collection. Moscow: Higher School of Economics Press; 2023. 416 p. (In Russ.).
16. Skvortsov N.I., Pavlov N.S., Ermilov V.G. Features of the implementation of financial policy in the field of higher education. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Ekonomika = Bulletin of the Moscow City Pedagogical University. Series: Economics*. 2023;(1):37-51, doi: 10.25688/2312-6647.2023.35.1.03. (In Russ.).
17. Bogacheva O.V., Smorodinov O.V. Application of the technology readiness scale in public financing of R&D in OECD countries. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya = World Economy and International Relations*. 2022;66(2):42-50, doi: 10.20542/0131-2227-2022-66-2-42-50. (In Russ.).

Информация об авторах

М.А. Боровская – доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии образования, президент ЮФУ.

М.А. Масыч – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономической кибернетики.

Т.В. Федосова – кандидат экономических наук, доцент, заведующая кафедрой экономики предприятия.

Information about the authors

M.A. Borovskaya – Doctor of Science (Economics), Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, President of the Southern Federal University.

M.A. Masych – Candidate of Science (Economics), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Economic Cybernetics.

T.V. Fedosova – Candidate of Science (Economics), Associate Professor, Head of the Department of Enterprise Economics.

Статья поступила в редакцию 31.01.2024; одобрена после рецензирования 23.02.2024; принята к публикации 12.03.2024.
The article was submitted 31.01.2024; approved after reviewing 23.02.2024; accepted for publication 12.03.2024.

ЗАМЕТКИ О КНИГАХ BOOKS REVIEW

Рецензия на книгу

doi: 10.18522/2687-0770-2024-1-98-105

**Историческая наука, партийная и научная элита в эпоху сталинизма
(Дубровский А.М. Власть и историческая мысль в СССР (1930–1950-е гг.).
М.: Политическая энциклопедия, 2017. 622 с.)**

Сергей Алексеевич Кислицын^{1✉}, Юлия Борисовна Нектаревская²

¹ Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

² Ростовский государственный медицинский университет, Ростов-на-Дону, Россия

¹ kislizins@yandex.ru ✉

² foreign_language2013@mail.ru

Для цитирования: Кислицын С.А., Нектаревская Ю.Б. Историческая наука, партийная и научная элита в эпоху сталинизма (Дубровский А.М. Власть и историческая мысль в СССР (1930–1950-е гг.). М.: Политическая энциклопедия, 2017. 622 с.) // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2024. № 1. С. 98–105.

Book Review

**Historical Science, Party and Scientific Elite in the Era of Stalinism
(Dubrovsky A.M. Power and historical thought in the USSR (1930-1950s).
Moscow: Politicheskaya entsiklopediya Publ.; 2017. 622 p.)**

Sergey A. Kislitsyn^{1✉}, Yulia B. Nektarevskaya²

¹ Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

² Rostov State Medical University, Rostov-on-Don, Russia

¹ kislizins@yandex.ru ✉

² foreign_language2013@mail.ru

For citation: Kislitsyn S.A., Nektarevskaya Yu.B. Historical Science, Party and Scientific Elite in the Era of Stalinism (Dubrovsky A.M. Power and historical thought in the USSR (1930-1950s). Moscow: Politicheskaya entsiklopediya Publ.; 2017. 622 p.). *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2024;(1):98-105. (In Russ.).

Историческая наука в условиях советской социально-политической системы развивалась в основном в рамках марксистско-ленинской идеологии. Функционирование сталинского политического режима в 1930–1950-х гг. требовало установления жесткого контроля над обществом в целом и деятельностью научно-исторического сообщества в частности. Поэтому рецензируемая монография связана не только с проблемой развития собственно исторической науки в данный период развития государства, но и с темой взаимодействия науки и власти, включая формирование лояльной власти советской научной элиты. Во введении сформулирована авторская задача: «Восстановить атмосферу, в которой жили и трудились историки СССР в 1930–1950-е гг., показать людей власти и людей науки в их сотворчестве и противостоянии, глубже вдуматься в теоретические и концептуальные основы науки, в ее идейное содержание, в стиль мышления и методы поведения историков, в итоги их работы» (с. 5).

Рецензируемая монография является вторым, исправленным изданием предшествующей книги А.М. Дубровского «Историк и власть. Историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930–1950-е гг.)» (Брянск, 2005. 800 с.). Новая, точ-

нее говоря, дополненная работа представляет собой многоплановое исследование, в котором автор детально реконструирует деятельность научно-исторической корпорации в условиях становления советского общества, репрессий, войны и послевоенных дискуссий. Источниковая база монографии включает партийные документы, речи деятелей ВКП(б), историографические источники, научное делопроизводство (постановления, протоколы, стенографические отчеты совещаний), периодическую печать, источники личного происхождения, ряд произведений художественной литературы по исторической тематике.

В первой главе «Идеология большевиков после 1917 г.: испытание властью» автор рассматривает изменения в идеологии большевизма после 1917 г. и их влияние на историческую науку. В частности, анализируются причины эволюции партийно-государственной идеологии, к числу которых он относит, во-первых, неудачи большевиков во внедрении в общественное сознание ряда представлений о социальном переустройстве, во-вторых, утверждение режима личной власти Сталина, в-третьих, начиная с весны 1934 г., активизацию внешнеполитического фактора.

Принципиально важным являлся пересмотр концепции мировой пролетарской революции и пролетарского интернационализма. Автор считает, что это обозначилось еще в годы Гражданской войны. Он не раскрывает особенность нэповского времени – до конца 1920-х гг., когда сохранялся методологический плюрализм.

Наряду с большевистским направлением существовала и немарксистская историческая наука, представленная прежде всего Академией наук, краеведческими организациями, группами старой профессуры и их учеников. Но ведущей тенденцией этого времени, которую игнорирует автор, стало развитие историко-партийной отрасли исторической науки, лидером которой был бывший ученик Ключевского М. Покровский, а также большевистский деятель и историк партии Ем. Ярославский. Автор обходит это направление в историографии, считая своим предметом исследование именно концепций истории дореволюционной России, причем в первую очередь феодального этапа.

А. Дубровский солидарен с тезисом Р. Такера, что Сталин все-таки верил в мировую революцию, считая ее ударной силой Красную армию. Н.И. Бухарина автор называет компромиссной фигурой в противостоянии мирореволюционной концепции с нарождавшейся сталинской национально-большевистской доктриной. Представляется, он не берет в полной мере в расчет, что Н.И. Бухарин стал апологетом теории «организованного капитализма», которая расходилась с курсом на скорую мировую революцию, за что он подвергся жесткой критике в Коминтерне как «правый уклонист» (наряду с прочими обвинениями). Причем Бухарин был ведущим апологетом постулата о возможности строительства социализма в одной отдельно взятой стране, который активно использовал Сталин, а затем его присвоил себе как единственному автору.

Историки-марксисты применяли в концептуальном плане теоретические идеи тогда официально главного идеолога партии Бухарина, наравне с концепциями Покровского. Суть идей Бухарина отражена в работе «Теория исторического материализма», которая явилась попыткой систематического изложения основ марксистского учения. Бухарин считал, что общество — это «надындивидуальное» образование, которое детерминирует личность, и потому надо идти от общественных условий к личности, а не наоборот.

События внутрипартийной борьбы сначала с адептом мировой революции Л.Д. Троцким и его сторонниками, затем с группой Н.И. Бухарина, объявленной «правым уклоном», значительно повлияли на формирование исторической концепции. Выступления Сталина против Бухарина как теоретика марксизма стали партийными аргументами в наступлении на историческую науку в конце 1920 – начале 1930-х гг. Политический и организационный разгром левой и правой оппозиции, ликвидация возможных альтернатив Сталину позволили утвердиться претензиям представителей историко-партийного направления на монополию в исторической науке.

Автор книги обошел сюжеты о критике Бухариным фашизма, о разработке им концепции пролетарского гуманизма, об участии в создании Конституции СССР 1936 г. Но обращается внимание на то, что Бухарин, а затем и Карл Радек в своих статьях впервые ввели в оборот словосочетание «советский патриотизм» на смену термину «пролетарский интернационализм». Дубровский подчеркивает, что при этом Сталин в политических целях уничтожения Бухарина и его учеников абсолютизировал известное эмоциональное публицистическое выражение Бухарина о том, что Россия являлась «нацией Обломовых». В итоге «к середине 1930-х гг. были официально реабилитированы и

русский национальный характер, и прошлое русского народа» (с. 58). На наш взгляд, выступление Бухарина характеризовало одну из противоречивых национальных черт русского народа, которую сейчас именуют пассивностью, подданничеством, патернализмом, этатизмом и т.д. По нашему мнению, Сталин использовал критику Бухарина для радикального обоснования новой исторической политики, которая «впоследствии вылилась в идеологический русоцентризм» (с. 59).

Дубровский пишет, что сталинизм для обоснования идеи преемственности дореволюционной России и СССР выдвинул в качестве предмета революционной гордости не только различных борцов с самодержавием, но и таких далеких от революционного дела поэтов, писателей, художников и ученых, как Пушкин и Некрасов, Репин и Менделеев. В итоге на смену идее «мировой пролетарской революции» пришло утверждение о постоянной военной угрозе со стороны капиталистического окружения, революционная идея «пролетарского интернационализма» сменилась идеей «советского патриотизма». Чувство гордости за великие достижения своей страны предполагало «новое отношение к истории, возрождение национальных и исторических ценностей» (с. 48).

А. Дубровский показывает, как набирала силу концепция *сильного* централистского советского государства, которая трансформировалась в концепцию обострения классовой борьбы по мере продвижения к социализму. Этот сталинский подход автор одобряет и считает, что Сталин *справедливо* сформулировал его на основе исторического опыта страны (с. 64). На наш взгляд, надо разделять функции защиты государства, его укрепления и сталинский террор против придуманных врагов народа.

Автор с пониманием пишет о возрожденном культе исторических героев России: «Пропаганда культа вождя в сочетании с утверждением новых духовных ценностей находила отклик у населения. Так превращение вождизма в советский патриотизм имело почву в настроениях населения СССР» (с. 68). И далее утверждается, что вождизм в идеологии не мог не экстраполироваться на представления об истории страны и вызывать почитание тех исторических героев, деятельность которых была направлена на укрепление государства, что инициированный режимом в 1930-х гг. переход от «красного патриотизма» к патриотизму советскому, от «нации Обломовых» к «великому русскому народу» обусловил создание обновленного взгляда на теорию государства, расходившегося не только со взглядами Маркса, Энгельса, но и Ленина.

А.М. Дубровский пишет, что догматическое усвоение марксистской теории в советских высших учебных заведениях формировало историка, который самостоятельно не интересуется теоретическими вопросами. Марксистско-ленинская историография превратилась в единственное направление в советской исторической науке, поддерживаемое партией и советским государством. Историки-марксисты критиковали идею о надклассовости государства, подчеркивая, что любое государство выражает интересы господствующего класса. В 1930-е гг. историческая наука попыталась на этой основе внести вклад в формирование нового общественного сознания. Исторический путь русского народа был украшен выдающимися достижениями и именами великих деятелей дореволюционной культуры, был создан пантеон национальных героев, исторических личностей, военных деятелей и т.д.

Во второй главе «Создатели новой исторической науки: “Люди власти” и “люди науки”» автор показал, что изменение статуса ознаменовало формирование новой отечественной истории, творцами которой стали властители и ученые. Общее направление развития исторической науки задавал диктатор государства и партии И.В. Сталин, который обращался с наукой прагматично и потребительски. История была важна Сталину для «подтверждения тех идей, которые были ему политически необходимы в той или иной ситуации» (с. 77). Политические деятели разных уровней (В.М. Молотов, А.А. Жданов, Н.С. Хрущёв, нарком просвещения А.С. Бубнов и др.) от его имени «давали директивы исторической науке, в образовательном, мировоззренческом и психологическом отношении были готовы лишь к полному подчинению этой науки политико-идеологическим требованиям, вытекающим из сложившейся политической ситуации» (с. 87).

Причем Дубровский обрисовывает в основном негативные черты представителей власти, руководивших наукой и сообществом историков. Выражает солидарность с точкой зрения одного из рецензентов, что для большевистской элиты были характерны экстремизация, этический и правовой нигилизм политического сознания, и т.п. (с. 80). В 1920-е гг. в руководстве имелись видные интеллектуалы, прежде всего Бухарин и члены группы его сторонников, взгляды которых расходились с

требованиями сталинизма. В рамках Института Красной Профессуры сформировалась знаменитая «школа Бухарина».

Следует также отметить систему истпартотделов, которая, выполняя партийные задачи, объективно способствовала освещению реальной истории большевизма и революций в центре и на местах, за что и была ликвидирована сначала организационно, затем и физически [1]. Можно вспомнить судьбу историка революционного движения, видного революционера В.И. Невского, который был представителем «партийной фронды», выступавшим с критикой Ем. Ярославского и в целом сталинизма, за что был репрессирован [2]. Автор монографии обращает внимание на то, что историки-марксисты подверглись более жестоким и массовым наказаниям, чем старые буржуазные специалисты (с. 106), но не объясняет это явление.

В 1930-е гг. под контролем ЦК партии начинается формирование строго централизованной системы исторической науки. Ведущей организацией стал Институт истории АН СССР, куда были приглашены лучшие исторические силы. Остальные историки были распределены среди вновь организованных университетских факультетов и кафедр. Таким образом, разные поколения историков – «красные профессора» и «старые специалисты» – оказались вместе, невольно между ними происходило идейное и профессиональное сближение. Историческое сообщество не было однородно, естественно, внутри него организовывались и распадались кланы, течения, содружества и т.п.

Дубровский считает, что историки разных поколений были поставлены перед необходимостью овладеть марксистским методом исторического исследования, усвоить новые понятия и стиль мышления. Он пишет: «Принимая правила игры с большей или меньшей долей цинизма, и “красные профессора” и “старые специалисты” делали новые политико-идеологические ценности партии собственными средствами для защиты и выживания, приближаясь по типу личности и формам поведения к партийно-государственному чиновнику. Мощным катализатором в этом процессе был страх перед новыми репрессиями со стороны власти» (с. 111).

В третьей главе «Историческая тема в художественной литературе: к новому пониманию отечественной истории» внимание автора сконцентрировано на двух проблемах: «Петр I в произведениях А. Н. Толстого» и «Отсечение нежелательных тенденций: “Богатыри” Демьяна Бедного». Историком удалось на примере художественной литературы четко продемонстрировать усилия высшего руководства страны внедрить в массовое сознание «новый облик отечественного прошлого». Дубровский показывает важность идейно-исторической составляющей культуры в целом, которая видоизменялась по мере смены настроений в науке: «В частности, писателем в рассказе “День Петра”, написанном в 1917 г., показаны земные и даже непривлекательные черты царя, а в романе “Пётр I”, пьесе “На дыбе”, сценарии к кинофильму А.Н. Толстой мифологизирует свой персонаж, изображая его вождем, великим созидателем государства. В исторической романистике Толстой стал классиком, в творчестве которого с особой отчетливостью были выражены важнейшие тенденции, действовавшие в области советской культуры в 1930–1950-е годы» (с. 126).

В отличие от него пролетарский поэт Демьян Бедный не уловил изменений в отношении к историческому прошлому. В 1936 г. он переписал либретто к забытой опере-фарс А.П. Бородина «Богатыри», в которой высмеивается крещение Руси, а князь Владимир и легендарные русские богатыри выведены в пародийном виде. Демьян Бедный был обвинен в том, что «огульно очернил богатырей русского былинного эпоса, дал антиисторическое и издевательское изображение крещения Руси, являвшегося в действительности положительным этапом в истории русского народа» (с. 132). Карьера пролетарского поэта закончилась.

К этой главе совершенно логичным образом примыкает эпопея с написанием сценария и постановкой Эйзенштейном двухсерийного фильма «Иван Грозный», а также ряда публикаций. Автор этот сюжет в разбросанном виде вставил в другие разделы, демонстрируя значение фигуры Грозного для новой концепции и лично для Сталина.

В четвертой главе «Новый облик отечественной истории в школьном образовании» автор подробно освещает вопросы развития среднего образования и создание школьного учебника по истории СССР в 1930-х гг. Показывает поиск учеными новых подходов к разработке теории исторического процесса. Особую роль в работе над концепцией отечественной истории играли директивы власти 1934–1935 гг. Автор раскрывает перипетии конкурса на лучший школьный учебник, процесс формирования постановления по итогам конкурса и реакцию на него партийной элиты. Он подчер-

кивает, что И.В. Сталин, А.А. Жданов, А.С. Бубнов принимали в этом непосредственное участие, указывая, как должно быть освещено то или иное событие в истории страны.

Естественно, что основные идеи исходили от Сталина, вписавшего в учебник «фрагменты, содержащие принципиально значимые оценки, политически актуальные выводы и объяснения, которые должны были оказывать важное образовательно-воспитательное воздействие на читателя» (с. 240). Установки Сталина надолго определили идейное содержание исторической науки.

Авторский анализ воздействия истории как инструмента для внедрения идеологии и новых ценностей на массовое сознание посредством школьного учебника в сталинскую эпоху имеет большое значение для современности. Автор детально рассматривает ход подготовки, подчеркивает значение постановления жюри конкурса учебников истории СССР. В нем наряду с достижениями обозначились мифологизация истории, замалчивание нежелательных сведений, лакировка тех или иных событий и деятелей, целых периодов, реабилитация традиционных ценностей. По мнению автора, Сталин обозначил направление нового идейного движения истории – «назад к Иловайскому» (имеется в виду популярный в дореволюционное время автор упрощенных учебников по истории).

В пятой главе «Концепция истории СССР: Противостояние историка и власти» автор анализирует концепцию как историографический факт и как носитель содержания отечественной истории. Он показывает политико-методологическую роль сборника «Против исторической концепции М. Н. Покровского». Однако не рассматривает ее в целом, а ограничивается тем, что в ней история преподносится как политическая наука – сфера борьбы с классовыми врагами (с. 103). Покровский с его интернационалистской, непатриотичной позицией и обличительными оценками прошлого царской России стал «не только не нужен, но даже вреден» (с. 158) и т.д. Критические замечания авторов сборника по поводу взглядов Покровского приводятся в основном в контексте изложения нового подхода.

В сборнике сформулирована единая в принципиальных чертах модель русского и западноевропейского исторических процессов, идея что «Россия развивается по тем же законам, проходит те же исторические этапы, что и страны Запада, но с запозданием» (с. 271). Оформлены новые историографические штампы, надолго определившие развитие советской исторической науки. Критика идей Покровского о ведущей роли торгового капитализма, ряда резко упрощенных истолкований отечественной истории «вышла за пределы профессиональных кругов и стала достоянием широкой общественности» (с. 226). Подробный анализ статей сборника позволил автору показать, что формирование принципиально новой концепции отечественной истории стало результатом взаимодействия между историками и тоталитарной властью.

В работе над сборником, направленным на развенчание концепции историка М. Н. Покровского, доминировавшей в науке с 1920-х гг., приняли участие ведущие историки страны, в том числе и его лучшие ученики: М.В. Нечкина, А.М. Панкратова и др. Автор отметил, что они стремились показать, что преодолели влияние своего учителя, порвали с ним идейно и максимально жестко осуждают его заблуждения. Для них это был своеобразный экзамен на верность сталинской партии, а для «старых специалистов» – шанс свести счеты со своим противником в исторической науке. Яростная критика уже покойного на тот момент М.Н. Покровского, бывшего видным революционером и авторитетным лидером исторической науки, попытавшегося создать чисто марксистскую историческую концепцию отечественной истории, приняла не вполне этичный характер, хотя Дубровский воздержался от этой оценки.

Представляется, полезно вспомнить в этой связи, что подключившийся к кампании Н.И. Бухарин отметил в статье «Нужна ли нам марксистская историческая наука?», что Покровский не разработал истории поработенных народов Российского государства, не соглашался с Марксом и Энгельсом в оценке Петра I, дал негативную оценку некоторым периодам русской истории и др. Взгляды М.Н. Покровского уже после его смерти разоблачались как ненаучные и антиленинские, а его научная школа была объявлена «базой шпионов и террористов» и в основном уничтожена. Книги ученого изымались из библиотек, учебники перерабатывались в соответствии с «Кратким курсом истории ВКП(б)» 1938 г. и новым учебником «История СССР». На наш взгляд, ликвидация нигилистической концепции истории царской России и уничтожение в 1937–1938 гг. основной части большевистской политической элиты, свершившей революции, представляют прямо взаимосвязанные стороны одного процесса.

Дубровский показывает, как начиналось формирование новой концепции отечественной истории на примере доклада М.В. Нечкиной «Почему Россия позже других стран вступила на путь капиталистического развития» (1941). В нем на основе сравнения истории России и стран Западной Европы с древних времен было сделано 11 серьезных выводов об исторической отсталости царской России от европейских стран. Нечкина отметила силы, которые помогли преодолеть эту отсталость. На первичном обсуждении в Институте истории, не выходя за рамки академической дискуссии, коллеги раскритиковали положения доклада.

По мнению А.М. Дубровского, в докладе Нечкиной в форме размышления над причинами исторического отставания ставился вопрос об особенностях исторического пути страны. Автор считает, что она совершила политический просчет, так как на фоне мобилизационного подъема пятилеток в предвоенной обстановке сама мысль об исторически обусловленном отставании, даже в обрамлении соответствующих цитат из Сталина, была идеологически неверной.

В вышестоящих организациях, как академических, так и партийных, работа Нечкиной, а затем и всего Института была резко раскритикована. «Шла политическая игра по поводу того, что в науке высказаны ненужные в настоящий политический момент идеи. Разыгрывался соответствующий сценарий осуждения заблудшего историка» (с. 325). В итоге дискуссии мог быть внесен несомненный вклад в развитие общей исторической концепции, расширены ее познавательные возможности, но в то время это было не нужно власти. Вывод автора категоричен – «интересы науки и интересы власти разошлись и, как всегда в таких случаях, пострадала наука... Разгромная оценка доклада Нечкиной задержала развитие научной мысли на три десятка лет» (с. 326).

Шестая глава «Историческая наука и идеологическое наступление в 1943–1950-х гг.» конкретно рассматривает политико-идеологическую ситуацию в тылу во время войны и послевоенное идеологическое наступление на историческую науку. Подчеркивается значение военных побед героев-полководцев русской истории и обосновывается идея союза славянских народов/государств против Германии. После роспуска Интернационала и восстановления патриаршества в РПЦ усилились ранее обозначенные патриотические тенденции, в том числе тенденция «непросвещенного патриотизма» с элементами антисемитизма.

Автор подробно анализирует во всей возможной полноте материалы совещания власти и историков в 1944 г. Лейтмотивом бурных дискуссий было стремление ликвидировать пережитки «покровщины» и в то же время «искоренить зародыши ложной идеализации прошлого». По итогам совещания было подготовлено постановление ЦК, которое не было опубликовано. В это время шло освобождение стран восточной Европы и идеи российского патриотизма, великодержавия, имперские ценности не годились для политики стран, которые становились союзниками СССР (с. 382).

Большое внимание уделяется анализу условий идеологического наступления, создания кадрового пропагандистского аппарата. В центре его деятельности – идеи советского патриотизма, возвышение русского народа, сильного государства, культа исторических героев, союза славянских народов. Автор противопоставляет взгляды Ленина и Сталина: «Позиция Ленина была позицией революционера, который оценивал события с точки зрения развязывания революционных процессов. Позиция Сталина была позицией политика-государственника, включавшей в себя представление о преемственности между интересами и политикой дореволюционного Российского государства и СССР» (с. 399).

Во второй половине 1940-х гг. продолжалось создание исторической мифологии и «возвышающего обмана». Но автор подчеркивает, что это делалось для «укрепления целостности многонационального государства». Огромная величина СССР в сочетании с национальной, религиозной и цивилизационной пестротой входивших в него республик, таила в себе угрозу распада, нарастая по мере оформления национального сознания народов окраин» (с. 421).

В седьмой главе «Тенденции в исторической науке в 1940–1950-е гг.» автор пишет о процессах в советской исторической науке в послевоенный период вплоть до смерти И.В. Сталина. В то время энергично продолжалась активная героизация отечественной истории в публицистике и учебной литературе. Автор выделяет в этом плане деятельность А.М. Панкратовой. Отмечается движение историков от формулы «наименьшего зла», объяснявшей необходимость включения национальных территорий в состав Российской империи, к формуле «абсолютного блага» – безусловного присо-

единения народов к России. Большую роль в этом процессе сыграла М.В. Нечкина, которая призвала не смешивать царизм и великий русский народ.

Рассмотрение дискуссии историков по этой периодизации отечественной истории привело автора к выводу, что дореволюционные критерии, отражавшие изменения в политических структурах, сохранились по настоящий день. Новой периодизации дискуссия не дала, и «если эмпирические исследования историков дали значительные результаты, то их теоретическая мысль топталась на месте» (с. 471). Дубровский считает, что к знаковым событиям относится издание вузовских учебников по истории, а также академических «Очерков по истории СССР. Период феодализма». Преувеличенное внимание авторов «Очерков» к социально-экономической истории стимулировало поиск материалов по истории хозяйства и социальных конфликтов, что в целом двигало вперед историческое знание.

Восьмая глава «Личность историка под контролем власти и вне его» наполнена биографическими материалами из жизни ведущих историков страны Б.Д. Грекова, С. В. Бахрушина, Л. В. Черепнина, А. А. Зимины. Главным трендом главы является проблема компромисса историков с официальными идеологическими требованиями. «Идеологическая дань, которую платил власти каждый из ученых, была разной. Разными были цены и меры компромисса у этих людей. Поэтому разной была ценность сделанного ими» (с.546). Автор дает и нелицеприятные конкретные оценки трудов, и развернутые позитивные характеристики достижений видных ученых. На материалах биографий В.Г. Карцева, С.Б. Веселовского он показывает развитие исторической мысли в так называемой «скрытой культуре». В книге демонстрируется противостояние официальной науке и идеологии в работах В. И. Смирнова, А. П. Спундэ, С. Я. Лурье. Судьбы этих людей и их произведений сложились по-разному. Одни приняли марксистскую идеологию, но пришли к иным заключениям, нежели официальная наука, другие писали свои труды в стол. А.М. Дубровский подчеркивает, что работы историков («подпольщиков» и «аутсайдеров»), невостребованных официальной исторической наукой, не были известны научной общественности и до сих пор по-настоящему не исследованы.

К сожалению, в работе уделено недостаточно внимания идеологической кампании борьбы с так называемым космополитизмом в конце 1940-х – начале 1950-х гг. Между тем в это время началось преследование «безродных космополитов» и «антипатриотов» на истфаке МГУ. Автора книги «Русская историография» Рубинштейна обвинили в отрицании самостоятельности отечественной исторической науки, в подчеркивании низкопоклонства перед наукой и культурой Запада. В антипатриотизме были также обвинены И.И. Минц, А.И. Андреев, Л.В. Черепнин, С.Н. Валк. Л.В. Черепнин подвергся критике за «безыдейность» читаемых им курсов «Русская палеография» и «Источниковедение». Автор упоминает о негативном влиянии критики на творчество историка (с. 533), но не разворачивает эту тему.

Подводя общие итоги, автор пишет, что в 1930-е гг. обозначились две тенденции – революционно-классовая и национально-государственная. Обе «использовались партийно-государственной элитой в зависимости от менявшихся политических обстоятельств» (с. 612). Партийные чиновники совместно с историками разработали теорию социально-экономических формаций, представив ее как целиком созданную Марксом и Энгельсом. Идея азиатского способа производства была изъята из учебного процесса.

Идеология марксизма сталинского образца определила теоретико-концептуальные основы исторической мысли и личные пристрастия Сталина. Власть устраивала расправу над одними историками, щедро вознаграждала других. Пик репрессий над историками старой школы пришелся на начало 1930-х гг. Особенно пострадали от репрессий уже в 1937 г. «красные профессора», причем большая часть школы Покровского была уничтожена физически. Автор подчеркивает, что у вчерашнего «красного профессора» и бывшего «старого специалиста» постепенно формировались общие черты «советского историка».

Но новый тип историка пережил значительное расширение кругозора, повышение профессиональной квалификации. В документах ЦК ВКП(б) представлена «средняя линия в политике партийно-государственной элиты относительно революционно-классовых и национально-государственных ценностей» (с. 615). Основной акцент в ней был сделан на социально-экономической сфере, а природно-географический, демографический, духовно-религиозный, культурный аспекты оставались либо недооцененными, либо малоизученными.

Концепция отечественной истории, созданная по образцу истории европейских стран, представленной в трудах Маркса и Энгельса, была ограничена в познавательных возможностях, но позволяла решить ряд частных вопросов. А.М. Дубровский отмечает: «Трудным путем, соблюдая установленные властью границы и “правила поведения”, историческое познание тем не менее двигалось вперед. Марксистский метод исторического исследования принес полезные результаты. Он раскрыл “свои стороны” истории, расставил новые акценты, заложил “свои” традиции изучения отечественного прошлого. Ориентируясь на него в большей или меньшей степени, историки развивали науку. История не свелась к идеологии, чего бы хотела власть» (с. 618).

Автор предложил свое понимание соотношения вклада исследователей дореволюционной истории в науку и общественно-политической деятельности. По его мнению, знание фактов повседневной и творческой жизни, в частности нравственного аспекта, позволяет более полно оценить место ученого в историографии. Бросается в глаза определенное игнорирование автором истории предреволюционной и революционной России, которая в его глазах была связана с «людьми власти». Это не вполне логично, так как одной из центральных проблем книги является вопрос о преемственности дореволюционной и советской России.

Автор считает, что ученые в своем большинстве не только определяли пути развития исторической науки, но были заложниками той ситуации, во многом тоталитарно-репрессивной, которая сложилась в обществе в сталинскую эпоху. В книге даны портреты не только ведущих специалистов, но и зарисовки деятельности менее известных ученых. Можно сказать, что не только Л.В. Черепнин и другие историки, но и сам автор в своей работе сделал большое число *микрооткрытий – конкретных сообщений и наблюдений исторического и историографического характера*. Монография А. Дубровского в целом является значимым приращением научного историографического знания.

Список источников

1. *Кислицын С.А.* Истпарта: развитие и трансформация (на материалах Донского и Северо-Кавказского истпартотделов) // VI Рязановские чтения : материалы Междунар. науч. конф. «Книга и революция» / под ред. И.Ю. Новиченко; сост. Е.Н. Струкова, И.С. Кучанов. М.: Гос. публ. ист. библиотека России, 2021. С. 232–255.

2. *Кислицын С.А.* Партийная фронда под секирой НКВД. Киров, Орджоникидзе, Бухарин и деятели Азово-Черноморского края в политических репрессиях второй половины 1930-х гг. М.: Политическая энциклопедия, 2023. 422 с.

References

1. Kislitsyn S.A. Istparts: development and transformation (based on materials from the Don and North Caucasus istpart departments). *5th Ryazanov Readings: materials of the International Scientific Conf. “Book and Revolution”*. Ed. by I.Yu. Novichenko; comp. E.N. Strukova. I.S. Kuchanov. Moscow: State Public Historical Library Press; 2021:232-255. (In Russ.).

2. Kislitsyn S.A. *Party opposition under the ax of the NKVD. Kirov, Ordzhonikidze, Bukharin and leaders of the Azov-Black Sea region in political repressions of the second half of the 1930s*. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya Publ.; 2023. 422 p. (In Russ.).

Информация об авторах

С.А. Кислицын – доктор исторических наук, профессор.

Ю.Б. Нектаревская – кандидат политических наук, доцент, заведующая кафедрой иностранных языков с курсом латинского языка.

Information about the authors

S.A. Kislitsyn – Doctor of Science (History), Professor.

Yu.B. Nektarevskaya – Candidate of Science (Political Sciences), Associate Professor, Head of the Department of Foreign Languages with Latin language course.

Рецензия на книгу

doi: 10.18522/2687-0770-2024-1-106-110

Авраменко А. М. От куреней Запорожской Сечи к станицам и городам Кубани (проблемы происхождения названий, исторической географии, топографии и культурного наследия). М.: Директ-медиа, 2023. 424 с.

Николай Александрович Мининков

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

namininkov@sfedu.ru

Для цитирования: Мининков Н.А. – Авраменко А. М. От куреней Запорожской Сечи к станицам и городам Кубани (проблемы происхождения названий, исторической географии, топографии и культурного наследия). М.: Директ-медиа, 2023. 424 с. // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2024. № 1. С. 106–110.

Book Review

Avramenko A.M. From the kurens of the Zaporozhye Sich to the villages and cities of the Kuban (problems of the origin of names, historical geography, topography, and cultural heritage). Moscow: Direct-Media Publ.; 2023. 424 p.

Nikolai A. Mininkov

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

namininkov@sfedu.ru

For citation: Mininkov N.A. – Avramenko A.M. From the kurens of the Zaporozhye Sich to the villages and cities of the Kuban (problems of the origin of names, historical geography, topography, and cultural heritage). Moscow: Direct-Media Publ.; 2023. 424 p. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2024;(1):106-110. (In Russ.).

В новой книге известного исследователя истории казачества А. М. Авраменко поставлено несколько проблем, изучение которых важно для понимания процессов, относящихся к истории Запорожской Сечи и Черноморского казачьего войска, а с 1860 г. – Кубанского войска. К ним относятся происхождение названий запорожских куреней, их количество, географическое расположение и топография, положение запорожцев за период от окончательной ликвидации Сечи в 1775 г. до расселения их на Кубани в 1792-1794 гг., переход от традиционных запорожских куреней к станицам и судьбы казачества на Кубани на протяжении XIX – XX вв. Таким образом, автором поставлены проблемы истории казачества в Запорожской Сечи и в Черномории не только ввиду их принципиальной значимости для уяснения характера и особенностей положения этой группы казачества в России и Украине, но и ввиду того, что они охватывают целый ряд дискуссионных вопросов в научной и краеведческой литературе. В этой связи очевидно, что проблематика книги представляет несомненный интерес, а ее решение позволяет глубже и полнее понять сложные процессы, имевшие место на Украине и Кубани на протяжении второй половины XVI – XIX вв.

Обращает на себя внимание огромная эвристическая работа, проделанная автором. А. М. Авраменко собрал самый широкий круг документальных и нарративных источников, русских, украинских и иностранных, картографических, в том числе планов, визуальных и вещественных источников, материальных остатков казачьего прошлого, а также лингвистический и топонимический материал. Помимо того, автор собрал и проанализировал ряд исследований по истории Украины и казачества, сочинений кубанских краеведов, проявлявших большой интерес к названиям запорожских куреней и кубанских казачьих станиц. Отсюда выводы, сделанные А. М. Авраменко, имеют под собой прочную источниковую основу и представляются убедительными.

Вообще, как показал автор, в рамках поставленной им проблемы совмещаются интересы научной истории Украины и Кубани, для которых прошлое казачества относится к числу важнейших вопросов, и истории местной, к которой приковано внимание жителей отдельных городов и станиц и которая традиционно находится в центре внимания краеведов. Не случайно поэтому в книге содержится серьезный анализ научных исследований и обширной краеведческой литературы, посвященной запорожским куреням и названиям черноморских станиц на Кубани с последующими изменениями некоторых из них. Это позволило ввести читателя в курс дискуссий по рассматриваемым вопросам и представить разные точки зрения. Четко поставлены цель исследования и его задачи, которые относились как к истории запорожских куреней, так и станиц на Кубани, в том числе и в связи с вопросами топографии, с некоторыми особенностями хозяйственной жизни и сохранения традиций Запорожской Сечи в Черноморском казачьем войске. При этом указывается на сложность исследования проблемы при наличии множества неизвестных, в результате чего объяснение неизвестного с неизбежностью происходит также при опоре на неизвестное, причем на возможность в некоторых случаях такого объяснения, как пишет А. М. Авраменко, указывал еще академик С. Б. Веселовский (с. 31).

Особое внимание автор уделил разного рода неточным и ошибочным версиям, объясняющим названия станиц. Такие версии возникали в связи со слабым знанием событий украинской истории за периоды до и после гетманства Богдана Хмельницкого, незнанием исторической географии Украины в целом, а также со стремлением связать название куреня, а впоследствии черноморской станицы с тем или иным популярным в истории украинского казачества именем. Эти версии, как показал автор, возникали и закреплялись в краеведческой литературе и, соответственно, в культурной памяти населения. «Измышления кубанских дилетантов» (с. 11), – так с полным на то основанием давал А. М. Авраменко оценку некоторым объяснениям названий отдельных краеведов. Путем тщательного сопоставления сведений из разных источников и событий украинской истории он выявил происхождение этих названий и указал на ошибки, которые со временем возникали в названиях станиц.

Автор обращает внимание на многозначность самого понятия о куренях, указывая, что на ранней стадии истории украинского казачества имели место «курени кочующих запорожцев», которые не следует смешивать с куренями как «административно-хозяйственными единицами Запорожской Сечи» в более позднее время (с. 127). Таким образом, в книге затрагивается один из сложных и важных вопросов ранней истории казачества, причем не только запорожского, который относится к его внутренней жизни и месту в ней хозяйственных промыслов и бытовой жизни отдельных куреней и Сечи в целом.

В Сечи имелись свои «мастерские люди». Это были «слесари, кузнецы, сапожники, портные, плотники», которые работали «за деньги», причем они «числятся также с прочими козаками в куренях» (с. 128). Судя по смыслу данной фразы из свидетельства С. И. Мышецкого, приведенной А. М. Авраменко, эти «мастерские люди» тоже были казаками, что важно для понимания особенностей внутренней жизни в Сечи и в отдельных куренях и что указывает на особенности ее по сравнению с Войском Донским XVII в., когда в казачьи городки приходили люди из русских городов и уездов «кормитца» «своим ремеслом». Казаками они не являлись и работали в казачьих городках по найму. В то же время среди самих казаков были развиты специальности, имевшие прямое отношение к военному делу, такие как изготовление судов-стругов, и кузнечное дело. Тем самым в книге приведено свидетельство, указывавшее на существенную особенность устройства запорожцев, способных обеспечивать себя необходимой продукцией военного и невоенного производства.

Как указывает А. М. Авраменко, спорным является вопрос о начале Запорожской Сечи, как и вопрос о времени возникновения Войска Донского. По его мнению, нет оснований связывать крепость, поставленную в 1556 г. князем Д. Вишневецким, популярном в украинском фольклоре «паном Дмитрашем» [1, с. 173–175; 2, с. 198–210], с началом Сечи, соглашаясь с тем, что этот замок не более чем ее прототип. Начало ее он относит к рубежу 70–80-х гг. XVI в. (с. 130). Таким же спорным является государственность Войска Запорожского. Тут совершенно очевидна общность с историографией донского казачества, в которой вывод о Войске Донском как о государстве донских казаков делал в начале XX в. историк-юрист эмигрант С.Г. Сватиков в обстоятельном труде «Россия и Дон», изданном в 1924 г.

Данная концепция не была признана в историографии последующего времени. А. М. Авраменко также не поддержал концепцию Запорожской Сечи как особого государства, основываясь на самом образе жизни казаков, которые на зиму возвращались из Сечи к своим семьям в пределах Украины (с. 144), что не допускало существования государства. Такой образ жизни, как отмечал в начале XX в. донской историк П. П. Сахаров, имел место на Дону еще с конца XV в., когда на сезон в верховья Дона выходило на промыслы население рязанской и северской окраины, и возвращались домой по завершении промыслового сезона [3]. Подобные промысловики, выходявшие не только на промыслы, но и «на Дон, в молодчество» [4, с. 413], представляли собой предшественников казачества, начало которого на Дону относится к середине XVI в.

Одним из вопросов ранней истории казачества является внешний облик казачьих поселений. А. М. Авраменко проанализировал планы Новой Сечи и сделал вывод, что на основании этого источника невозможно определить место нахождения отдельных куреней и их планировку. Представляется обоснованным авторский вывод, что расположение куреней было круговым и напоминало круговое построение казачьих городков на Дону, когда жилища донских казаков, называвшиеся куренями, располагались вокруг площади-майдана, как указывала М. А. Рыблова. При этом он обращает внимание на соответствие подобного расположения социальному строю казачества с его устойчивым представлением о равенстве и войсковом братстве, что отвечало принципам, на которых основывались братские мужские воинские сообщества. К этому можно добавить, что следы подобного устройства имели место на Дону в казачьих станицах XVIII и даже, возможно, начала XIX в., на что указывал есаул Е. Н. Кательников при описании зимних времяпровождений казаков в его родной станице Верхне-Курмоярской [5, с. 13–18]. В то же время А. М. Авраменко отмечает, что со временем характер куреней менялся, и они уже становились не столько военными братствами или мужскими боевыми союзами, сколько административно-хозяйственными единицами Сечи. Также обращается внимание на количество куреней в Запорожской Сечи. Авраменко допускает, что число куреней, равное 38, было постоянным и могло объясняться традициями мужских воинских коллективов. Но в то же время, учитывая, что доказательств нет, оставил этот вопрос открытым (с. 149).

Значительное внимание уделяет А. М. Авраменко вопросам политической истории Низового Войска Запорожского со времени Богдана Хмельницкого до 1709 г. и Новой Сечи с 1735 по 1775 г. Говоря о внутреннем устройстве Сечи, он отмечает, что представление об этом казачьем войске как о демократической республике, распространенное в историографии и в художественной литературе, не учитывает реальных порядков, прочно державшихся в этом центре украинской казачьей вольницы. На самом деле то была не демократия, но иное устройство, «охлократия – тирания большинства» (с. 155), а отсюда внезапные и быстрые перемены войсковой власти. В Сечи очень часто «меняющиеся прихоти толпы побеждали голос разума». Поэтому здесь зарождение основ государственности отсутствует. Автор видит их в Войске Запорожском при Богдане Хмельницком (с. 141), а также в более позднее время. В нем он отмечает формирование «новой украинской аристократии» (с. 155) казачьего происхождения, которая с неизбежностью вступала в социальный конфликт с традиционным вольным сечевым «товариществом», который начинался еще при Богдане Хмельницком.

Исторические наименования куреней Запорожской Сечи сохранились после окончательной ее ликвидации только на Кубани, где в результате переселения запорожцев в 1792–1794 гг. образовалось Черноморское казачье войско. Но при этом, пишет А. М. Авраменко, курени стали куренными селениями, а затем станицами. Екатерина II «даже слышать не хотела о возрождении Сечи» (с. 217). Центр казачества на Кубани стал не Новой Сечью, а Екатеринодаром. Причина заключалась в том, что правительство проводило «жесткую централизаторскую политику» (с. 217). Черноморские казаки, указывает автор, не простили императрице ликвидацию Запорожской Сечи, считали даже само название создававшегося города в ее честь «оскорблением» (с. 217). В самом деле, кубанский казачий фольклор дает определенные основания для подобной характеристики.

Вместе с тем фольклор также отражает другую тенденцию, развивавшуюся постепенно в сознании казаков-черноморцев, которая выражала вполне положительное отношение к Екатерине II. Очевидно, в этом заключались результаты целенаправленной политики по формированию культурной памяти среди казаков Черноморского, а затем Кубанского казачьего войска, в которой «дар» от Екатерины Великой должен был превзойти по своей значимости старые ценности запорожской сечевой вольности. В целом в таком направлении политики по конструированию новой исторической

памяти проявлялось стремление власти сформировать в сознании казачества устойчивое представление о том, насколько благоприятен для казаков был разрыв с прежними казачьими вольностями и переход на службу российской императорской власти.

Аналогичное явление имело место на Дону, когда в 1872 г. Войско Донское торжественно отмечало 200-летие со дня рождения Петра I, когда в ходе юбилейных торжеств в Новочеркасске была произнесена речь о том, насколько положительными для донского казачества были общие изменения в стране в результате реформ, насколько казачество выигрывало от петровской европеизации. Но даже при такой политике центральных властей в Черномории местная войсковая верхушка, как указывает А. М. Авраменко, стремилась беречь сечевые традиции, то же самое стремились делать станичные власти даже в начале XX в., например в станице Пашковской. Но тем не менее традиции времен Запорожской Сечи постепенно уходили в прошлое. Уничтожение их следов имело место и в советский период, и в нынешнее время, несмотря на то, что провозглашается стремление «беречь местные традиции, памятники истории и культуры».

Говоря об истории перехода от куреней к куренным селениям, а затем к станицам, А. М. Авраменко обращает внимание на тяжелые условия жизни переселенцев на Кубань из малороссийских губерний для пополнения сил Черноморского казачьего войска, для сохранения его боеспособности. Особенно резко высказывается он об организации переселения на Кубань в 1821 г., в ходе которого произошла массовая гибель людей. Результат, по его оценке, «можно считать чудовищным, а его организацию – преступной» (с. 262), что совершенно справедливо. Но подобное случалось в Российской империи и ранее, например, во время переселения в 1779 г. армян из Крыма на Нижний Дон, где также было множество погибших.

А. М. Авраменко не мог пройти мимо трагической истории кубанского казачества в советский период, когда имели место насильственные переселения, ссылки «чернодосочных» станиц и голодомор 1933 г., о котором хорошо помнят на Кубани. В историографии постсоветского времени эти события были исследованы ростовскими историками Е. Н. Осколковым и П. Г. Чернопицким. Но А. М. Авраменко выделил еще одну сторону произошедшего, относящуюся к национальной политике на Кубани. Он указал, что с конца 1932 г., т. е. в период активного развертывания коллективизации и начинавшегося голодомора, была решительно свернута весьма кратковременная политика украинизации на Кубани, проводившаяся с учетом этнического состава и культурных традиций населения, что включало в том числе уничтожение литературы на украинском языке (с. 276). Этнический момент заключался, как подчеркивается в книге, в том, что из 13 или 14 станиц только 4 были на территории расселения казаков-линейцев, тогда как большинство станиц были черноморскими или украинскими по происхождению (с. 280).

Книга снабжена приложениями в виде сделанных автором таблиц и карт, а также визуального материала, включающего изображения Сечи и Екатеринодарской крепости, печатей коша Войска верных казаков черноморских и Усть-Дунайского Буджакского казачьего войска. Из таблиц видна степень вероятности происхождения названий куреней, названий их по источникам и в литературе.

Книга А. М. Авраменко, таким образом, дает представление об истории Запорожской Сечи и Кубанского казачества, относящимся к куреням Запорожской Сечи и к названиям станиц Черноморского казачьего войска, и будет востребована исследователями и широким кругом читателей.

Список источников

1. *Грушевский М.С.* Иллюстрированная история Украины. М.: Сварог и К; Чистые родники, 2001. 556 с.
2. *Кузнецов О.Ю.* Рыцарь Дикого поля. Князь Д.И. Вишневецкий. М.: ФЛИНТА, Наука, 2013. 224 с.
3. *Сахаров П.П.* К вопросу о происхождении донского казачества и о первых подвигах донцов в защиту родины и веры на службе первого русского царя Ивана Васильевича Грозного // Донские областные ведомости. 1910. № 181, 233; 1911. № 8, 156.
4. Сборник Русского исторического общества. СПб., 1884. Т. 41. 558 с.
5. *Кательников Е.Н.* Историческое сведение Войска Донского о Верхне-Курмоярской станице, составленное из сказаний старожилов и собственных примечаний 1818 года декабря 31 дня. Новочеркасск, 1886. 63 с.

References

1. Grushevsky M.S. *Illustrated history of Ukraine*. Moscow: Svarog and K, Chistye rodniki Publ.; 2001. 556 p. (In Russ.).
2. Kuznetsov O.Yu. *Knight of the Wild field. Prince D.I. Vishnevetsky*. Moscow: FLINTA: Nauka Publ.; 2013. 224 p. (In Russ.).
3. Sakharov P.P. On the question of the origin of the Don Cossacks and the first exploits of the Don people in defense of their homeland and faith in the service of the first Russian Tsar Ivan Vasilyevich the Terrible. *Don-skie oblastnye vedomosti = Don Regional Gazette*. 1910;(181, 233); 1911;(8, 156). (In Russ.).
4. *Collection of the Russian Historical Society*. St. Petersburg, 1884;41. 558 p. (In Russ.).
5. Katelnikov E.N. *Historical information of the Don Army about the Verkhne-Kurmoyarskaya village, compiled from the legends of old-timers and his own notes, December 31, 1818*. Novocherkassk, 1886. 63 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Н.А. Мининков – доктор исторических наук, профессор, Институт истории и международных отношений.

Information about the author

N.A. Mininkov – Doctor of Science (History), Professor, Institute of History and International Relations.

Рецензия на книгу

doi: 10.18522/2687-0770-2024-1-111-114

**Черноморско-Каспийский регион в мировой геополитике
(Рябцев В.Н., Смагин С.А. Черноморско-Каспийский регион как особый сегмент
мирового геополитического пространства (современный ракурс рассмотрения).
Ростов н/Д.: Фонд науки и образования, 2022. 498 с.)**

Игорь Миронович Узнародов

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Россия
iguz2010@yandex.ru

Для цитирования: Узнародов И.М. Черноморско-Каспийский регион в мировой геополитике (Рябцев В.Н., Смагин С.А. Черноморско-Каспийский регион как особый сегмент мирового геополитического пространства (современный ракурс рассмотрения). Ростов н/Д.: Фонд науки и образования, 2022. 498 с.) // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2024. № 1. С. 111–114.

Book Review

**The Black Sea-Caspian Region in World Geopolitics
(Ryabtsev V.N., Smagin S.A. The Black Sea-Caspian Region as a Special Segment
of the Global Geopolitical Space (modern perspective of consideration). Rostov-on-Don:
Foundation of Science and Education, 2022. 498 p.)**

Igor M. Uznarodov

Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russia
iguz2010@yandex.ru

For citation: Uznarodov I.M. The Black Sea-Caspian Region in World Geopolitics (Ryabtsev V.N., Smagin S.A. The Black Sea-Caspian Region as a Special Segment of the Global Geopolitical Space (modern perspective of consideration). Rostov-on-Don: Foundation of Science and Education, 2022. 498 p.). *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2024;(1):111-114. (In Russ.)

Монография о Черноморско-Каспийском регионе (ЧКР) подготовлена авторами, которые в последние годы активно занимаются данной проблематикой. В.Н. Рябцев – известный учёный, кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник СКНЦ ВШ, более сорока лет проработавший в Ростовском государственном (ныне – Южном федеральном) университете; в 90-е гг. первым начал читать студентам курс мировой политики; неизменный участник грантовых проектов по изучению проблем ЧКР. Его перу принадлежат 1-й, 3-й, 5-й и 6-й разделы монографии. С.А. Смагин – независимый политолог-исследователь, публицист, блогер, выпускник РГУ/ЮФУ; им подготовлен 4-й раздел. Раздел 2 написан совместно.

Избранный авторами предмет исследования необычайно актуален сегодня. И дело не только в специальной военной операции на Украине, проблеме Нагорного Карабаха, выяснении отношений Грузии с Южной Осетией и Абхазией, постоянных конфликтах между соседними государствами в Средней Азии.

После окончания холодной войны и распада СССР произошло серьёзное изменение баланса сил на международной арене в пользу США, которые предприняли попытку укрепить свои лидирующие позиции. Не последнее место в этих планах занял ЧКР, располагающийся между Европой, Россией, Китаем, странами Ближнего и Среднего Востока и являющийся местом встречи и взаимодействия различных культур и цивилизаций.

Уникальное географическое положение региона и богатство природными ресурсами, в первую очередь энергетическими, определяют его геополитическую значимость. Но одновременно эти же

факторы обуславливают региональную уязвимость в плане обеспечения безопасности, поскольку здесь пересекаются наиболее острые проблемы современного мира, наблюдается повышенное внимание со стороны крупных мировых игроков и соответствующая активность ведущих стран региона. В данной ситуации официальный Вашингтон регулярно подтверждает свою решимость поддерживать стратегические интересы США в отношении стран Причерноморья, Южного Кавказа и Большого Каспия.

Авторы монографии определили для себя следующие исследовательские задачи: рассмотреть особенности зоны Черноморье – Кавказ – Каспий с политико-географической, морфологической, геополитической и геоэкономической точек зрения; выявить активных внешних участников региональных процессов и их интересы; провести анализ геополитической динамики региона с учётом взаимодействия местных и внешних игроков; дать оценку геополитической обстановки в Черноморско-Каспийском регионе в современных условиях с учётом современного украинского кризиса (с. 27–28).

Для решения обозначенных задач изучен большой массив научных публикаций на русском и иностранных языках, а также документы и официальные материалы, политическая публицистика, информационно-аналитические и справочные издания. Особо следует отметить приложения, которые составили весьма внушительный блок. Это карты-схемы с соответствующими комментариями, которые удачно сопровождают текст монографии, позволяют читателю не только наглядно представить предмет рассмотрения, но и сэкономить драгоценное время, освобождая от самостоятельных поисков дополнительной информации.

Структура книги логична. Она разделена на шесть разделов, и каждый из них открывается концептуальным обоснованием рассматриваемого вопроса. Может быть, для искушённых исследователей подобные теоретические экскурсы не являются чем-то новым, но для студентов и аспирантов это, безусловно, очень важно и поучительно, поскольку позволяет заглянуть в творческую лабораторию авторов.

В первом разделе подчёркивается, что при проведении геополитологического анализа необходимо отталкиваться от географической основы рассматриваемых явлений и процессов. В ходе изучения позиций разных авторов в определении политико-географических параметров зоны Черноморье – Кавказ – Каспий отмечается, что её очень трудно отделить от соседних регионов, поэтому рядом соседствуют два основных подхода: узкое и расширительное понимание условных границ. И тем не менее, по мнению В.Н. Рябцева, не только можно, но и нужно говорить о едином Черноморско-Кавказско-Каспийском регионе как об особом рода геополитической реальности в условиях постбиполярного мира. В конечном итоге делается вывод о существовании некоей структурной рамки, которая де-факто объединяет государства в пространстве между Балканами и Центральной Азией. Это Организация Черноморского экономического сотрудничества, дополненная членами «Каспийской пятёрки» – Казахстаном, Туркменией и Ираном.

Во втором разделе обращается внимание на то, что пространство между Балканами и Центральной Азией превратилось после окончания холодной войны в весьма значимый регион мира благодаря внушительному ресурсному потенциалу. Именно это и определило здесь интересы ведущих акторов мировой политики. Но время идёт, и сегодня видны произошедшие в ЧКР изменения геополитического порядка, включая появление новых игроков в дополнение к США, России и Британии. Это – Китай, Турция, отчасти Израиль, Иран и Саудовская Аравия. Авторы выделяют наиболее значимые современные проблемы, вокруг которых и выстраиваются политические процессы. Среди них – создание или расширение сферы влияния для сбыта товаров и услуг; доступ к энергоресурсам Каспийского бассейна и примыкающих к нему территорий; проектирование и строительство нефте- и газопроводов; контроль над уже действующими транспортными коридорами и создание новых; участие в урегулировании внутригосударственных конфликтов в ЧКР; поиск ответов на сложные международно-правовые вопросы, включая военные аспекты акватории Чёрного и Каспийского морей. Отмечены и факторы, которые в ближайшей перспективе будут влиять на геополитическую динамику региона – украинский и карабахский кризисы, конкуренция энергетических компаний и стоящих за ними государств, строительство канала «Стамбул» из Чёрного в Мраморное море.

Третий раздел посвящён «архитектуре» ЧКР в геополитическом измерении. Главные структурообразующие единицы – национальные государства – отличаются друг от друга по многим параметрам, но главное – по месту и роли в мировом геополитическом пространстве. Учёные давно пред-

принимали попытки измерить силу государства в международных отношениях. В.Н. Рябцев рассматривает подходы Х. Маккиндера, Г. Моргентау и других представителей западной геополитики. Отмечена продуктивность и оригинальность подхода, реализованного в проекте МГИМО (У) МИД РФ. Однако автор раздела предложил своё собственное видение основного понятия «совокупная сила государства», опираясь на подход известного американского специалиста Р. Кляйна, которое и использовал для проведения ранжирования государств ЧКР. В результате он делает вполне обоснованный вывод о том, что современная Россия находится «между уровнями великой державы и крупного регионального игрока... с явной тенденцией к возврату статуса великой державы» (с. 131). Турция и Иран, по его мнению, относятся к крупным региональным игрокам, Азербайджан, Казахстан и Туркмения – к обычным (малым) государствам с той или иной долей суверенности, Болгария, Армения и Грузия – к слабым, зависящим от внешних игроков, государствам, а Украину и Молдавию – к государствам, деградирующим или распадающимся (с. 132). На основе проведённого анализа В.Н. Рябцев приходит к общему выводу, что ЧКР в современных условиях – «это весьма непрочная геополитическая конструкция» (с. 137).

Четвёртый раздел, подготовленный С.А. Смагиным и содержащий оценку политики внешних игроков в ЧКР, получился очень информативным. Автор называет США главным внерегиональным актором, во многом задающим геополитическую динамику региона. Для укрепления своих позиций Вашингтон активно использует НАТО и своих союзников, размещает в регионе свои военные базы и стремится создать своеобразный «санитарный кордон» на границах Российской Федерации. В результате появляются серьёзные вызовы национальным интересам и безопасности не только нашей страны, но и Китая с Ираном. Ведь будущее ЧКР видится американским стратегам в качестве составляющей восточного фланга агрессивного Североатлантического альянса!

Отдельно в разделе рассматривается позиция Европейского союза и Великобритании, покинувшей это интеграционное объединение. Автор правильно, на наш взгляд, указывает на то, что сегодня интересы Брюсселя сместились в сторону вопросов энергобезопасности, но при этом несколько преувеличивает возможности Каспийского региона для бесперебойных поставок углеводородов на европейский континент¹. Интерес представляет и анализ стратегии Китая, для которого ЧКР в XXI в. имеет важное значение не только своими богатыми ресурсами, но и как «стратегический тыл», где США и НАТО могут создать проблемы своему главному сопернику.

Предметом анализа пятого раздела стала геополитическая динамика региона после окончания второй карабахской войны и начала современного украинского кризиса. Анализ предваряет серьёзная теоретическая часть, в которой содержится концептуальное обоснование вопроса, показаны два основных режима межгосударственных взаимодействий, раскрыта особая роль внерегиональных игроков, имеющих свои интересы в регионе. Автор раздела В.Н. Рябцев специально подчеркнул, что его экспертную оценку не следует рассматривать как истину в последней инстанции. Однако выводы представляются весьма обоснованными. По его мнению, геополитическая динамика ЧКР определяется тенденциями кооперации и конфронтации, причём уровень конфликтности весьма велик. А решающая роль в этих процессах принадлежит внерегиональным державам. В частности, и США, и Великобритания всячески способствуют дестабилизации региона. Их «активность» никак не идёт во благо большинству населяющих ЧКР народов. В результате вместо региональной интеграции мы можем стать очевидцами региональной фрагментации.

Шестой, завершающий раздел содержит оценку геополитической обстановки в ЧКР в современных условиях. Регион стал примером нарастающей геополитической нестабильности из-за отсутствия в зоне от Балкан до Каспия общерегиональной системы безопасности. Отмечено, что основой геополитической конструкции региона – своеобразным каркасом – являются Россия, Турция и Иран. Именно эти страны определяют устойчивость и способствуют относительной стабильности ЧКР. Высказано мнение, будто Россия «вроде бы» начинает опять превращаться в «держателя равновесия в Евразии» (с. 293). Но для этого Москве необходимо показать все свои преимущества – и экономические, и военные, и (что очень важно) культурно-цивилизационные.

Трудно не согласиться с В.Н. Рябцевым в том, что в ближайшем будущем геополитическую обстановку в ЧКР определят взаимоотношения между двумя условными коалициями: США и Велико-

¹ См. подробнее: Узародов И.М., Клочков В.В. Европейский союз и Южный Кавказ в контексте энергетического кризиса // Кавказология. 2023. № 2. С. 357–368.

британией – с одной стороны, и Россией и Китаем – с другой (с. 303). Он отмечает, что коллективный Запад уже фактически ведёт войну против нашей страны, а руководство НАТО в 2022 г. официально признало Россию основной угрозой европейской безопасности, т.е. врагом № 1. Конечно, главную партию в этом концерте исполняют политики Вашингтона и Лондона.

Однако, как отмечает автор, на наших глазах формируется геополитическая ось из Китая, России и Ирана, которой суждено быть противовесом политике англосаксонских государств в Евразии, в частности в ЧКР. К данной оси подтягиваются и другие страны, что создаёт предпосылки для формирования в будущем «Новой или Большой Евразии», которая будет бороться за полицентричный мир и противостоять американоцентричному Западу. Это в перспективе позитивно скажется на общем раскладе сил и политической обстановке на пространстве от Балкан до Центральной Азии.

Подводя итог, следует отметить, что монография В.Н. Рябцева и С.А. Смагина представляет собой серьёзное научное исследование. Выводы авторов подтверждены многочисленными ссылками на источники и литературу. В тексте присутствуют выраженная авторская позиция и современный, объективный геополитический анализ процессов, проходящих в Черноморско-Каспийском регионе.

Читается монография легко, чему, несомненно, помогает и эмоциональный стиль изложения. Думается, что она будет полезна другим исследователям в их научной работе, а также студентам, обучающимся по направлениям подготовки «Международные отношения» и «Зарубежное регионоведение». Нет сомнений, что книга понравится и читателям, которые интересуются проблематикой ЧКР.

Информация об авторе

И.М. Узнародов – доктор исторических наук, профессор.

Information about the author

I.M. Uzнародov – Doctor of Science (History), Professor.

ПАМЯТИ КОЛЛЕГИ IN MEMORY OF A COLLEAGUE

Персоналии

doi: 10.18522/2687-0770-2024-1-115-116

**Виктор Исидорович Литвиненко
(1940–2024)**

Personalities

**Viktor Isidorovich Litvinenko
(1940–2024)**

25 января 2024 г. на 84-м году ушел из жизни Виктор Исидорович Литвиненко – один из старейших сотрудников редакции журнала «Известия вузов. Северо-Кавказский регион».

Виктор Исидорович родился 4 ноября 1940 г. в селе Высочино Ростовской области, детство его пришлось на трудные годы Великой Отечественной войны и непростое послевоенное время. После окончания средней школы молодой человек заведовал сельской библиотекой, работал учителем начальных классов в местной школе, и только после этого стал студентом Ростовского госуниверситета.

Еще будучи учащимся 5-го курса филфака, он был направлен на работу в университетское издательство (февраль 1968 г.). Первоначально трудился в должности ведущего редактора Издательства РГУ, с 1970 г. был переведён на должность зав. редотделом вновь создаваемого журнала «Известия СКНЦ ВШ».

В 1995 г. Виктора Исидоровича пригласили на работу в журнал «Известия вузов. Северо-Кавказский регион» на должность редактора отдела. Ему было поручено редактировать серию «Технические науки» и осуществлять контроль над двумя другими сериями («Общественные науки» и «Естественные науки»), чем он и был занят в последнее время, т.е. 29 лет, при общем стаже работы в университете – 56 лет.

Имея солидный опыт редакторской работы, Виктор Исидорович снискал уважение и авторитет не только среди своих сотрудников, но и у многочисленных авторов, которым довелось с ним работать. Не раз приходилось ему слышать от них слова искренней благодарности за скрупулёзное внимание к их письменным трудам. Возможно, именно поэтому его, помимо основной работы в нашем журнале, приглашали сотрудничать в другие научные издания, выходящие в системе университетской периодики («Валеология», «Известия ЮФУ. Филологические науки», и др.).

В.И. Литвиненко известен и как историк-краевед. Многие годы своей жизни он посвятил работе с архивными материалами, собирая документальные сведения по истории населённых пунктов юго-восточного Приазовья, развитию народного просвещения и церковного строительства в этом регионе. Его работы по истории поселений южного Задонья, опирающиеся на первоисточники, публиковались в журнале «Филологический вестник РГУ», в Ростовской электронной газете (РЭЛГА). Эти публикации получили широкий отклик не только в нашей стране, но и за рубежом, поскольку в них впервые в большом объёме были отражены документы, например, о посе-

лениях колонистов – немцев и латышей. Многие годы с Виктором Исидоровичем переписывались читатели как нашей страны, так и зарубежные, в частности из Германии и США.

Материалы В.И. Литвиненко были использованы администрацией Азовского района при издании юбилейной книги «Земля, что пахнет хлебом». Помимо упомянутых выше публикаций, он является автором книг «Сёла Приазовья», «Расставанье с крепостным правом в Приазовье», положительно отмеченных научной общественностью.

К 70-летию Победы в Великой Отечественной войне он собрал огромный материал о судьбе воинов-земляков, вошедший в Книгу Памяти (объём свыше 40 п.л.). Несколько его очерков о письмах фронтовиков опубликованы в 2020 г. в томе «Незабываемые годы», вып. 10 (изданном Азовским городским советом ветеранов).

Работы В.И. Литвиненко по историческому краеведению не остались незамеченными – его имя занесено в «Донскую энциклопедию», на родине ему присвоено звание почётного гражданина, а районная администрация наградила его знаком «За заслуги перед Азовским районом».

Отдадим должное скромности нашего коллеги, его интеллигентности, доброжелательности, мягкому юмору, но вместе с тем ему были присущи в высшей степени чувство собственного достоинства, сильный характер и упорство.

Светлая память о замечательном профессионале и прекрасном человеке сохранится в сердцах сотрудников и коллег Виктора Исидоровича навсегда.

Скорбим и выражаем искренние соболезнования родным и близким.

Над номером работали: В.В. Дашевская, Т.М. Климчук, В.И. Литвиненко, М.С. Шипитко

Подписано в печать 27.03.2024. Выход в свет 29.03.2024.

Формат 60×84 1/8. Бумага офсетная. Шрифт Times.

Усл. печ. л. 13,48. Уч.-изд. л. 13,87. Тираж 250 экз. Заказ № 9469

Адрес редакции и издателя (для переписки):

344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42, Южный федеральный университет.

E-mail: izvestiya@sfedu.ru. Адрес в Интернете: www.izvestiya.sfedu.ru

Адрес редколлегии: 344090, г. Ростов-на-Дону, пр. Стачки, 200/1, корп. 2, к. 110,
тел.: (863) 218-40-00, доб. 11-093, доб. 11-094

Отпечатано в отделе полиграфической, корпоративной и сувенирной продукции
Издательско-полиграфического комплекса КИБИ МЕДИА ЦЕНТРА ЮФУ,
344090, г. Ростов-на-Дону, пр. Стачки, 200/1, корп. 1, к. 104, тел. (863) 247-80-51

Magazine released V.V. Dashevskaya, T.M. Klimchuk, V.I. Litvinenko, M.S. Shipitko

Signed print March 27, 2024. Publication March 29, 2024.

Format 60×84 1/8. Offset paper.

Conv. print. sheets 13.48. Publ. sign 13.87. Edition 250 copies. Order number 9469

Address of Editorial Board and the publisher (for correspondence):

344006, Rostov-on-Don, Bolshaya Sadovaya St., 105/42, Southern Federal University.

E-mail: izvestiya@sfedu.ru. Web Address: www.izvestiya.sfedu.ru

Address of Editorial Board: 344090, Rostov-on-Don, Stachki Ave, 200/1, Bildg. 2, of. 110,
phone: (863) 218-40-00, ext. 11-093, ext. 11-094

Printed in the printing department, and corporate souvenirs,
Publishing and printing complex KIBI MEDIA CENTER, SFU,
344090, Rostov-on-Don, Stachki Ave, 200/1, Bildg. 1, of. 104, phone (863) 247-80-51

Научный журнал
**«ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ.
СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ РЕГИОН. ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ»**

Рецензируемый журнал «Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки», имеющий статус центрального издания, включенного в перечень ВАК, продолжает прием работ по следующим отраслям:

1. Философские науки.
2. Исторические науки.
3. Экономические науки.

Кроме того, публикуются материалы в разделах:
– «Заметки о книгах»;
– «Научная жизнь»;
– «Штрихи к портрету».

Журнал издается с периодичностью 4 номера в год. С электронной версией журнала можно ознакомиться на сайте Научной электронной библиотеки: http://elibrary.ru/title_about.asp?id=7571. Опубликованные статьи индексируются в российских и международных электронных библиотеках и наукометрических базах данных: РИНЦ, РУКОНТ, «Киберленинка», ЭБС «Университетская библиотека онлайн», ИВИС, Ulrich, EBSCO.

Авторы, сохраняя за собой авторские права на работу и передавая журналу «Известия вузов. Северо-Кавказский регион» право первой публикации, автоматически принимают на себя обязательство не печатать ее ни полностью, ни частично в каком-либо другом издании без указания ссылки на оригинальную публикацию в этом журнале.

Издательские услуги оплачиваются организацией или автором после утверждения статьи на редколлегии.

Оформление работ осуществляется согласно правилам:

1. Представляется статья в электронном виде. Перед заголовком указать индекс УДК.
2. Статья оформляется в формате .doc или .docx (MS Word) через 1,5 интервала, шрифтом Times New Roman размером 14 пт, страницы пронумерованы.
3. Сведения об авторах с указанием автора, ответственного за переписку, **на русском и английском языках.**
4. Полное название организации **на русском и английском языках.**
5. Название статьи и фамилии авторов **на русском и английском языках.**
6. Аннотация **на русском и английском языках** (1000–1500 знаков / 150–200 слов).
7. Ключевые слова **на русском и английском языках (8–10 слов).**
8. Список источников также продублировать на английском языке.

Журнал распространяется по подписке через объединённый каталог «Пресса России», интернет-каталог «Пресса по подписке». Подписной индекс – 70414 (подписка на полугодие).

В неподписной период отдельные номера журнала за нынешний и прошлые годы можно приобрести в редакции.

Адрес для переписки: 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42, ЮФУ.

Редакция журнала «Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки».

Тел.: (863) 218-40-00, доб. 11-093, доб. 11-094.

E-mail: izvestiya@sfedu.ru.

Адрес в Интернете: www.izvestiya.sfedu.ru.

ISSN 2687-0770. Doi: 10.18522/2687-0770-2024-1.

Известия высших учебных заведений.

Северо-Кавказский регион. Общественные науки.

2024. № 1